4 (21) 2015 ISSN 2079–1100

TEMA HOMEPA / The MAIN TOPIC of the ISSUE

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ
INTERNATIONAL JOURNAL OF CULTURAL RESEARCH

Электронное издание
web-journal

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

www.eidos-books.ru
www.culturalresearch.ru

Журнал является проектом издательства гуманитарной литературы «Эйдос»

| Учредитель и издатель |

Издательство«ЭЙДОС»
editor@eidos-books.ru

| Контакты |

Общая редакционная почта
editorial@culturalresearch.ru

Главный редактор
Дмитрий СПИВАК
d.spivak@culturalresearch.ru

Зам. главного редактора
Алина ВЕНКОВА
a.venkova@culturalresearch.ru

Шеф-редактор
Анна КОНЕВА
a.koneva@culturalresearch.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77–39183 от 17 марта 2010 г.
ISSN 2079–1100

Редакция принимает к публикации материалы широкой гуманитарной направленности: научные и критические статьи, рецензии, обзоры. Все материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом на основании внутренней рецензии. Основными критериями при принятии решения о публикации служат научная новизна, актуальность проблематики, выраженная исследовательская позиция, соответствие высоким академическим стандартам научного текста. Минимальный объем материала — 20 000 знаков. Максимальный — 40 000 знаков. Редакция не знакомит авторов с рецензиями. При отклонении публикации рецензия предоставляется по запросу. Материалы принимаются к публикации только в соответствии с объявленной темой номера. Концепцию текущего номера и тематический план на следующие номера можно найти на главной странице сайта. Предоставляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия редакции и гарантирует, что ни сам материал, ни его части не были опубликованы ни на твердых, ни на электронных носителях, ни в сети Интернет. Автор несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения редколлегии и редакции. Отношения автора и редакции регулируются публичным договором-офертой, опубликованном в разделе «Авторам» официального сайта журнала.

Журнал выпускается исключительно в цифровом (электронном) формате. Печатные версии журнала не предусмотрены.

International Journal of Cultural Research is a project of the EIDOS publishing house of humanitarian literature.

| Founder & Publisher |

PublishingHouse«EIDOS»
editor@eidos-books.ru

| Contacts |

Common e-mail
editorial@culturalresearch.ru

Editor-in-Chief
Dimitri SPIVAK
d.spivak@culturalresearch.ru

Deputy Editor-in-Chief
Alina VENKOVA
a.venkova@culturalresearch.ru

Associate Editor
Anna KONEVA
a.koneva@culturalresearch.ru

International Journal of Cultural Research is registered by Federal Service for Supervision of Telematic and Mass Communications
Registration № FC 77–39183, March 17, 2010
ISSN 2079–1100

The Editorial Board welcomes a wide range of articles, including scholarly and critical papers, analytical studies, and reviews. All materials undergo peer review by members of the Editorial Board. The basic criteria for publication are scholarly novelty, current subject matter, and adherence to high international academic standards. The Editorial Board does not inform the authors of the results of peer review. However, a copy of the review will be sent to the author upon his/her request, if the paper is rejected for publication. Each issue of the journal has a theme that should be addressed by all texts accepted for publication in the given issue. The theme of the current issue, as well as of the upcoming one, are posted on the main page of the journal website. Upon acceptance, the author will be required to sign a contract for publication. Once the contract is signed, no part of the article or other materials may be published elsewhere in any form or by any means, without prior permission of the publisher. The author is responsible for the accuracy of all information, including facts, citations, historical and sociological data, names, and place names used in the text. Published materials do not necessarily reflect the views of the Editorial Board or the publisher.

The Journal issued only in electronic version. Hardcopy is not provided.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

| Редакционный совет |

Вильям АРЕНС
США, Нью-Йорк
Татьяна АРТЕМЬЕВА
Россия, Санкт-Петербург
Алексей ВАСИЛЬЕВ
Россия, Москва
Крыстына ВИЛЬКОШЕВСКА
Польша, Краков
Мариуш ВОЛОС
Польша, Торунь
Кристоф ВУЛЬФ
Германия, Берлин
Валентина ДИАНОВА
Россия, Санкт-Петербург
Шарлин Хэддок СИГФРИД
США, Западный Лафайет
Владимир КОНЕВ
Россия, Самара
Нина КОЧЕЛЯЕВА
Россия, Москва
Давид Л. КРЕЙВЕН
США, Альбекверк
Паоло КЬОЦЦИ
Италия, Флоренция
Борис МАРКОВ
Россия, Санкт-Петербург
Джон МАКДЕРМОТ
США, Колледж Стейшн
Армен МАРСУБЯН
США, Нью-Хэвен
Марк-Анри ПИЙО
Франция, Париж
Кирилл РАЗЛОГОВ
Россия, Москва
Джон РАЙДЕР
США, Нью-Йорк
Олег РУМЯНЦЕВ
Россия, Москва
Валерий САВЧУК
Россия, Санкт-Петербург
Савелий СЕНДЕРОВИЧ
США, Итака
Альмира УСМАНОВА
Литва, Вильнюс
Николай ХРЕНОВ
Россия, Москва
Вячеслав ШЕСТАКОВ
Россия, Москва
Ричард ШУСТЕРМАН
США, Бока Рейтон

| Editorial Board |

Dr. William ARENS
USA, Stony Brook, New York
Dr. Tatiana ARTEMYEVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Paolo CHIOZZI
Italy, Florence
Dr. David L. CRAVEN
USA, Albuquerque, New Mexico
Dr. Valentina DIANOVA
Russia, St. Petersburg
Dr. Nikolaj KHRENOV
Russia, Moscow
Dr. Vladimir KONEV
Russia, Samara
Dr. Nina KOCHELYAEVA
Russia, Moscow
Dr. Boris MARKOV
Russia, St. Petersburg
Dr. Armen MARSOOBIAN
USA, New Haven, Connecticut
Dr. John J. McDERMOTT
USA, College Station, Texas
Almira OUSMANOVA
Lietuva, Vilnius
Dr. Marc-Henri PIAULT
France, Paris
Kirill RAZLOGOV
Russia, Moscow
Dr. John RYDER
USA, New York City, New York/ Azerbaijan, Baku
Dr. Oleg RUMYANTSEV
Russia, Moscow
Dr. Valerij SAVCHUK
Russia, St. Petersburg
Dr. Savely SENDEROVICH
USA, Ithaca, New York
Dr. Vyacheslav SHESTAKOV
Russia, Moscow
Dr. Richard SHUSTERMAN
USA, Boca Raton, Florida
Charlene Haddock SIEGFRIED
USA, West Lafayette, Indiana
Dr. Aleksej VASIL'EV
Russia, Moscow
Dr. Krystyna WILKOSZEWSKA
Poland, Kracow
Dr. Mariusz WOLOS
Poland, Torun
Dr. Christoph WULF
Germany, Berlin

| Редакция |

Дмитрий СПИВАК
Главный редактор
Россия, Петербург
Алина ВЕНКОВА
Заместитель главного редактора
Россия, Петербург
Анна КОНЕВА
Шеф-редактор
Россия, Петербург
Скай БЁРН
Редактор
США, Беллингем
Любовь БУГАЕВА
Редактор
Россия, Петербург
Томас КАЧЕРАУСКАС
Редактор
Литва, Вильнюс
Денис СОБОЛЕВ
Редактор
Израиль, Хайфа
Ирина СОКОЛОВА
Редактор
Россия, Петербург
Михаил СТЕПАНОВ
Редактор
Россия, Петербург
Лариса ФИАЛКОВА
Редактор
Израиль, Хайфа

| Editorial Team |

Dr. Dmitry SPIVAK
Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg
Dr. Alina VENKOVA
Deputy Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg
Dr. Anna KONEVA
Associate Editor
Russia, St. Petersburg
Sky BURN
Editor
USA, Bellingham
Dr. Lyubov BUGAEVA
Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Larisa FIALKOVA
Editor
Israel, Haifa
Dr. Tomas KAČERAUSKAS
Editor
Lithuania, Vilnius
Dr. Denis SOBOLEV
Editor
Israel, Haifa
Dr. Irina SOKOLOVA
Editor
Russia, St. Petersburg
Dr. Michael STEPANOV
Editor
Russia, St. Petersburg

Выпуск # 4(21) 2015

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ

Приглашенный редактор:
Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ

Ответственный редактор:
Алина Владимировна ВЕНКОВА

Issue # 4(21) 2015

IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Guest Editor:
Vladimir KAGANSKIY

Managing Editor:
Alina VENKOVA

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

СОДЕРЖАНИЕ / TABLE OF CONTENTS

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY
| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |····· 5

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV | Александра Владимировна СТЕПУКОВА / Alexandra STEPUKOVA
| Разнообразие границ как многообразие различающих собирательных категорий / The Diversity of Boundaries as the Variety of Distinguishers of Collective categories |····· 28

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV
| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |····· ·····50

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH
| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |····· 63

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA
| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography | ····· 73

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA
| «Географически в Азии»: десемиотизация евроазиатской границы в уральском травелоге XIX века / "Geographically in Asia": The Desemiotization of the Eurasian Border in the Ural Travelogue of the 19th Century |····· 85

Ольга Владимировна ДЕСЯТКОВА / Olga DESYATKOVA
| Граница земного и потустороннего в этнокультурном ландшафте вятских марийцев / The Boundaries of Earthly and Otherworldly in Ethno-cultural Landscape of Vyatka Mari |····· 97

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРСОВА / Anastasija FIRSOVA
| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |····· 108

Галина Станиславовна РЫЛЬКОВА / Galina RYLKOVA
| Предельность отношений поэта и толпы на примере «Поэмы без героя» Анны Ахматовой и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака / Extremes in the Relationship of the Poet and the Crowd Illustrated by *A Poem without a Hero* by Anna Akhmatova and *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak |····· 115

Александр Павлович ЛЮСЫЙ / Alexander LYUSIY
| Символический пограничник: как Левиафана ни корми, он в лес смотрит / Symbolical Frontier Guard |····· 130

Александр Юрьевич КРАМЕР / Alexander KRAMER
| Границы концертного зала: три ракурса / Borderlines of a Concert Hall: Three Viewpoints|····· 142

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

Институт географии РАН, Отдел физической географии и проблем природопользования, Москва, Россия
Старший научный сотрудник, кандидат географических наук

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senior researcher, PhD
kaganskyw@mail.ru

СИТУАЦИЯ ГРАНИЦЫ И ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГРАНИЦ

В статье представлены ситуации границ, характерные для разных дисциплин и практик. Единство задано набором логико-семиотических парадоксов границ. Приведен комплект примеров ситуации границ. Представлена двухсторонняя типология границ. На одной стороне типологизированы ситуации разбиения – расчленения и соответствующие типологии границ, на другой – ситуации и типы бытия границ в социокультурных и культурно-ландшафтных системах. Рассмотрены новые типы границ и переходно-пограничных зон: разграничение – отграничение, симметричные – асимметричные границы, позитивные – негативные переходные зоны, «непринадлежность – двупринадлежность», «центры – границы». Техника работы – феноменологическое всматривание Э.Гуссерля; путешествия теоретика по ландшафтным и культурным многообразиям, методологически обобщенная теоретическая география. В ландшафте границы трояко наблюдаемы: первичная визуальность, вторичная – снимки, третичная – карты. Применены семиотический анализ, подходы «border studies». Статья основана на личном проживании ситуации границы.

Ключевые слова: граница, когнитивная графика, лимология, отграничение, парагеография, парадоксы границ, представление знаний, проблема границ, пространство, пучок границ, разграничение, районирование, ситуация границы, статус границы, теоретическая география, типы границ, функции границ.

THE SITUATION OF THE BORDER AND LOGICO-SEMIOTIC BOUNDARY TYPES

A concept of border is common for many disciplines. The similarity of concepts is demonstrated by description in logical-semiotics terms. Several cases of border are discussed. A dual-approach typology of borders is described. On the one hand we classify cases of fragmentation and dissection of entities, on the other hand we classify processes and events in social, cultural and landscape coordinates. We suggest to recognize several new types of borders: Divided – cut off fragments, symmetric – asymmetric, positive-negative transition zones, non-incorporated – double incorporated sites, core – border. The methods of investigation: Husserl eidetic intuition, travelling as a cognitive practice, theoretical geography approaches (three layers of descriptions — phenomenon, aerial photograph, map), semiotics, border studies. The article is based on personal empathy and eidetic examination of life of a border.

Key words: border, cognitive graphics, limology, delimitation, parageography, the border paradoxes, knowledge representation, the problem of delimitation, territory, a bundle of borders, land zoning, demarcation, a situation of a border, theoretical geography, types of borders, functions of borders.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

Грани́ца — реальная или воображаемая линия или ограждение, определяющая пределы какого-либо субъекта или объекта и отделяющая этот субъект или объект от других.
Википедия, 2015

Лишь в своей границе и благодаря своей границе нечто есть то, что оно есть.
Г.Гегель

Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее…
М.М. Бахтин

Всякая модель культуры имеет внутренние разграничения, из которых одно является основным и делит ее на внутреннее и внешнее пространства.
Ю.М. Лотман.

КОМПЛЕКТ ПРИМЕРОВ СИТУАЦИИ ГРАНИЦЫ

СЕМИОТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ГРАНИЦ

ПРОБЛЕМА И СИТУАЦИЯ ГРАНИЦ

ТИПОЛОГИЯ ГРАНИЦ. I. ГРАНИЦЫ В СИТУАЦИИ РАЗБИЕНИЯ И РАСЧЛЕНЕНИЯ

- **СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАНИЦ. ПОТРЕБНОСТЬ. СПРОС. ПРЕДЛОЖЕНИЕ**
- **ГРАНИЦЫ КАК РАЗЛИЧАЮЩИЕ И РАСЧЛЕНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ**
- **РАЗГРАНИЧЕНИЕ И ОТГРАНИЧЕНИЕ. СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ ГРАНИЦ**
- **ПРОСТРАЯ МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ**
- **ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПЕРЕХОДНЫЕ ЗОНЫ**
- **ПОРОЖДАЮЩИЕ РАСЧЛЕНЕНИЯ – ПОРОЖДЕННЫЕ РАСЧЛЕНЕНИЕМ. ГРАНИЦЫ ВНЕ РАСЧЛЕНЕНИЙ**

ТИПОЛОГИЯ ГРАНИЦ. II. ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ

- **ФУНКЦИИ ГРАНИЦ**
- **СИСТЕМЫ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ГРАНИЦАМИ. ГРАНИЦЫ КАК ОСИ СИСТЕМ**

ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ. РАСЧЛЕНЕНИЯ КАК САМОРАСЧЛЕНЕНИЯ?

Статья использует, развивает, критикует концепты и подходы следующих авторов:

Аверинцев С.С. (византийская культура на границе)
Бахтин М.М. (всюдность границ в культуре)
Гегель Г.Ф. (бытие и границы)
Гирц К. (культура и ее описание)
Гуссерль Э.(техника феноменологии)
Ефремов Ю.К. (ландшафт и границы)
Кордонский С.Г. (отдельность)
Лефевр В.А. (рефлексивные системы)
Лотман Ю.М. (границы в культуре / семиосфере, границы и диалог)
Любищев А.А. (модусы и критерии реальности)
Люри (границы в ландшафте)
Парк Р. (маргинальность)
Разумовский С.М. (естественные границы сообществ)
Родоман Б.Б. (теоретическая география, типы границ, парагеография)
Семенов-Тян-Шанский В.П. (пейзаж, переходные зоны)
Солнцев-Эльбе Н.А. (картографическая морфология районов)
Фейерабенд П. (эпистемологический анархизм)
Фрумкина Р.М. (границы семантических полей)
Хаусхофер К. (границы в геополитике)
Чаадаев П.Я. (Запад ↔ Россия ↔ Восток)
Чебанов С.В. (границы и формы, теория классификации)
Шрейдер Ю.А. (теория классификации, сложные системы)
Щедровицкий Г.П. (кентавр-объекты)
Border studies.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

Представление ситуации границ, характерной для многих разных дисциплин и практик; обобщение долгих исследований автора на протяжении многих десятилетий; своего рода автореферат (основные работы упомянуты) пишущейся книги. Средства работы – феноменология; путешествия теоретика по ландшафтным и культурным многообразиям, методологически обобщенная теоретическая география (в ландшафте границы трояко наблюдаемы: непосредственно – фотоснимки – карты); методологический и семиотический анализ; подходы «border studies»; существенно личное проживание ситуаций границы. Методологическая санкция – у П. Фейерабенда. Цитирование собственных работ производится, если только сюжет рассмотрен подробнее или уместно указание на приоритет. **Полужирный шрифт** выделяет важнейших авторов и понятия; *курсив* – главные суждения; новые понятия **подчеркнуты**.

По моему мнению – его, похоже, разделяют и многие авторы выпуска – основа интуиции границ и даже пресуппозиция работы с границами состоит в представлении любого многообразия как пространственного, как некоторого **пространства**; границы в математике здесь не обсуждаются. Все границы представляются как пространственные – но отнюдь не все таковыми являются. Всякое реальное пространство неоднородно. Это и находит свое выражение в границах. Всё, что разграничивается, членится, разделяется, имеет / лишено границ – вещь, комплекс, объект, предмет, район, регион, система, тело, эпоха etc назовем термином С.Г. Кордонского **отдельность**. Пространство соткано отдельностями. Их разделяют ↔ связывают **границы**. *Граница – выражение и разрешение ситуации соседства двух предельно сближенных разных отдельностей*, не имеющих общих существенных частей. Язык границ, изображение сетью граничных линий тех отдельностей, на которые делится целое – способ представить пространство дискретизованным; представление же самих границ как линий или переходных зон – частные варианты. Граница – дискретное выражение дифференциации, в том числе и континуального пространства. Насколько границы выражает граница дискретность – а насколько ее порождает в общем случае неизвестно. Спектр мнений широк (но не полон), дискуссии бушуют, литература – необозрима.

Однако реальность границ и острота проблемы не связано прямо с континуальностью или дискретностью пространства. **Проблема границ** пронизывает систематизации и присутствует в них изначально; это клубок и всех аспектов работы с пространством и упорядочивающе-систематизирующей деятельности. Упрощает ли это – или усложняет? Как и классификационная проблема, она культурно перегружена[1]. *Но внятного представления – чем же именно является сама проблема границ – нет.* Существенно, что членение пространства на области, выделение / полагание отдельностей куда менее проблематично, нежели положение и статус границ в этом членении: оппозиция <Запад ↔ Восток> налицо, а разные варианты границы <Запад ↔ Восток> – от Великой Китайской стены до Днепра. Нет сомнений в существовании таких практик, дисциплин и подходов как «биология» и «культурология» – но их отчетливое разграничение, особенно при активности сквозных дисциплин типа семиотики – огромная проблема. По-видимому, такова и общая ситуация.

КОМПЛЕКТ ПРИМЕРОВ СИТУАЦИИ ГРАНИЦЫ

Представим **ситуацию границы** двумя перечнями.

Проблемное поле, центрируемое по самым разным практикам, связанных с границами необозримо и бесформенно: определение, проведение, обоснование, выяснение статуса, функций, пред-

[1] Розова С.С., 1986. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука. 224 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ставление, рефлексия, понимание, проблематизация, преодоление, снятие etc. За сорок лет наблюдений, исследований, размышлений *не удалось обнаружить сферы, лишенной проблемы границ*. Это ситуации границ самой сферы и/или границ в ее предмете; чаще «и». Комплект примеров основан на личностном знании и не претендует на полноту.

➢ Проблема демаркации в методологии науки – одновременно и одной процедурой ищется решение проблем выявления и экспликации специфики науки как типа познавательной деятельности и четкого различения и разграничения «наука ↔ ненаука». Вопросы «что есть наука?» и «каковы границы науки?» отождествлены. Ровно то же самое относится и к конкретным дисциплинам. В рефлексии науки (почти всегда) слиты и неразличены проблемы выявления интенсионального центра – и определения объема посредством проведения границ области, этим центром организуемой.

➢ Проблема переходных, промежуточных, смешанных и т.п. классов в классификации, типологии, систематизации, систематике и т.п.

➢ Проблема расчленения оболочек (геосфер) Земли. Биосфера (географическая оболочка) сама оказывается пограничной оболочкой с проблематичными границами. Поиск границ и выявление смысла биосферы ведет к отождествлению центральной оболочки и пограничной геосферы[2].

➢ Проблема границы языков, включая ситуацию континуума – языки-то налицо, в чем нет сомнений, но границы между ними не фиксируются; проблемы статуса языков в зонах би- и полилингвизма, проблемы креольских языков, языков-пиджинов и т.п.

➢ Экотоны растительных сообществ (особые пограничные формации) при неопределенности их статуса. Континуум в геоботанике: закономерная пространственная дифференциация видов растений и самой растительности, включая и ярчайшие различия – невозможность проведения границ как линий. Контрарная школа континуум отрицает, но бьется в поисках критериев для выявления и «объективного» очерчивания самих растительных сообществ[3].

➢ Мучительная проблема границ ландшафтов / районов в науках о Земле, обостренная практической необходимостью в главных когнитивных техниках фиксировать границы в натуре и линейно однозначно репрезентировать их в картографических изображениях. Сплетение разных атрибутов границ – «объективности» / реальности и линейности. Не исключено, что такая традиция уже неадекватна.

➢ Пограничные научные дисциплины и их функции в интеграции (дезинтеграции?) науки. Недоопределенная связь пограничных дисциплин и междисциплинарных исследований.

➢ Проблемы дисциплин, предметное поле которых (почти) полностью пересекается с предметными полями более старых (важных, имеющих привилегированных когнитивный и культурный статус) дисциплин – такова классическая география и возникающая культурология; значит ли это, что внешние границы этих дисциплин оказываются и внутренними?

➢ Стратификация социума и промежуточные группы. Маргинальные сообщества и маргинальность как тип пограничного сознания.

➢ Интеллигенция (русская) как особая пограничная (?) группа[4].

➢ Проблемы и темы границ города в большом семействе урбанистических дисциплин и сюжет урбанизации как маргинализации ландшафта.

[2]Методологическая шутка географов: раньше мы были поверхностной наукой о поверхностных явлениях, а теперь - пограничная наука о пограничных явлениях.

[3] Характерно, что однозначные границы сами проступают в пространстве растительных сообществ, если реконструирована их динамика и эволюция - Разумовский С.М. Избранные труды. М.: КМК Scientific Press, 1999.

[4] Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М.: О.Г.И., 1999.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

➢ Методология науки (методология познания) как переходная область между собственно наукой и философией; острые коллизии одновременной «двуместности» и «безместности».

➢ Проблема (самоопределения, идентичности) России как одновременно моста и границы между Востоком и Западом, Европой и Азией, идущая от П.Я. Чаадаева. Болезненная острота коррелирует с неопределенностью решений, генерируя целые направления типа евразийства[5].

➢ Проблема членения временных, исторических многообразий, – налицо все названные проблемы, напр. двойственность переходных периодов, обостренная тем, что «самые переходные» эпохи нередко оказываются по функции или роли переломными, центрами. Напр. «Серебряный век» (коллизия острая), революции и мировые войны.

Все эти области пронизаны одними и теми же вопросами.

➢ Существуют ли границы «на самом деле» или это условные линии – в более адекватной терминологии: каков онтологический (даже метафизический), методологический, эвристический, семиотический статус границ? Если это конструкты, то какого типа? Каковы их функции, правила введения и сферы применения?

➢ Независимо от реальности границ сводимы ли они к линиям («без ширины») или это обязательно некоторые переходные отдельности?

➢ Обладают ли границы независимо тем же онтологическим статусом, тем же модусом (спектром модусов) реальности, что и разграничиваемые объекты?

➢ Могут ли границы фиксироваться столь же строгими и/или методологически выделенными процедурами, которыми фиксируются сами изучаемые отдельности и их структуры?

➢ Каковы типы границ и производна ли их типология от типологии разграничиваемых объектов? Иначе говоря, в продолжение предыдущего, обладают ли границы «самостоятельной» реальностью?

➢ Как возможно существование отдельностей, если не удается зафиксировать отчетливо / однозначно их границы?

➢ Можно и должно ли представлять и мыслить границы, не очерчивающие никаких предметов и существующие помимо расчленений и разбиений, так сказать, самих по себе.

СЕМИОТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ ГРАНИЦ

Границы чрезвычайно трудно сделать предметом постижения и понимания. Предмет зрения, умозрения и рефлексии по умолчанию пребывает в центре ↔ поставить же границы в центр, значит войти в противоречие. Предпринятая ранее попытка сфокусировать внимание именно на границах, задав поле комплексом **парадоксов границ** была результативной. Резюмируем парадоксы[6], представив и ряд новых. Но это логико-семиотические, а не логические парадоксы.

В дискретном пространстве границы налицо как элемент, существенная часть отдельностей ↔ в континуальной ситуации границы представляют проблему. В дискретной ситуации проблема границ вырождается ↔ в континуальной приобретает особую остроту. *Там где есть границы, нет проблемы границ ↔ там же, где «границ нет», налицо острая проблема границ*. Но в континуальном пространстве границы, теряя определенность и будучи предельно размытыми, оказываются пронизывающими всю пространственную телесность.

[5] Наш анализ - Каганский В.Л. Евразийская мнимость России // Российская цивилизация: устойчивая и изменчивая. М.: Наука, 2007. С. 531 – 590.

[6] Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982, С.7-19, Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии, 1999, № 4 (20), С. 103-116.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

Границы нигде ↔ границы всюду. Насыщенно-напряженная семантическая телесность, перифразируя М.М. Бахтина – всюду чревата границами, перманентно генерирует границы.

Граница – часто и обычно **знак предмета**, иногда и его символ. Но в исследованиях предмета для нас граница – его **часть**, особая, но существенная (интенсиональный эквивалент понятия «существенный признак»). Без границы целое и его представление неполно (ср. акцентирование границ в структуральной культурологии тартусско-московской школы). Семиотический конструкт, элемент системы представления оказывается одновременно лежащим в совершенно ином плане. *Знак объекта ↔ часть объекта!* Границы – искусственно-естественные образования, **кентавр-объекты**. В близкой нам области границы на картах соотносятся с границами в непосредственно визуально данном ландшафте; это и лежало в неотрефлектированной непродуктивной дискуссии о границах и реальности данных границами районов – интеллектуальном инварианте различных школ географии второй половины XX века. *Границы одновременно и непротиворечиво могут быть частями и знаками отдельностей лишь в одном-единственном случае – на **карте***[7]. Склейка и неразличение таких аспектов и порождает парадоксы. Карта – семиотическое снятие противоречий границ; это объясняет, почему ожесточенные дискуссии между непримиримыми позициями шли параллельно согласованной совместной работе изучения ландшафтов. *Именно двухслойность границ при возможности их представления в визуально-графическом пространстве и позволяет разрешать концептуально и рефлективно неразрешимые проблемы; работа с границами – способ (нерациональной) рефлексии или ее эквивалент*[8]. Это общая ситуация, и когнитивная графика уже выступает в этой функции.

С помощью границ мы видим / усматриваем предмет при обычном зрении или умозрении. Граница и позволяет видеть нам нечто – не всегда, но часто (см. «фон и фигура»). Это хорошо известно в ряде сфер. Однако всматривание в границы, приобщение к их особой реальности или ее генерирование ставит границы в центр. При этом может происходить «размывание», утрата самого предмета. *Мы видим* (различие между зрением и умозрением не акцентируются, хотя они различаются) *посредством границ, которые тогда должны быть невидимы*. Как только мы начинаем видеть границы – мы теряем то, ради чего мы видели границы. *Видя через границы отдельности ↔ мы не видим границы; видя границы отдельностей ↔ мы не видим отдельностей*. Эта ситуация не разрешается так просто, как кажется на первый взгляд – путем центрирования видения по ядру предмета, поскольку это не универсальный рецепт и, кроме того, для реализации личностного знания существенно восприятие именно периферий смысловых сгустков, что подчеркивал М. Полани, а это требует и тонкой работы с границами (в том числе и различения «периферия – граница»[9].

Границы, особенно явно или неявно представленные в систематизациях, идентификации отдельностей передают членение объема (в том числе понятия). Но российская междисциплинарная теории классификации школы С.В.Мейена – Ю.А. Шрейдера установила, что в систематизациях идет работа с содержаниями, интенсионалами. *Границы – экстенсиональное представление интенсионалов*. Коль скоро без границы нельзя фиксировать объемы отдельностей – то *граница очерчивает объем понятия*, даже индивидуального (Евразия, культурология), но как существенная часть отдельности граница – *компонент содержа-*

[7] Каганский В.Л., Шрейдер Ю.А. Карта как общий способ представления знаний//Научно-технич. информация, сер. 2, 1992, N 5, С.1-6.

[8] Каганский Ситуация границы и граница // Мир психологии, 1999, № 4 (20), С. 103-116.

[9] Подр.: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространства. М.: НЛО, 2001.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ния. Но объем и содержание принадлежат к разным аспектам понятия!

В нынешней оптике трудно видеть предметы и границы этих предметов одновременно и взаимопроясняюще. Граница выступает визуально-когнитивным знаком предметов, если в ситуации вообще есть что видеть – однако налицо бум визуализаций, «пространственный поворот», растущая как неуклюжий ком когнитивная графика» и проч. Мы видим предмет посредством видения его границ и через границы. *Становясь линзой видения ограничиваемого ею предмета, граница перестает быть частью предмета; будучи знаком предмета, является ли граница его частью?* Видя предмет посредством его границ мы обречены видеть его без границ и вне границ; такое видение неполно и незавершенно. Видя границы предмета как таковые, мы теряем предмет; но границы как таковые, вне предмета – не границы, так мы теряем и границы.

Если с помощью границ усматривается отдельность как смысловое тело, то нередко именно системой границ оно и задается. Дело не в привязанности автора к картам районирования – большинство визуальных презентаций, когнитивной графики используют границы; хотя без них можно обойтись – и в большинстве ситуаций нужно обойтись. Деятельность систематизации завершается и ее продукт получает когнитивный и культурный статус именно предъявлением полной системы границ; именно таково, кстати, должно быть законодательство. Систематизация как практика оказывается центрированной по границам (дифференциальные, отличительные признаки в описаниях биологических таксонов). Согласно обыденному представлению границы обеспечивает эксплицитное разрешение проблемы соседства, то есть в локальной ситуации буквально показывают конкретику этого соседства. Но эти сугубо локальные границы не могут не проводиться с точки зрения отдельности как целого – то есть глобальны: *локальные границы глобальны*.

В графических способах представления знаний на границах лежит огромная нагрузка – нередко именно система границ и репрезентирует область; таковы многие представления-карты предметных / проблемных областей как «нарезки» на подобласти (районы). *Предмет изображается границами, но они не изображаются*. Показательно, что расчленение на области, предполагающие представление границ и указание самих ядер (предметных, проблемных) областей обычно и осуществляется и представляется по-отдельности и разными, не связанными способами – хотя они дополнительны и должны реализовываться в одних и тех же систематизациях и графике. Членения (районирование) предметного пространства и семантические сети дополнительны. Установлена двойственность однородных (области) и коннекционных (сети) членений[10].

Границы во многих практиках операционально реальнее и конкретнее объектов; даны в методиках выделения отдельностей, особенно в науках о Земле, статистических методах классификации (понимаемой как кластеризация в признаковом пространстве), некоторых картированиях семантических полей, представление предметных (проблемных) областей etc. Но эти объекты задаются границами. Получается – цитата из ряда профессиональных фольклоров – ***«реальный объект с условными границами»***... Во многих самых разных предметно методических руководствах вообще не различается формирование «сгустков смысла» и полное расчленение пространства сгустков путем проведения границ[11] (ср. – в прецедентном праве как способе организации нормативного простран-

[10.] Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. Когнитивная графика географии это делает общими методами.

[11] Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования, № 2, 2003, С. 16 – 30.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ства идет именно работа со «сгустками», а не границами, как в кодифицированном праве).

Крайне вырожденный вариант – членение пространства по внешним культурно-привилегированным определенностям – граница (<Европа – Азия>), числовым параметрам, имеющих круглые, «совершенные» значения или иные значения (нарезка территории по сети параллелей и меридианов, города-миллионеры, века как исторические периоды, празднование третьего тысячелетия по Р.Х. – налицо уже и наделение границ особым культурным статусом и светская секуляризация). *Границы (ситуации границ) – крайне интересный* ***проективный тест культурных ситуаций***[12].

Обеспечивая разрешение локальной ситуации, система границ – существенный элемент представления целого; тогда комплекс локальных границ – внешняя граница разграничиваемого ими целого. *Границы «внутри» объекта, внутренние границы ↔ внешние границы объекта*. Правовой коррелят очевиден – границы между соседними юрисдикциями пребывают в ведении вышестоящей инстанции. *Границы внутренних частей объекта суть граница «часть – целое»; границы в системе есть границы этой системы*.

Границы внутри объекта задают / передают? – его **внутреннюю форму**, но они передают и **внешнюю форму**; проблемы полноты такого представления не обсуждается. Оказывается – очевидные звенья рассуждения здесь и далее опущены – *внутренние границы как результат расчленения суть внешнее представление целого, а система границ – граница разных расчленений* (представлений – в практиках, пользующихся картами это одно и то же). *Границы в предмете оказываются границами предмета*. Для данного издания есть фокальный пример. *Проблема границ культуры как феномена (предмета) сопряжена с проблемой границ культурологии как дисциплины об этом предмете*. В географии подобная связка порождала головокружительные парадоксы. Если не удавалось обнаружить «объективные» границы, членящие объект географии (ландшафт, географическую оболочку), то предмет дисциплины проблематизировался и затем сомнение переносилось на само ее институциональное существование. Сейчас таковых сомнений нет (нет и методологической рефлексии) – но свернута и работа над границами…

Границы пребывают между смежными объектами (почти тавтология) и связи между объектами идут через границы. Они тем самым выполняют целый букет функций – контактных. Но в сложных системах основные контакты идут через центры. Тогда налицо получение центрами функций границ, а границами – функции центров: **инверсия «центр ↔ граница»**. Аналогична ситуация и для границ временных многообразий – *переломная, пограничная эпоха оказывается центром событийности* и для прошлого и для будущего. Так связывают границы или разделяют, они контактны или барьерны? Граница – ось контактов или сфера взаимного безразличия? Запустение на границах российских регионов по типу и месту точно соответствует интеллектуальному запустению на общих периферриях многочисленных, особенно социогуманитарных «дисциплин» в России[13].

Обычно работа с границами идет так, как будто разграничиваемые отдельности статичны и

[12] Ландшафт выступает как такой тест (для него ситуация границ атрибутивна): Каганский В.Л. Постсоветская культура: вид из ландшафта // Обсерватория культуры. 2006, 3. Каганский В.Л. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта (электронная книга). М. – Институт Стрелка. – 2013. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vladimir_kaganskiy/kak_ustroena_rossiya_portret_kulturnogo_landshafta/). Такой тест и комплексный симптом - сама ситуация и статус границ: Каганский В.Л. Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии, 1999, № 4 (20), С. 103-116.

[13] Каганский В.Л. Внутренняя Периферия // Каганский В.Л Путешествия теоретика (в печ.).

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

однородны. Но тогда работа с границами не столь уж проблематична. Но если система / комплекс отдельностей неоднороден / нестатичен, то в дело вступает функционирование и функции границ. Мы принуждаем границы (статично) *быть* в наших системах разбиения / расчленения, а они «хотят» жить своей жизнью…

Кажется очевидным, что между двумя отдельностями проходит одна граница; интеллектуальные стандарты именно таковы, но если эти отдельности разные, то и позиции проведения границ в общем случае различаются. Следовательно, налицо как минимум **раздвоение границы**, и их совпадение – частный случай (как именно и почему редко – ниже).

Граница обозначает и есть знак, означающее – граница суть фрагмент тела. *Граница – склейка **означающего** и **означающего***. Ситуация осложняется тем, что граница сама обозначается, и возникает цепочка «означаемое – означающее». Равно и граница есть различающее (расчленяющее) ↔ различенное (расчлененное).

ПРОБЛЕМА И СИТУАЦИЯ ГРАНИЦ

Полагание границы – акт идентифицирующего расчленения универсума, априорно (и иногда) абсолютно связанный с позицией. Здесь не существенно, продуцирована ли эта позиция самими соположенными отдельностями-предметами и лишь транслирована ими в смысловое поле участников ситуации, исследователей etc либо присуща последним и наложена на предметы. Полагание границы – акт работы с материалом, иначе говоря, контекстуально свободное видение / полагание границ невозможно. Можно лишь упорядочивать, рефлектировать и пр. контексты. *Тогда систематизировать разумно не границы как отдельные элементы ситуации границы – но сами ситуации*; в этом аспекте границы не классифицируемы, но классифицируемы лишь как фрагменты ситуации разграничения. Тогда граница двух соположенных предметов безотносительно их природы не может быть единственной, полагаясь она сколь угодно ясной разграничительной линией или сколь угодно размытой переходной полосой. Смысловой статус границы, ее природа и форма etc не состоит и не сводится к геометрической фигуративности, фиксации непрерывности, континуальности границы как переходной зоны etc.

Решение ситуации границы есть нечто иное и большее, нежели бесспорно-безукоризненное решение, где и в каком в материале проводится (конструируется) граница и какова она геометрически и/или материально. Всякий предмет оказывается позицией и полагает свою собственную идентифицирующую границу, но находясь всегда в ситуации, по меньшей мере, бинарной идентификации, полагает две! границы. Именно поэтому единственная граница двух смежных отдельностей – крайний случай. Перифразируя **В.А. Лефевра**[14], границы живут в отношении «ткань – рисунок», причем это взаимные отношения, иногда рефлексивные. Ситуация – интерференция двух идентифицирующих пар границ. Ситуация обогащается и тем, что кроме локальной позиции соседства двух отдельностей (и больше), граница задается и глобальной позицией. Тогда *всегда налицо **пучок границ***, и *разрешение проблемы границ (оптимизация ситуации) – состоит не в определении комплексной границы (эклектика, компромисс), а в **выборе!*** Если исключить всеведение «решателя границ», то в общем случае *отвечающее всем различающимся требованиям решение границы оказывается невозможным*. Тогда проведенное рассуждение дает нормативно-методологическую санкцию на *принятие условных решений; такое решение – полноценное, а не вынужденное.*

ТИПОЛОГИЯ ГРАНИЦ.

[14] Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973, 158 С.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

I. ГРАНИЦЫ В СИТУАЦИИ РАЗБИЕНИЯ И РАСЧЛЕНЕНИЯ

Границы на карте – знаки районов; районы – это отдельности – ландшафтного пространства. Границы одновременно и непротиворечиво могут быть частями и знаками лишь в одном единственном случае – при визуально-графическом представлении, в карте. **Карта районирования** – семиотическое снятие противоречий границ. *Логически и семиотически единая и внутренне непротиворечивая типология границ возможна либо как типология границ (переходных зон) как морфологических компонентов районов* наряду с иными компонентами, часть общей типологии компонентов района либо *как свертка типологий ситуаций районирования.* Во всяком ином случае типология границ будет иллюзорно-комплексной, эклектичной либо бессмысленной; в ней будут сплетены фрагменты и особенности пространства и – ситуации его разграничения, как связанные с ним, так и не связанные. Границы исключительно как границы районов – компонент ситуации районирования (разграничения), а не морфологии района[15].

- СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГРАНИЦ. ПОТРЕБНОСТЬ. СПРОС. ПРОИЗВОДСТВО

Методологическая (семиотическая) функция границы состоит, прежде всего, в том, чтобы *зафиксировать и представить комплекс отдельностей и/или их пространств*. Во-первых, *без границ это представление может оказаться неполным*. Во-вторых, *именно система границ представляет расчленение так и таким образом, что для каждого фрагмента можно точно указать, к какой именно отдельности он отнесен*. Таковы методологические (культурные?) требования к представлениям, а то и к осуществлениям разбиений и расчленений. Они особенно наглядны тогда, когда расчленяемое многообразие – картографически визуализируемое пространство. (Представления границ в картах – важнейшая модель для сюжета). В-третьих, *представление пространства четко отграниченными отдельностями* – ***представление знаний*** о пространстве семейства отдельностей. В когнитивной графике использование границ весьма существенно, однако новая сфера не использует имеющихся наработок.

Основываясь на значительном опыте и экспертизе подчеркнем, что в исследовательской и конструктивной деятельности случаи*, когда нужно задать границы именно жестко-линейно-однозначно, наделив их высоким статусом (модусом) реальности редки*. Так, это относится к нормативным физическим и фазовым пространствам, включая членение на зоны юрисдикции, особенно государственные территории. В практиках работы с картами принято считать, что необходимо однозначное отнесение каждого пространственного фрагмента к конкретной области, что и приводит к линейности границ. Однако постоянная **онтологизация познавательных и риторических моделей** (понимая риторику общо, в связи с любыми средства представления, и значит – и риторику карты) приводит к тому, что *семиотическая данность линейности границы проецируется и «вживляется» в реальность*. Выражусь резче, резюмируя анализ ситуации районирования[16]. Это не районируемая действительность «состоит» из линейных границ – а семиотические средства ее представления. *Границы «на самом деле» одновременно линейны и реальны исключительно в культурных моделях*. ***Средства представления границ*** *и формируют их*

[15] Так, в картографической морфологии природного ландшафта Н.А.Солнцева границы – вне морфологии ландшафта - Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. - 2009. - № 1. - С. 62-70.

[16] Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования, № 2, 2003, С. 16 – 30.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

культурный статус. Таково и расхожее мнение, что соседствующие отдельности разделяются одной-единственной границей. *Границы многое говорят нам о культурных и методологических ситуациях*. Культура не только членится границами, она содержит и задает нормативы членений нередко более жестко, нежели то требует логика отдельностей. Этот сюжет – *общая точка роста методологии, когнитивистики, теории классификации, культурологии и институционалистики*. Более того, границы «проговариваются», особенно при наличии канона представления соответствующих многообразий. Характерно, что если такого канона нет, то и границы представляются совсем иначе или даже никак не представляются. Буквально картируя семантические поля, Р.М. Фрумкина представила упорядоченное разнообразие без представления и изображения границ, но систематизация была проведена и эвристично интерпретирована[17].

Способы недискретного представления пространственных многообразий хорошо известны; настоятельные требования использовать размытые представления, изображения и карты выдвигаются уже очень давно. И это при том, почти никогда не пытаются показать, что функция принадлежности принимает только целочисленные значения {0.0, 1.0}. Если это не так, то границы оказываются размытыми, что формально описывается аппаратом типа «размытых множеств»; континуалистская парадигма геоботаники упоминалась, но она этот аппарат недавно не применяла).

Культурно-методологические нормы осуществления и представления систематизаций предъявляют ***спрос на границы***[18]. Известный концепт А. Лефевра «производство пространства»[19] – это par excellence **производство границ**. Граница – культурный ресурс; тогда осмысленен вопрос о **рынке границ**. Поскольку граница семиотична и симптоматична, визуально фигуративна и мнемонична, а значит и геральдична, то она весьма часто наделяется символическими функциями или изначально символически нагружена. Сюжет границы как архетипа заведет нас слишком далеко, но всякое культурное обустроенное пространство оформлено границами. А является ли концепт границы языковой универсалией в смысле А. Вежбицкой – пока неясно.

Поскольку в современной цивилизации чрезвычайно велик спрос на простые символы, то касается это и границ. Так, места всей (бывшей советской) Северной Евразии испытывают кризис идентичности и взыскуют нового пространственного и одновременно символического самоопределения. Исследования показывают, что весьма часто границы оказываются ресурсами и средствами такого самоопределения. Тогда центры / границы – главный конструктор пространственной идентичности этого пространства[20].

- ГРАНИЦЫ КАК РАЗЛИЧАЮЩИЕ И РАСЧЛЕНЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ

Неоднородность пространств и отдельностей очевидна – иначе к чему бы границы. Как бы не представлять дифференцированное пространство, при необходимости его членения отдельные его компоненты более существенны, нежели иные. Сама систематизация такого пространства отмечает **различающие** и **расчленяющие компоненты**. Представляется, что почти в любой отдельности выделяется центр или ядро, каковое сосредотачивает ее существенные особенности (неконнекционное и/или однородное пространство и /или оказывается действующим активным ядром (дифферен-

[17] Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа). М.: Наука, 1984.

[18] Каганский В.Л. Природоохранная деятельность и ценность границ // Уч. зап. Тартус. ун-та. Вып. 704. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1985, С.96-101.

[19] Лефевр А. Социальное пространство // «Неприкосновенный запас» 2010, №2(70).

[20] Каганский В.Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра. 2014, спецвыпуск № 5, С. 10-19.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

цированное, связное, коннекционное пространство)[21]. **Центр** – различающий компонент системы. В силу диалектики центра и границ последняя выступает именно в этой же роли, не говоря об ее позиционной выделенности. Однако чаще в роли специфицирующих компонентов используются границы, а *содержание центра на границы проецируется*. Но так ли это продуктивно, как кажется? Выступая разными и полярными не только позиционно, но структурно местами, центр и границы должны по-разному применяться при систематизации. Замечательный географ **Ю.К. Ефремов**, рефлектируя со стороны российское природное ландшафтоведение (внутренняя рефлексия была табуирована), подразделил факторы и сами компоненты ландшафта на комплексообразующие и контурообразующие; ясно проведя это различение, он указал, что их совпадения нечасты[22]. В практике районизации и аналогичных процедур обычно явное несовпадение протоотдельностей, задаваемых границами – и задаваемых ядрами районов; общая ситуация. Используя потрепанную метафору дополнительности – границы и центры выполняют дополнительные функции при систематизации[23]. *Различение / расчленение «по центрам» – «по границам» – дополнительные способы или альтернативные стратегии?* Вопрос открыт…

- РАЗГРАНИЧЕНИЕ И ОТГРАНИЧЕНИЕ. СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ ГРАНИЦ

Не входя в дискурс нормативной методологии (это – не пособие по технике разграничения), обратим внимание на еще одно существенное различение. Оно относится и к ситуации разрыва разграничивающей инстанции и материала и к ситуации саморазграничения. Многие границы, напр. культурно нагруженные (перегруженные!) вроде «культура ↔ цивилизация», «наука ↔ не-наука», Европа ↔ Азия» etc несут на себе след этой неразличенности.

В самом простом случае наличия единичной отдельности на некоем фоне границы этой отдельности задаются процедурой **отграничения**; парное понятие – **разграничение**[24]. В процедуре отграничения наличествует одна-единственная позиции, одновременно оказывающейся тогда и локальной и глобальной, одна системы критериев / оснований / признаков, если они применяются, и совершенно определенный, простой однозначный **статус границы**. Это – **асимметричная граница** в точном смысле как асимметричное отношение, ее задающее, Это буквально **односторонняя граница** и соответствует простому отрицанию в двухзначной логике. Так членятся пространства любой сложной и культурной отягощенности; как разделительные множества (классифицируемые), так и остальные[25], прежде всего собирательные. В терминологии теоретической географии так могут быть выделены как единичные и однородные районы и коннекционные, физические и фазовые. Здесь нет двух позиций расчленения / разбиения, но только одна, нет и проблемы «двойной принадлежности» переходной зоны, если выделяется переходная зона. *Простой и самотождественной такая граница является в одном-единственном случае, если отграничение выделяет отдельность как пятно на фоне при однородности фона* или

[21] Не вполне ясно, так ли обстоит дело с сетевыми представлениям вообще, но в аппарате семантических сетей это именно так.

[22] Ефремов Ю.К. Два логических этапа в процессе физико-географического районирования // Вестник МГУ, география, № 4, 1960.

[23] Каганский В.Л. «Центры» и «границы» как дополнительные категории географического пространствоведения // Центрографический метод в экономической географии. Л.: ГО СССР, 1989, С. 122-133

[24] Различение введено - Каганский В.Л. О территориальных границах. – Курсовая работа студента IV курса Географич. факультета МГУ, М.: 1975 (опубликовано в 1982 г.). Так что данная статья оказывается юбилейной.

[25] Чебанов С.В. Четырехчленные схемы различения // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Мат-лы V Всерос. научно-практ. конф. с междун. участием (18-20 окт. 2012 г.). Иваново, Иван. госуд. химико-технол. ун-т, 2012, С. 204-224.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

если его разнородностью пренебрегают. При его разнородности и граница оказывается разнородной, что не фиксируется. Кроме того, требуется мономасштабность ситуации, ее однослойность. Если фиксируемая отдельность экстенсионально самотождественна, но интенсионально представляет собой несколько отдельностей разного ранга, то ситуация в соответствии с парадоксом Грегга[26] осложняется – напр. граница / зоны влияния Москвы, одной из городских агломераций резко отличается, в том числе конфигурационно, от границы / зоны влияния Центра РФ, хотя эти ландшафтные тела совпадают в существенных частях. Культурно=властная позиция власть=знание» М. Фуко здесь доминирующая, агрессивная, активная. Само пространство разграничения в этом случае заведомо и тотально центрировано и анизотропно, в том числе и культурно, и значит – и ценностно; районообразующий агент и районизатор-исследователь могут быть и тождественны. При отграничении формируются «выпуклые» линии границ, напр. силовые границы империй. Рисунок границ как индикатор и проективный тест позволяет реконструировать реально имевшие место процедуры и процессы, формирование и эволюции отдельностей и схем их упорядочения и фундирующие их структуры.

Иной случай и тип дает нам **разграничение**, разрешение ситуации соседства двух отдельностей посредством проведения / установления границы. Поскольку в общем случае соседние отдельности равноправны, то налицо **симметричная, двухсторонняя граница**. В предыдущем случае решение было монологичным, абсолютным, внекомпромиссным – здесь решения (если оно достигается) – диалогичное, относительное, компромиссное. Граница разрешает ситуацию соседства (иногда и взаимодействия) не только двух соседних отдельностей, но и позиций, поскольку обычно разграничиваются нетождественные отдельности[27]. Симметричность таких границ часто порождает квазилинейные невыпуклые границы. (Случай эксплицирован в следующем разделе работы).

Асимметричные границы отграничения по смыслу всегда замкнуты и полно оконтуривают отдельности (в силу отношения «фон – фигура»); по своей длине (простиранию) они одинаковы и самотождественны. Симметричные границы разграничения, проводимые в комплексе двух позиций, опирающихся на отграничиваемые отдельности в каждом соседстве частичны и потому в общем случае незамкнуты. В случае их комплексирования замкнутая граница оказывается по своему контуру разнородной[28]. И только при проведении таких границ не в комплексе локальных позиций, но с глобальной позиции граница может быть однородной. Эти и подобные соображения не нашли своего места в литературе – хотя методик расчленения (районирования) достаточно много. Наблюдения за практическими районизациями и обсуждения с экспертами показывают широкое поле реализуемых возможностей. Теперь можно сформулировать важный тезис о дополнительности локальной и глобальной позиции в генерировании границ и очередной парадокс. *Полная, замкнутая, очерчивающая отдельность как целое в пространстве нескольких отдельностей граница разнородна и полипозиционна ↔ однородная монопозиционная граница незамкнута и не гарантирует расчленение «нацело».* Это проясняет «сверхсложный» семиотико-методологический статус многих культурных границ, как и их нерелевантность или просто фан-

[26] О парадоксе Грегга см. С.В. Чебанов, цит. соч.

[27] Однако и разделение границей тождественных отдельности имеет место: его описал Б.Б.Родоман как тип «экстремальной граница»; напр. граница одинаковых земельных участков разных владельцев - Родоман Б.Б. Цит. соч.

[28] Тезис выдвинут в беседе с ныне покойным К.В. Зворыкиным в начале 1980-хх г.; будучи специалистом по районированию, он утверждал новизну суждения и сожалел, что это не учитывалось в методиках по районированию; ничего не изменилось.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

томность и подтверждает выдвинутую ранее методологическую гипотезу: болезненная острота проблемы границ – симптом неполноты / неадекватности семиотической и методологической (сейчас добавим: культурной) рефлексии ситуации и/или ее полимасштабного понимания[29].

Третий случай и тип дает нам расчленение с глобальной позиции, когда «производится» целостная формой система границ целого. Он будет рассмотрен в специальных работах.

- ПРОСТРАЯ МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Уже полагание чего-либо предметом исключает его единственность, тогда в своей картине предмет не единственен и соотнесен с другими предметами. И значит: у предмета есть граница и эта граница – граница с другим (другими) предметами, то есть граница двухсторонняя, двухпозиционная. Эта универсальная ситуация деталируется лишь «проблемой переходной области» между предметами и ее смыслового устройства. Таковое почти сводится к диапазону разноголосицы по поводу разных полупроизвольных решений, отчего статусы принадлежности существенной части разграничиваемого материала пробегают весь спектр значений – принадлежность к одному из предметов либо переходной зоне меж ними. Чрезвычайно редко и почти никогда эксплицитно в ситуации соположенности двух предметов, при работе с переходной зоной различается область двойной принадлежности от области двойной непринадлежности.

Поясним ситуацию **простой моделью разграничения**. Проводить границы – деятельность достаточно распространенная (но не массовая, это сложная экспертная деятельность на основе личностного знания). Она членится на разрешимые одним экспертом (персонажем) фрагменты. Здесь это планшеты, прямо в (знаковом) материале которых ищется (проводится) граница. *Нужно провести единственную границу между двумя соседними отдельностями; каждая задана в одном из двух стыкующихся краями планшетах, где идет работа.* Допустим, что граница как целое либо обнаруживается (фиксируется) либо не обнаруживается в каждом из планшетов. Однако общая рамка ситуации требует учета наличия другого планшета, коль скоро в нем пребывает отдельность, граница с которым ищется. После обработки планшетов они должны быть содержательно сшиты, края планшетов (швы) сняты, а решения, связанные с частными планшетами (частные решения) – согласованы[30]. Все варианты см. рис. 1.

Это модельное представление ситуации, в целом релевантной набору примеров, данных вначале статьи. Каждая из должных разграничиваться отдельностей имеет и задает свой собственный планшет (контекст); это условие – существенное.

При сшивке планшетов, то есть трансляции их содержания в новый сборный планшет логически возможны и обычно реализуются такие случаи; часть из них нельзя назвать иначе как «дикие». Неоднократно приходилось наблюдать ситуации, что порождали когнитивный психоз у участников.

1. Искомая граница не обнаруживается ни в одном из планшетов и проецируется в другой планшет. 2. Наоборот, искомая граница обнаруживается в каждом планшете. 3. Граница обнаруживается в одном планшете и не обнаруживается в другом, проецируясь в тот планшет, где она обнаружена. (Допущения исключают неправильные решения). Случай 3 имеет два логически тождественных варианта при равноправии (симметрии) планшетов. Ситуация, когда оба персонажа отождествляют границу с краем планшета – выраженный вырожденный случай; это, в сущности – отказ от самой ситуации разграничения.

[29] См. Каганский В.Л. Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии, 1999, № 4 (20), С. 103-116.

[30] Подробнее - Каганский В.Л. Цит. соч.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

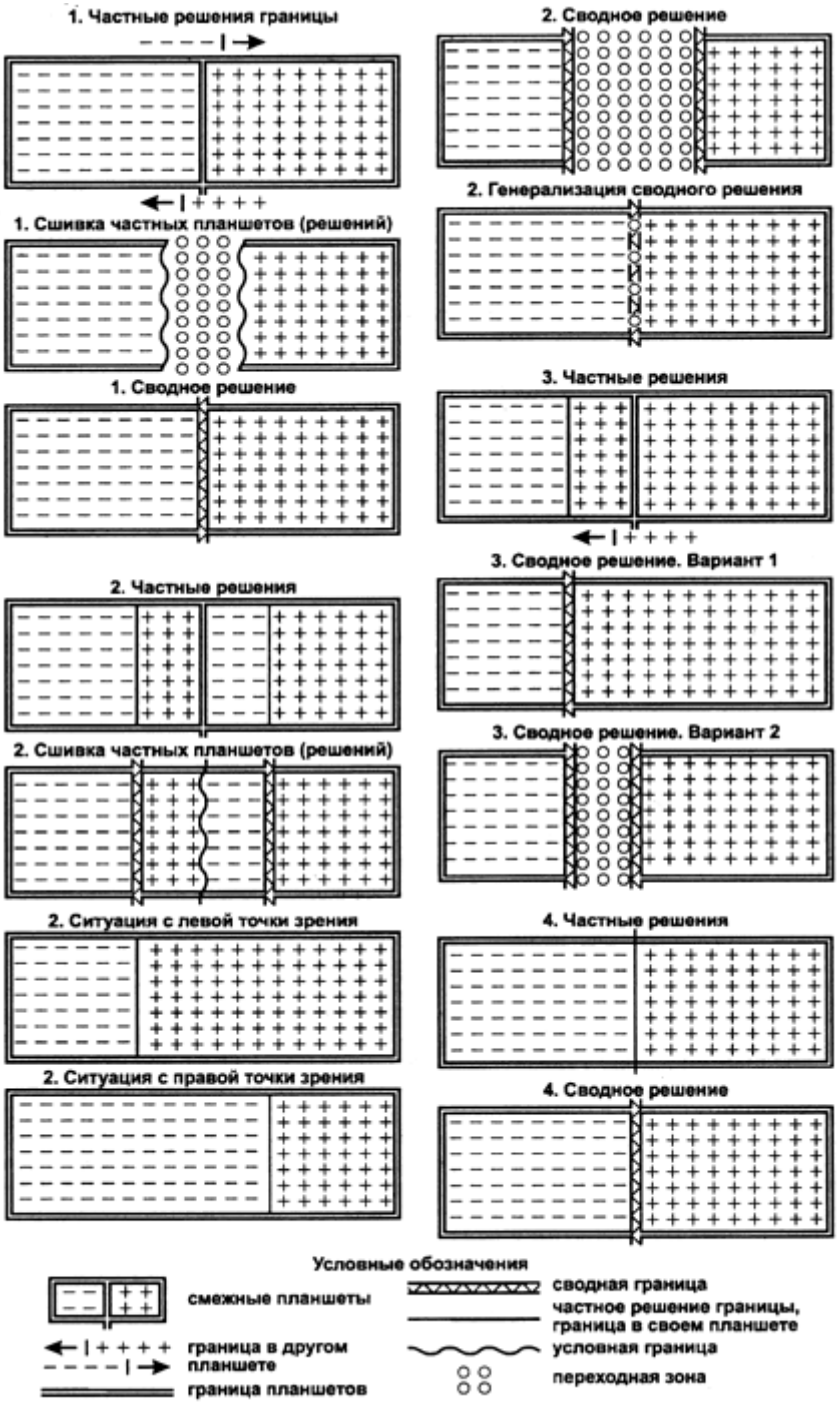

Рис 1. Ситуация разграничения: модель планшетов.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Часто встречаясь, он лишен ясного смысла и противоречит пониманию границы, поскольку граница фиксируется обязательно с двух разных сторон (позиций). Его нельзя смешивать с ситуациями 1 и 2, хотя и это случается. Не входя в рассматриваемый спектр позиций по существу, он включен туда прагматически как ситуация-4.

Ситуация-1 – <**отсутствие границы**>. Граница не обнаруживается ни одном планшете. Каждое из решений: граница проходит в ином планшете. У двух соположенных предметов нельзя обнаружить границу, как нет пространственно определенную переходную область. Край планшетов и его окрестность оказывается включаем сразу в две разграничиваемые области. Каждый из краев планшетов определен однозначно как место (линия), по обе стороны от которого – одинаковые области, разные для разных планшетов. Явно налицо **область двупринадлежности** (двойственной принадлежности) – нетривиальная, нелокализованная переходная зона неизвестного объема. Граница как разрешение ситуации разграничения неизбежно должна быть отождествлена с краем планшетов, поскольку иной пространственной определенности здесь нет, хотя это – прямое искажение частных решений. Отсюда возникают конвенциональные решения как семантизация, символизация и онтологизация границ планшетов; планшетирование существенно предопределяет решение. Тогда в определенном интервале ситуация инварианта местоположению краев планшетов. Примером могут быть переходные зоны зрелого культурного ландшафта, где интегрированы компоненты основных зон[31].

Тогда неизбежен вывод: чтобы получить простое решение в ситуации границы, необходимо особым образом нарезать на планшеты разграничиваемое пространство. На модели формулируется положение о выделенном, привилегированном, «объективном» решении границы как инвариантном нарезке планшетов; конструктивность процедуры поиска инвариантного планшета поясняет понятие и статус «объективная граница».

Ситуация-2 – <**удвоение границы**>. Граница обнаруживается в каждом из планшетов, удваивается; об одном и том же фрагменте краевого материала утверждается прямо противоположное – его непринадлежность к заданному в планшете предмету. Ситуация-2 антисиметрична ситуации-1. Край планшетов и его окрестность и есть та самая переходная и/или пограничная зона (область) – буквально межграничная **область двунепринадлежности** (двойственной непринадлежности). Но это вовсе не привычная переходная зона. Каждый из краев планшетов и его ясно очерченная окрестность со своими границами (но односторонне, с одного планшета) определен в его рамках однозначно – как именно то место, по обе стороны от которого имеет место некая область, разная для разных позиций; *в 1 эта определенность позитивна характер и отождествляется ее с материалом своего планшета, а в 2 – негативный характер и отождествляется с отсутствием материала планшета*. В ситуации-1 – недостаток пространственной определенности, здесь – избыток.

Сшивка планшетов показывает ситуацию совсем иной. Сам край планшетов оказывается определен неоднозначно и противоречиво; полная зависимость содержания границы от позиции! Механическое суммирование при сшивании планшетов ведет к явному парадоксу. Сводное решение противоречит охвату ситуации с каждой из позиций как в том, где именно проходит граница, так и в том, является ли она линией или областью; то же самое относится и к другим ситуациям, кроме 4 (вырожденной). При интерпретации суммарного

[31] Каганский В.Л. Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988, с.63-71; Каганский В.Л. Граница ландшафтная // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 6. – М.: Институт Наследия, 2010., С. 256 – 259.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

планшета с позиций частного планшета имеет место некоторая странная полоса чужого, предшествующая его основному массиву. Переходная зона, взятая как целая, обнаруживает амбивалентность, она характеризуется апофатически, то есть можно утверждать лишь то, какой эта область не является. В российской культурно-исторической ситуации фокальный пример являет **Санкт-Петербург**, исторически воспринимавшийся как чуждый России европейский город из одного «планшета» и российский (если не азиатский) – из иного «планшета»; инверсии статуса подобных образований могут означать неосознаваемые смены доминирующих планшетов, то есть содержательно – культурных контекстов и моделей; планшет – модель культурного самоопределения. Культур-антропологический пример этой ситуации как культурно реальной дает определение этнической идентичности («национальной принадлежности») метисов при определении одной группой этничности по отцу, а иной по матери. Потомок русской матери и еврейского отца согласно этническим традициям этих групп одновременно оказывается и не-русским и не-евреем; при антисимметрии родителей потомок одновременно оказывается и русским и евреем, что описывается ситуацией-1.

Здесь логически возможны затоки «третьего», которые в модели не могут быть отличены от предмета в другом планшете, если не приписывать ситуации многозначной логики с несколькими отрицаниями. Например, тип пригорода советско-постсоветских городов – среды, что явно не «не-город» и равно «не-деревня» (см. ниже); пространство кризисов=переходов, разворачивающихся в пространстве и во времени; отвержения метисов группами, продуктом смешения которых они являются. Особенно интересны здесь варианты в более богатой модели с пересечением планшетов.

Ситуация-3 – <**односторонняя граница**>. Граница задана лишь в одном планшете и потому недоопределена; сводное решение возникает не между двумя разными частными решениями границы, как в ситуации-2, но между решением границы и краем планшета (вариант 1). Переходная зона – **область полупринадлежности**; ее статус целиком зависит от позиции, принадлежности к планшету. Возможна и иная версия сводного решения (вариант 2), когда частное решение в одном планшете принимается как сводное; переходная зона в таком случае не оформляется.

Ситуация-4 – <**псевдограница**>. Граница отождествляется с краем планшета с двух сторон, в каждом из планшетов. Сводное решение возникает как чистая сумма частных, а сводная граница – как сумма односторонних границ. Ситуация антисимметрична и аналогична ситуации-1 в аспекте семантизации и онтологизации условного решения. И там и здесь решение лишь воспроизводит нарезку на планшеты.

Даже грубая модель позволяет эксплицировать существенные аспекты ситуации разграничения; ситуацию отграничения тогда – вырожденный случай ситуации разграничения либо ее фрагмент. Во всех вариантах возникает и «граница» и «переходная зона». Граница / переходная зона – не однозначный результат согласования решений, не альтернативы, это разные аспекты разрешения ситуации. *«Граница» и «переходная зона» – статусы семиотические*, заданные относительно позиции, их различение контекстуально не свободно, оно осмысленно и вне обращения разграничиваемому материалу. Но тогда стандартная антитеза <пребывание в смысловом регионе ↔ пограничность (маргинальность)> ошибочна; граница всегда есть и как область и как позиция. Генерализация ситуации без учета семиотических статусов ведет к неразличенности разных случаев; могут быть отождествлены 1 = 2 (симметричная граница=зона, упоминавшаяся склейка для маргинальной ситуации), 1 = 4 (условная линия), 2 = 3 (зона) и т.д. *Ситуация разграничения означает наличие нескольких модусов принадлежности фрагментов пространства*; число модусов может быть уменьшено только при выборе (назначении) одной из позиций

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

как доминирующей. Только в «незаконном» случае 4 сводная картина не противоречит частным и целиком к ним сводится; здесь только сводное решение получается не рефлексией над частными решениями, а их суммой. *В общем случае нельзя получить непротиворечивую границу без пересечения планшетов и без особой процедуры над частными решениями.*

Ситуация разграничения *может быть представлена исключительно как* ***сложная***: несколько уровней, функция принадлежности (X есть Y с позиции (на планшете) Z) и определение топологического статуса (X есть линия \\ область с позиции Z) исключительно как результат рефлексии etc. Возражение: модель искусственно усложнила ситуацию введением планшетов, чего не было бы при «наивном» анализе. Контр-возражение: планшет не привнесен, а эксплицирует ситуацию расчленения.

Именно жесткое априорное расчленение на планшеты-полигоны для разграничения и не позволяет осуществить последнее. *Разграничение реализуемо с получением полноценной границы исключительно в перекрывающихся планшетах, ибо только тогда граница определена как с двух сторон-позиций, так и как непротиворечивое отношение двух частных решений, что и требует понятие границы.* Казус планшета прояснил ситуацию, но не породил ее. Если справедливо полагать дихотомии иллюзорными, поскольку различенная (расчлененная) пара отдельностей всегда предполагает нечто третье как различающее (расчленяющее), то планшет и есть это третье. Парадоксы применения дихотомического мышления могут быть

Для проявления намеченных выше трудностей достаточно того, чтобы планшеты были нетождественны. Поскольку практически всегда планшеты имеют некоторое пересечение, то ситуация наложения=сшивания планшетов сложнее и богаче вариантами. Нетождественность может носить как одноплановый характер со сколь угодно большим пересечением планшетов в одной плоскости, так и многоплановый, когда планшеты более ассоциированы уже с разными пластами (аспектами) материала (проведение многоаспектной границы путем комплексирования частных решений).

Учитывая принципиальную двусторонность планшета (различаемое – различающее), где разрешается ситуации границ притом, что аспекты постепенно переходят один в другой, моделью может быть односторонне-двусторонняя поверхность (простейший случай – лист Мёбиуса). Но если описывать деятельность проведения границ в моделях типа машины Тьюринга, когда движущийся «расчленитель» может зафиксировать / не зафиксировать границу в данном месте, изменить или сохранить состояние машины (позиция расчленения) и сдвинуться либо не сдвинуться (полная ситуация), то придется представить движение машины Тьюринга по двумерной поверхности. Но это может быть и лист Мёбиуса определенной ширина, соответствующей внешней ограниченности материала.

Ситуация границы – экспликация устойчивых тематизмов <Запад – Восток> и <Запад – Россия – Восток>. Для России, как принято считать, непрояснено самое ее место, что коннотирует с многоаспектной его напряженностью, а сама ситуация – полипозиционно проживаемая ситуация границы. Это явно ситуация двунепринадлежности, переживаемая и представляемая как особая двупринадлежность; реже – наоборот. Масса текстов муссирует (якобы?) характерную для России антиномию <Запад – не-Запад (анти-Запад)>, разрешаемую через парадоксальное отождествление и инверсию <Россия = не-Запад = сверхЗапад»>. У евразийцев, ярко и болезненно живущих в ситуации границы маргиналов, два толкования Евразии совмещаются и взаимно «фундируют»: именно потому, что Евразия=Россия – ни Европа, ни Азия, она есть и сверхЕвропа и сверхАзия[32].

[32] Напр. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и циви-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

- ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПЕРЕХОДНЫЕ ЗОНЫ

Было показано, что в общем случае *наличие именно нелинеаризумой переходной зоны в принципе не зависит от континуальности материала расчленения – но производно от культурно мотивированной процедуры расчленения*, будь-то культурная практика, в том числе и научное исследование. Некоторые типы переходных зон уже были намечены.

Теперь сделаем это иначе. **Конъюнктивная граница=зона** – обобщение понятия переходной зоны как такой, которая соединяет смежные места, выполняя логическую функцию опосредования соседства, сочленения районов-отдельностей. Она лишена собственного содержания; в зависимости от масштаба рассмотрения такая зона может быть: а) причленена к одной из соседних отдельностей с обогащением ее содержания, б) расчленена между ними с обогащением их содержания, в) превращена в самостоятельный район-отдельность, г) объединена с обоими смежными районами при резком изменении уровня обобщения, но сохранения его типа. Примеры – объединение лесных и степных природных зон в умеренный пояс в землеведении, объединение истории и филологии в историко-филологическое знание, объединение городов и сельской местности дореволюционной Средней России в культурный ландшафт. Особенности и функция этой зоны в представлении и организации пространства *полностью выводятся из промежуточного положения и исчерпываются на основе предиката «быть между» в территориальном и фазовом пространстве*; последнее особенно важно для однородных районов. Конъюнктивная граница=зона полностью описывается и объясняется как результат взаимодействия двух ситуаций отграничения (выделения единичного индивидуального района в неструктурированной среде) для двух смежных районов при полном согласованном решении. Эта граница=зона не может быть пустым, незаполненным пространством, может входить в оба смежные района как общая часть. Классические пример даст нам лесостепь, зона городских слобод и предместий до XX века; в пространстве науки – биохимия. В модели планшета это ситуация-1.

Дизъюнктивная граница=зона – обобщение понятия промежуточной разделительной, разграничительной линии и зоны, различающего / расчленяющего и как такового не могущего быть включено в различенные отдельности. Она выполняет логическую функцию различения и расчленения, но имеет собственное содержание, не сводимое целиком к сочетанию элементов смежных районов. Независимо от масштаба рассмотрения она не может быть причленена к одному из районов или расчленена между смежными районами; может образовать вместе с ними новый комплексный район с принципиально новым типом содержания (нового типа и с иными основаниями выделения), в котором будет центральным, осевым элементом (как МКАД как ось активности в Москве или бывшая граница СССР как ось экономической активности – обе зоны не имеют ничего общего с переходными зонами). Иной пример дает формирующиеся смежные математизированные области, напр., контактирующие математическая экология и математическая физика («минуя» контакт физики и экономики как таковых). Заметим, что и здесь граница контактна, активна и формирует отдельность нового типа. При всей важности промежуточного пространственного положения, такая зона не выводится из него полностью. Является результатом

лизации. М.: Экопрос, 1993; Савицкий П. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997; Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. Русский узел евразийства. М.: Беловодье, 1997; Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996: Цитата: «Россия выстроена, как от точки отсчета, от межцивилизационного водораздела Запад-Восток. Водораздел-то существует реально, но он возник: а) не по поводу России; б) не в том пространстве; в) продуктивен и разрешаем» // Павловский Г. Слепое пятно. Иное. Т.3. М.: Аргус, 1995. с.375.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ситуации разграничения (выделения двух смежных районов) или расчленения (разделения области пространства на систему районов). Может быть пустым, незаполненным пространством, может не входить ни в один из смежных районов или быть общей «негативной» частью; может быть представлена как элемент более высокого уровня районирования (ср. с тем, что границы субъектов федерации могут быть изменены лишь с согласия вышестоящего уровня и др. аналогичные правила). Примеры такой зоны дают – городская среда, опосредующая соседство мест, не могущих находиться в прямом контакте, любая санитарно-защитная зона, ни в каком смысле не являющаяся переходной зоной, где элементы принимают промежуточные значения признаков между основными районами. Для модели планшета это ситуация-2. В первом приближении можно говорить *о соответствии наших типов ситуаций с* ***позитивным и негативным соседством***.

Третий тип переходных зон отвечает ситуации не разграничения, а отграничения и, встречаясь нередко, принципиального значения не имеет. В этом случае переходная зона – одна из концентрических зон моноцентрической отдельности. В ландшафтном пространстве это зоны вокруг центра мегалополиса (каждая из них переходная), в культурном пространстве – сословия вокруг элиты, в пространстве науки – дисциплины при центрировании пространства науки по математике: (логика) – математика – физика – биология[33].

- ПОРОЖДАЮЩИЕ РАСЧЛЕНЕНИЯ – ПОРОЖДЕННЫЕ РАСЧЛЕНЕНИЕМ. ГРАНИЦЫ ВНЕ РАСЧЛЕНЕНИЙ

Представление границ завершает деятельность расчленения. Однако пространство, где границы оформляют некоторое расчленение могут быть наложено на иное пространство и «стать» там границами. Границы первого типа **Б.Б.Родоман** назвал субстантивными, а второго – ассоциативными[34]; **географическая лимология** в силу относительной разработанности и проявленности всей граничной проблематики в картах здесь выступает как методологическое, понятийное и эвристическое средство. Для культурной ситуации вполне объективно фиксируемые границы – языковые или расовые (в физической антропологии) могут реинтерпретироваться как собственно культурные и тогда выступать как внешние. Культурная граница «Европа – Азия» была спроецирована в план природного ландшафта и реинтерпретирована там, хотя и рассекает природно-географический район высокого ранга – природную страну Урал. Более того, затем она получила вторичный культурный статус и как таковой приобрел роль идентификатора значительной территории. Такого немало – но это уже предмет отдельной работы.

Для пространственной интуиции контрастирующие с фоном линейные образования, чья длина на два порядка больше ширины – *либо как магистрали либо как* ***границы*** (ниже станет ясно, что союз «или» здесь не фиксирует противопоставления). Линии высокого градиента, разрыва постепенности, контраста, конфликта, нетривиального соотнесения etc явно или неявно получают статус границ, хотя в норме границы замкнуты; необходима лишь их морфологическая, «телесная» выраженность (хотя бы и в телесности культуры). Такие границы априорны относительно ситуации границы / расчленения, а не апостериорны. Эти границы сами провоцируют и даже генерируют расчленения.

ТИПОЛОГИЯ ГРАНИЦ. II. ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ

[33] Однако наукометрически измеримые связи дисциплин иные: математика и биология связаны не через физику и химию, а через общий внешний центр – искусственный интеллект.

[34] Родоман Б.Б. Цит. соч. – там и обильная когнитивная графика географии: картоиды.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Леопольдович КАГАНСКИЙ / Vladimir KAGANSKIY

| Ситуация границы и логико-семиотические типы границ / The Situation of the Border and Logico-semiotic Boundary Types |

- ФУНКЦИИ ГРАНИЦ

Сколь ни была бы запутана, сложна, болезненна, трудна etc ситуация границ как культурная и исследовательская практика (хотя «производство границ» – это конструктивная деятельность, *технэ* ради *гнозиса*) у нее есть основа в дифференцированности самого материала. Системы с интерпретациями, то есть семиотические системы в точном смысле сами генерируют границы, ситуация саморасчленения. Кратко взглянем на многообразие границ в таких системах.

Очевидно, что границы пребывают между смежными объектами (почти тавтология) и связи между объектами идут через границы. Они тем самым выполняют целый **букет функций**. Эти функции называются **контактными**. Они реализуются чисто позиционно в физическом или фазовом пространстве. Во-вторых, границы могут быть особым семиотическим механизмом трансляции, перевоза, перевода и т.д. Знаменитая методологическая метафора Ю.М. Лотмана «Культура есть перевод непереводимого» означает, что культура определяется в интуициях контактных границ; сближение идей М.М.Бахтина и Ю.М.Лотмана. Все всей важности этих крупных идей представление о тотальности границ в культуре тавтологично – и делает одно из двух понятий (культура или граница) лишним, что означает методологическую капитуляцию, отказ от представления пространства культуры и особенно – отдельностей в нем. Здесь та же логика, что и в континуалисткой парадигме геоботаники – если границы всюдны, то дифференциация налицо, но она не представима как система отдельностей. *Не страх ли усомниться в наличии таких отдельностей наделяет границы сверхценностью*, а работа с ними вытесняет основные техники систематизации на периферии, свершая в очередной раз навязчивую инверсию «центр – граница».

В силу ровно тех же самых пространственно-позиционных представлений граница выполняет и **барьерную функцию**. Различим статическую ситуацию и динамическую. Первая – это дистанционный барьер в силу телесного или фазового хиатуса, разрыва, промежутка; вторая – функциональный барьер. Примерами могут быть активные препятствия коммуникации вроде «погранзоны» времен СССР или особые механизмы фильтрации, сепарации и т.д. вроде цензуры.

Но в сложных системах основные контакты идут через центры. Таково взаимодействие коннекционных районов в любом пространстве, будьто узловые районы ландшафта, государства или научные дисциплины, цивилизации, мировые религии. Методологически реальное взаимодействие дисциплинарных практик идет через совместную рефлексию оснований (центров), а наукометрически – через социтирование классических работ. В пространстведческой терминологии *связывают центры, а не соседствующие периферии*. Тогда налицо получение центрами функций границ и инверсия «центр ↔ граница». Но и границы получают функции центра. Сложная морфология! Аналогична ситуация и для границ временных многообразий – переломная (пограничная) эпоха оказывается центром событийности и для прошлого и для будущего. Так связывают границы или разделяют, они контактны или барьерны? Граница – ось контактов или сфера взаимного безразличия? Запустение на границах российских регионов по типу и месту точно соответствует интеллектуальному запустению на периферриях многочисленных, особенно социогуманитарных «дисциплин» в России.

Многоаспектность разграничения, связанная с многообразием позиций (субъектов), приводит к появлению образований, в каждом месте которых может быть фиксирована (та или иная) граница, и значит, вся их среда обретает черты переходной зоны; тотальная экотонность: похоже, об этом как атрибуте культуры писал М.Бахтин. Понятие границы и сама феноменология культуры предполагает возможность **инверсии <центр ↔ граница>**. Они реализуются; Ю.М. Лотман трактовал подобные инверсии как <центр – периферия>

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

– тогда повсеместны, всюдны не только границы, но и центры. Уподоблена граница центру и, так сказать, большей семиотичностью; центр и граница – более семиотически нагруженные, символически значимые компоненты. Посредством центров и границ системы и взаимодействуют друг с другом и различают друг друга. Взаимопереходы центров и границ, инверсии основных и переходных зон – такие игры понятий, в которых отражается игра реальностей: в культурном ландшафте нередки центры=границы (именно таков Санкт-Петербург как выражение архетипа российского пространства[35]; двойственность культуры Византии – общее место).

- СИСТЕМЫ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ГРАНИЦАМИ. ГРАНИЦЫ КАК ОСИ СИСТЕМ

В проблеме границ есть и иная составляющая – концентрация на том, что некоторые морфологически, телесно выраженные границы (рубежи, барьеры безотносительно функции разграничения) организуют вокруг себя особые среды и сосредотачивают активность; нередко оказывается, что активность и приурочена к границам (граничные поверхности в физико-химии; контактные ландшафты, сочленяющие разные зоны: на стыке границ природно-культурных зон стоят многие крупные города, напр., Москва; междисциплинарные исследования и целые новые научные направления и жанры культуры возникают вследствие актуализации эффекта соседства). Известны системы, так сказать, оседлавшие границу; извлекающие эффекты из градиента и просто различий. Исследования границ как компонентов морфологии пространства нередко выявляет у них функции активно действующих центров; границы как бы «превращаются» в центры. Границы структурируют пространство и формируют общности. Всякая ли группа на границе маргинальна: неужто заведомо маргинальны переводчики, особенно в широком смысле? Или маргинальность – в неспособности осуществить продуктивное взаимодействие смежных зон, несоответствие задаче места? Такого рода отдельности, в силу возникновения на границах должны именоваться – **лимогенные системы и сообщества**.

ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ. РАСЧЛЕНЕНИЯ КАК САМОРАСЧЛЕНЕНИЯ?

В культуре невозможна внешняя позиция. А если возможна, то только как глубоко отрефлектированно локальная, оберегаемая от растворения в теле культуры системой условностей и символических фильтров. Говоря иначе, рефлексия пронизывает культуру. Поэтому все и всякие расчленения оказываются саморасчленениями, ограничения – самоограничениями, отграничения – самоотграничениями, разграничения – саморазграничениями. Два аспекта типологической определенности границ пребывают не в отдаленных сферах культуры – но и не лежат рядом: они живут на разных сторонах односторонней поверхности36; продуктивное движение и ведет к их сопряжению. Означает ли это рефлективно нераспутываемый клубок, неизбежность культурного релятивизма и сомнительность всех культурных границ? Ситуация границы продуктивно разрешаема, – но если и только если мощная рефлексии, не обязательно узко-рациональная жестко контролируется. Неразрешимая ситуация границы вопиет о дефиците или пороке культурной, методологической, семиотической рефлексии. Границы могут и должны обнаруживаться, проводиться, исследоваться, представляться – локально, в осознаваемых рамках, контекстах, условностях, пра-

[35] Центр-на-Границе – см. Каганский В. Советское пространство: конструкция и деструкцияhttp://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/kagan.htm

[36] Очень нетривиальный случай ближайшего соседства отдельностей при отсутствии границы! – модель для многих ситуаций.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

вилах, нормах – непременно личностным знанием, экспертизой. Границы продуктивно разрешаются в любых ситуациях – уместно, на своем месте. ***Во всяком ином случае – не будет ли адекватных границ, ни живой культуры!***

Благодарности – продуктивные обсуждения, ценные замечания: Г.В. Лютикова, С.Н. Ловягин, С.В. Чебанов, участники семинара «Границы в культуре и ландшафте» (21–23 мая 2014, Гуманитарный факультет Государственного университета аэрокосмического приборостроения, СПб).

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Сергей Викторович ЧЕБАНОВ / Sergey CHEBANOV

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Филологический факультет, кафедра математической лингвистики
Профессор, доктор филологических наук

St. Petersburg State University, Russia
Philological Faculty, Dep. of Applied Linguistics, Professor, Dr. Sci. (Philology)
s.chebanov@gmail.com

Александра Владимировна СТЕПУКОВА / Alexandra STEPUKOVA

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Филологический факультет, кафедра математической лингвистики, аспирант

St. Petersburg State University, Russia
Philological Faculty, Dep. of Applied Linguistics, Postgraduate student
icarus_89@mail.ru

РАЗНООБРАЗИЕ ГРАНИЦ КАК МНОГООБРАЗИЕ РАЗЛИЧАЮЩИХ СОБИРАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

При традиционном для логики различения разделительных и собирательных понятий границы выступают как различающие референтов собирательных понятий, а субъекты – как различающие референтов разделительных понятий. Обнаружение в этом же ряду вещественных и популятивных понятий позволяет полнее проследить связь типов понятий и типов различающих. Тогда границы являются различающими и для популятивных понятий, для которых (как и для разделительных понятий) различающими являются и субъекты. Референты же вещественных понятий лишены каких-либо различающих.

Следуя такой трактовке анализируется логический статус границ, различающихся по их когнитивному статусу а) по характеру субъект-объектных отношений б) границ мест, пространств, геометрий в) временных пространств е) границ в хронотопах, умвельтах, жизненных мирах. При этом обнаруживается проблематичность статуса временных границ как границ в виду того, что они обнаруживаются различающим субъектом. С другой стороны, внимательный анализ границ в фазовых пространствах (а также хронотопах, умвельтах) обнаруживает, что физическое пространство является фазовым пространством, маркированным в новоевропейской культуре.

В связи с последним обстоятельством демонстрируется фундаментальность категорий "места" и их универсума, в котором переход от места к месту происходит по некоторым правилам. В разных универсумах действуют разные правила порядков (черёд), основанные на полиарных (хотя бы бинарных) отношениях соседства, наследования и иерархии, что позволяет задать те или иные пространство, время и значение (важность). При этом границы в разных универсумах имеют разный логический статус, иногда очень затейливый (например, фазовое пространство физических параметров процесса превращается в совокупность мест – областей – фазовой диаграммы, соответствующих качественному различию состояний объектов, опи-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

сываемых этой диаграммой, причём между этими областями существуют собственные границы).

В практической деятельности (например, в работе геолога) всё время происходит переконструирование логического статуса границ, в чем специалисты-практики не отдают себе отчёта.

Ключевые слова: различение, различающее, различаемое, различенное, собирательные понятия, разделительные понятия, вещественные понятия, популятивные понятия (популятивный объект), границы, пространство, место, геометрия, временные границы, время, дление, период, этап, стадия, фаза, субъект-объектные отношения, фазовое пространство, хронотоп, умвельт, жизненный мир (Lebenswelt).

THE DIVERSITY OF BOUNDARIES AS THE VARIETY OF DISTINGUISHERS OF COLLECTIVE CATEGORIES

Assuming the traditional for logic differentiation between collective and distributive concepts of boundaries act as distinguishers of the collective concepts' referents, and the subjects act as distinguishers of those of the distributive concepts. The discovery of mass and populative concepts standing in the same row allows to explore the connection between different types of concepts and types of distinguishers more accurately. In this case the boundaries are considered as the distinguishers for the populative concepts, for which (like for the distributive concepts) subjects are also act as distinguishers. The referents of mass concepts have no distinguishers.

In this approach the logical status of boundaries is explored that can differ in their cognitive status depending on a) the pattern of the subject-object relationships, b) boundaries of loci-spaces-geometries, c) temporal boundaries, d) boundaries in phase spaces, e) boundaries in chronotopes, Umwelts, lifeworlds (Lebenswelt). At this point the status of temporal boundaries as boundaries is doubted due to the fact that their distinguisher is the subject. On the other hand, the thorough analysis of the boundaries in phase spaces (and also in chronotopes, umwelts) shows that the physical space is a phase space marked in post- Renaissance European culture.

In view of this fact the fundamental character of categories of loci and their universe, where the transition from one locus to another is accomplished according to certain rules, is demonstrated. Different rules of orders (trains) based on many-arity (at least binary) relationships of neighbourhood, hierarchy and inheritance are valid for different universes, and this fact allows to specify certain space, time and value. The boundaries in different universes have different logical status, sometimes very intricate (for example, the phase space of physical parameters turns into an aggregate of loci – areas – of a phase diagram, that correspond with the qualitatively different conditions of the objects described by this diagram, these areas having their own boundaries).

In practice (for example, in the geologist's work) the logical status of boundaries is being constantly reconstructed, and this is not noticed by the practitioners.

Key words: distinguishing, distinguisher, distinguished, collective terms, distributive terms, mass terms, populative terms (populative object), boundaries, space, locus, geometry, temporal boundaries, time, duration, period, stage, phase, subject-object relationships, phase space, chronotope, Umwelt, lifeworld (Lebenswelt).

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

1. Основы представлений о различении

Постольку, поскольку речь идет о различающих, придется начать с того, что такое различающее, а для этого нужно говорить о теории различения. При этом важно помнить, что само представление о различении – это достояние трех ныне существующих дисциплин: логики, психологии и педагогики, причём трудно сказать, какая из этих дисциплин вносит больший вклад[1]. То, что будет обсуждаться далее, концентрируется вокруг логических проблем различения. Однако кроме логических здесь есть очень интересные смежные проблемы и из других областей.

Начнем, однако, с психологии различения, точнее с возрастной психологии[2]. Когда речь идет об онтогенезе человека, то различение начинает обсуждаться с той его стадии, которая кодифицируется как комплекс оживления. Традиционно это относится примерно к двум месяцам со времени рождения[3]. В это время ребёнок начинает каким-то образом реагировать на окружающий мир, на то, что в нем что-то происходит, и он может как-то к этому относиться. Один из первых феноменов, который обнаруживается при этом, это то, что ребёнок начинает следить глазами за движущимся предметом, расположенным на контрастном фоне, или фиксировать свой взгляд, если предмет неподвижен. При этом имеет место то, что называется различением: различены фон и фигура. Различение фигуры и фона подробно изучено в психологии и когнитологии, в частности, в когнитивной лингвистике[4].

С логической точки зрения это описывается следующим образом. Во-первых, утверждается, что имеет место ситуация различения ("различе́нивания" как процесса, приводящего к различению). При этом, во-вторых, есть нечто исходное, неопределённое, непонятное, но всё-таки нечто существующее, которое будет обозначаться как различаемое. Это различаемое может быть вовлечено в процесс "различе́нивания". Для того чтобы это осуществилось, должно быть некоторое различающее. Различающим может быть либо граница, которая разделяет два соприкасающихся объекта (рис. 1а)), либо субъект, который по поводу двух отдельностей выносит заключение об их тождестве или различии (рис. 1б)). Появление различающего определяет превращение различаемого в различенное. В простейшем случае (через композицию которых можно описывать и более сложные) в результате различения оказываются различенными два образования. Так, различенными являются фигура и фон.

[1] Болдачёв А.В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. — М.: УРСС, 2011. 224 с. Дворкин И.С. Рефлексивно-логический подход к учению о классификации // Теория и методология биологических классификаций. М.: Наука, 1983. С.127–135. Молчанов В.И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. М., 1992.№ 3. С. 7-36; Молчанов В.И. Предпосылка тождества и аналитика различий // Логос, 1999. № 11—12. С. 183-208; Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. М.: "Мысль", 1988. Т. 2, С. 140-288 (гл.5) и мн.др.

[2] Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., Владос, 2005. 656 с.

[3] Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). - М.: Гардарики, 2004. — 349 с. Отдельные личные наблюдения показывает, что по крайне мере у некоторых детей это проявляется заметно раньше (на третьей-четвёртой неделе жизни) – *прим. С.Ч.*

[4] Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время: вступительное слово // Категоризация мира: пространство и время: мат-лы науч. конф. Под ред. Е.С. Кубряковой, О.В. Александровой. — М.: Диалог-МГУ, 1997. — С. 3–14. *Talmy L.* Figure and Ground in complex sentences // Universals of human language. Vol. 4. Syntax / Ed. by J.Greenberg. — Stanford, CA: Stanford University Press,1978. — P. 625–649.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

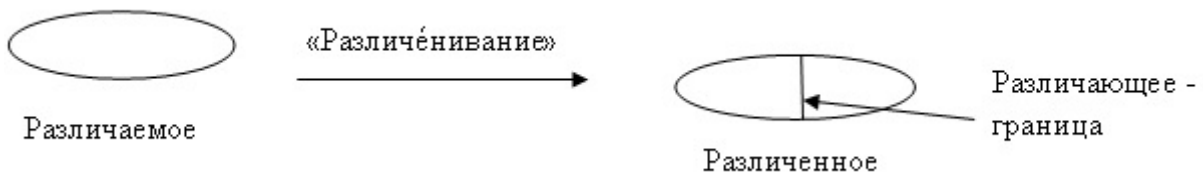

Рис. 1a

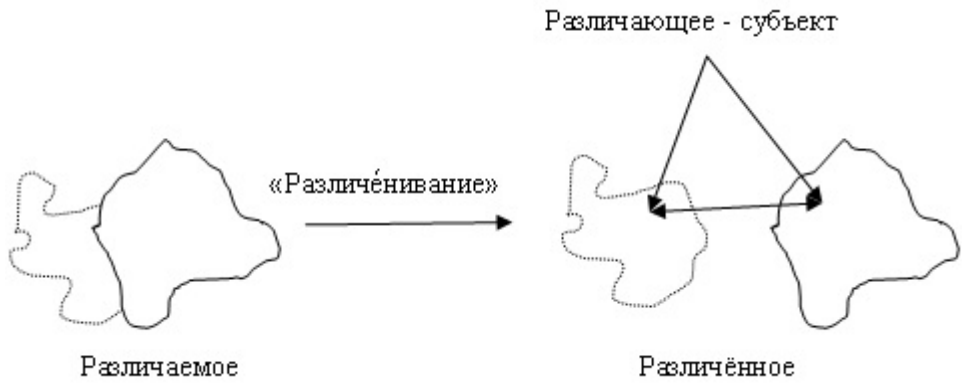

Рис. 1b

Способность к различению неосознанно формируется у ребёнка, отрока, юноши в течение многих лет. В этом процессе активно участвуют язык (языки), с которыми взаимодействует человек, и культура, в которой он живёт. Эти язык и культура, с одной стороны, содержат стандартные, многократно встречающиеся различения тех или иных предметов (частей тела, предметов одежды, сезонов года и т.д.), а, с другой стороны, общие схемы таких различений (при том, что экспликация и рефлексия таких схем крайне затруднена), которые могут быть перенесены с тем или иным успехом на любые объекты произвольной природы. В случае наличия институализированного образования (школы) в определённом возрасте такие различения конкретных предметов или общие схемы различений могут быть отрефлексированы и в той или иной мере подвергнуты ревизии. При этом всякое образование так или иначе обеспечивает переразличение того, что заложено в раннем возрасте, благодаря индивидуальному опыту, языку и культуре, причем профессиональное образование осуществляет это переразличение контрастно различным образом.

2. Различение и типы понятий по характеру элементов объёма понятия

Способы различения можно тем или иным образом типологизировать. Можно это сделать, например, опираясь на логические принципы. Тогда можно пытаться соотнести разные типы различения и разные типы понятий, например, соотнося разные типы понятий с разными типами различающих.

Для того, чтобы это осуществить, необходимо принять во внимание проблемы выделения разных типов понятий по характеру однородности/неоднородности элементов объёма понятия.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Традиционно при этом выделяется два типа понятий – разделительные и собирательные. При этом про собирательные понятия почти всегда быстро забывается, а подавляющая часть классической логики посвящена изучению разделительных понятий.

Однако ещё с 1960-ых гг. геологам стало понятно, что выделение подразделений геохронологической шкалы основано на оперировании с собирательными понятиями[5], а не разделительными, которые должны лежать в основе геохронологических классификаций[6], если бы они были таковыми. Это привело к созданию мерономии как особой дисциплины, двойственной по отношению к таксономии[7]. Но несколько лет назад стало понятно, что ситуация с выделением типов понятий по характеру элементов объёма понятия ещё значительно сложнее, а именно, приходится говорить о том, что есть четыре базовых типа категорий.

Эти категории прослежены в логике, эти же категории возникают в когнитологии как уже когнитологические категории не понятий, а концептов (в понимании когнитивной лингвистики[8]). Есть

[5] Шарапов И.П. О геологических классификациях // Научные труды Пермского политехнического института. Сб. XX. Пермь, 1966. С. 3-29.; Шарапов И.П. Логический анализ некоторых проблем геологии. М., Недра, 1977. 144с.; Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М., Наука, 1989, 216 с. (деп. в ВИНИТИ в 1974); Мейен С.В., 1975. Систематика и формализация // Биология и современное научное познание. Ч.1. М.: Ин-т филос. АН СССР. С. 32-34; Мейен С.В. Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. Киев, 1977. С. 25-33.

[6] Так, в первом издании Стратиграфического кодекса СССС (Л., ВСЕГЕИ, 1977, 80 с.) идет речь о стратиграфических классификациях, в во втором (Стратиграфический кодекс. СПб., ВСЕГЕИ, 1992. 120 с.) и третьем (Стратиграфический кодекс России. СПб.: ВСЕГЕИ, 2006. 96 с.) изданиях – о подразделениях, хотя применительно к ним используется термин "таксономия".

[7] Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М., Наука, 1989, 216 с. (деп. в ВИНИТИ в 1974); Мейен С.В., 1975. Систематика и формализация // Биология и современное научное познание. Ч.1. М.: Ин-т филос. АН СССР. С. 32-34; Мейен С.В. Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. Киев, 1977. С. 25-33; Мейен С.В. Основные аспекты типологии организмов // Журн. общ. биологии. 1978. Т.39. № 4. С. 495-508; Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976.-N 12. С.67-79; Панова Н.С., Шрейдер Ю.А, Принцип двойственности в теории классификации // Научно-техническая информация, Серия 2, 1975, №10. С. 3-10; Чебанов С.В. Теория классификаций и методика классифицирования // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. N 10, 1977. С. 1-10; Черкасов Р.Ф. Классификация, таксономия, мерономия, типология, иерархия // Иерархия геологических тел (терминологический справочник). Хабаровск: Ин-т тектоники и геофизики. 1978. С. 61-97; Шаров А.А. Осмысленность признаков и теория классификации // Семиотика и информатика, вып. 11. М., 1979. С. 37-52; Чебанов С.В. Внутренние и внешние системы в теории классификации // Системные исследования. 1979. М., “Наука”, 1980. С. 140-146; Гендлина И.Е. Определение некоторых терминов теории классификации // НТИ сер. 2, 1980, N.7. С. 40-46; Гоманьков А.В. Мерономия и возможности формализации типологии // Докл. Моск. общ. испыт. прир. Общая биология. 1980 г. М.: Наука. 1982. С. 202-203; Шрейдер Ю.А. Двойственность классификации: таксономия и мерономия // Международн. форум информ. документ. 1981. Т. 6. №. 1. С.3-9; Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. М., 1982. 152 с.; Грейсух В.Л, Левина И.С., Алгебра и процедура классификационного членения // Теория и методология биологических классификаций. М.: Наука. 1983 С. 116-126. Кононов Б.П. Проблемы формальной мерономии: кратность и несовместимость мерономических объектов // НТИ, сер. 2, 1985, N 3; Мартыненко Г.Я, Чебанов С.В. Классификационные задачи стилеметрии // Acta et commentationes universitatis tartuensis. Выпуск 827. Tartu, 1988. С. 119-136; Любарский Г.Ю. Метод общей типологии в биологических исследованиях. 1. Сравнительный метод // Журнал общей биологии, 1993, т. 54, N. 4 . С. 408–429; Любарский Г.Ю. Метод общей типологии в биологических исследованиях. 2. Гипотетико-дедуктивный метод // Журнал общей биологии, 1993, т. 54, N. 5. С. 516– 527 и многие другие.

[8] Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005, 540 с.; Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. - СПб.: Петербургское

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

основания полагать, что – о чём и будет отчасти сказано далее – можно говорить о четверке параллельных категорий в логике, математике, когнитивистике, риторике, политологии, методологии и т.д. Этими четырьмя типами являются: разделительные, собирательные, вещественные и популятивные категории.

Два первых типа – абсолютно устоявшиеся в логике, математике, отчасти в теории систем и методологии, и тут не может быть никаких сомнений в их трактовках (которые, тем не менее, не являются единственными[9]; см. далее). Аналогичные различения есть и в других дисциплинах, правда, под другими названиями (скажем, популятивность квалифицируется приблизительно как собирательность в лингвистике, разделительные понятия логики в лингвистике часто называются конкретными существительными и т.д.).

С вещественными категориями ситуация иная. О них иногда мельком упоминается в руководствах по логике, но зато им уделяется довольно большое внимание в лингвистике – когда речь идет о типах существительных, тогда обязательно говорится, что есть вещественные существительные и с ними возникают различные сложности, потому что по-другому используются артикли, категория числа для них определена специфическим образом, есть особые проблемы их перевода и так далее[10]. При этом, однако, вещественность интерпретируется в логике и лингвистике практически одинаково – речь идёт о сущностях, не имеющих реализации в штуках, которые можно было бы считать экземплярами. Характеристики экземплярности появляются у той или иной (произвольной или структурно детерминированной – атом, молекула, кристалл) порции вещества (но не самого вещества!), т.е. оказывается, что у вещественных категорий нет экстенсионала, объёма[11]. Однако нигде в литературе об этом ничего не говорится, а при разборе классификации веществ об этом ничего даже не упоминается[12].

С популятивными категориями дело обстоит ещё хуже. Ещё с 60-ых годов Московский методологический кружок (ММК) под руководством Г.П. Щедровицкого разрабатывал представление о популятивном объекте[13]. Под популятивными объектами понимаются объекты, обладающие следующими свойствами: 1) они всегда (за исключением вырожденных ситуаций – скажем, Робинзон на необитаемом острове) существуют в большом числе экземпляров, 2) эти экземпляры обязательно в чем-то сходны между собой, а в чём-то обязательно отличаются друг от друга, 3) разные экземпляры находятся в каких-то взаимодействиях друг с другом (хотя возможны и крайние ситуации, когда такое взаимодействие отсутствует). Типичными популятивными объектами будут популяции организмов. Любое сообщество людей, которые

Востоковедение, 2006. - 624 с.; Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, ТетраСистемс, 2008. — 266 с.; Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004; 992 с.; Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

[9] Ср., напр., Челпанов Г.И. Учебник логики. М., 2009. 261 с. и Уёмов А.И. Вещи, свойства, отношения. М.: Книга по Требованию, 2013. 184 с.

[10] Русская грамматика. Б.м., б.г. Ин-т русск.языка РАН Режим доступа http://rusgram.narod.ru

[11] Чебанов С.В. Язык описания таксонов. Дисс. ... к. филол.н. 10.02.21. Л., ЛГУ, 1987. Т.1-232 с., т.2-510 с.; Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Семиотика описательных текстов (Типологический аспект). СПб, СПбГУ, 1999. С. 78-79.

[12] Примечательно, что об этом ничего не удалось обнаружить и в работах Б.М.Кедрова – ведущего советского философа, имевшего профессиональное химическое образование и много лет занимавшегося периодической таблицей химических элементов, атомистикой Дальтона и понятием чистого вещества, классификацией наук и другими проблемами, имеющими непосредственное отношение к категории вещественности.

[13] Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного популятивного объекта // Системные исследования 1975, М., Наука, 1976. С. 172-214.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

как похожи друг на друга, так и отличны друг от друга, взаимодействуют, порождают социальные действия, рождают детей – это популятивный объект. Тексты, построенные из слов, которые похожи друг на друга, и, с другой стороны, все отличаются друг от друга, взаимодействуют друг с другом семантически и синтаксически – популятивные объекты.

Притом, что это чрезвычайно интересное представление, в течение долгого времени казалось, что это не имеет никакого отношения к обсуждаемой теме. Казалось, что это сюжет совершенно из другой области, чем область изучения универсального деления понятий по характеру элементов объёма понятия на собирательные и разделительные. При этом было совершенно ясно, что работать с такими популятивными объектами надо по-особенному. Так, их можно представлять и через собирательные, и через разделительные понятия. Однако, взяв для некоторого анализа популятивный объект в качестве собирательного понятия, надо провести весь этот анализ до конца при условии учета только "собирательных" свойств популятивного объекта, а не пользоваться в ходе анализа его "разделительными" свойствами. Аналогично, взявшись за "разделительный" анализ популятивного объекта, надо довести его до конца, не пользуясь "собирательными" свойствами, и только после этого производить соотнесение результатов этих двух видов анализов[14]. Следование таким указаниям позволяло избегать парадоксов при рассмотрении биологических видов систематики (которые существуют в дарвиновской "биологической" трактовке вида), народов в этнографии, населения территорий в демографии и т.д.

При этом удивляла регулярность допускаемых ошибок подобного анализа, притом что, скажем, существовало значительно более общее утверждение о том, что один и тот же объект может представляться в зависимости от решаемых задач в виде разных понятий разного типа[15]. Более того, даже у К.Линнея, у которого, в целом, вид последовательно рассматривается в разделительном смысле, в §132 "Философии ботаники" говорится: «Мы утверждаем, что в начале была создана только одна пара пола каждого вида»[16], что осмысленно только для собирательного понятия[17]. Каких-либо объяснений навязчивости таких ошибок не было.

Ситуация изменилась, когда С.В.Чебанову пришлось разбираться в структуре «Букваря городской Руси», созданном в Институте национальной модели экономики его руководителем В.А. Найшулем совместно с О.В. Гуровой, Г.Г. Хазагеровым и С.В.Х азагеровой[18].

В.А. Найшуль и его группа выделили 4 фундаментальных социальных института: земля, народ, люди и человек. Человек, в их трактовке,– это человеческая сущность, потенциальный человек (наиболее полно выраженная в чести царя: ср. «Близ царя – близ чести»). Люди – это совокупность отдельных человеческих существ, множество людей, причем все элементы этого множества (отдельные человеческие существа) хотя и обладают общими признаками, позволяющими объединить их в это множество, не похожи друг на друга и рассматриваются с учётом этой непохожести. При этом отношения, которые их связывают, в расчет

[14] Чебанов С.В. Внутренние и внешние системы в теории классификации // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1979. М., «Наука», 1980. С. 140-146.

[15] Уёмов, цит. соч.

[16] Линней К. Философия ботаники. М., Наука, 1989. С. 83.

[17] Чебанов С.В.В какой мере Линней не занимался классификацией? // Линнеевский сборник. М., МГУ, 2007. С. 437-454.

[18] Найшуль В. Букварь городской Руси – Режим доступа: http://polit.ru/article/2006/02/02/bukvar/ ; Найшуль В.А. Атлас Букваря городской Руси. β-версия. 2006 (рукопись); Чебанов С.В. Святая Русь, И-цзин и ранговые распределения // Общая и прикладная ценология, 2007, №3. С. 3-11.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

не принимаются. Институт «народ» принципиально отличается от института «люди»: народ рассматривается как субстанция, в которой нет оснований для выделения отдельных элементов, это своего рода биомасса (выражение В.В.Колесова – устное сообщение). Наконец, земля – это совокупность индивидов, рассматриваемых по отдельности человек за человеком, которые, с одной стороны, обязательно значимо отличаются друг от друга, а с другой стороны, в самом фундаментальном, принципиальном сходны между собой, которые проживают вместе на той или иной территории (ср. "земли" как единицы политического устройства ФРГ; "земля" в таком значении является наиболее точным переводом английского "nation").

Таким образом, В.А. Найшулем описаны четыре основных социальных института, причем статус двух из них хорошо описывается имеющимися в логике категориями (собирательности – человек и разделительности – люди), а два такого ясного логического статуса не имеют, но могут быть сопоставлены с вещественностью (народ) и популятивностью (земля)[19]. Такая ситуация позволяет сформулировать положение о том, что семантические отношения собирательности, разделительности, вещественности и популятивности такие же, как между человеком, людьми, народом и землей, что обнаруживает в первой – логической – тетраде такое же единство, как во второй – социологической. В итоге пара традиционно выделяемых и относительно неплохо изученных категорий (собирательности и разделительности) в совокупности с некоторым непонятным привеском (вещественностью) и кажущейся вообще не относящейся к этому ряду популятивностью превращается в закономерно организованную тетраду, гиперонимом для которой будут виды понятий по характеру однородности/неоднородности элементов объема понятия[20]. При этом, однако, вопрос о том, может ли этот ряд быть дополнен какими-нибудь категориями, остается открытым, хотя его структурализация в виде тетрады с закономерными различиями и соотношением членов позволяет считать эту тетраду не вполне произвольной. Последнее подтверждается и тем, что далее рассматриваемая тетрада, связанная с типами различающих, имеет аналогичную структуру.

Полученный результат интересен ещё и в следующем отношении. Как уже говорилось[21], представление одних категорий через другие – обычный и даже закономерный приём работы с понятиями. Однако, в данном случае, в связи со следованием принципу языкового детерминизма[22], появляется возможность представлять не только понятия логики друг через друга, но и понятия ло-

[19] Для того чтобы дать такую трактовку, пришлось несколько иначе расставить акценты в трактовках земли, народа, людей и человека В.А.Найшуля и его сотрудников.

[20] Чебанов С.В., Степукова А.В. К формальной характеристике типов категорий // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы шестой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-19 октября 2013 года). Иваново, ОАО «Изд-во «Иваново»», 2013.С. 280-281; Степукова А.В. Собирательность, разделительность и смежные категории в лингвистике и логике // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы седьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (16-18 октября 2014 года). Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново»», 2014. С. 101-102; Степукова А.В. Монотипические структуры категорий разного типа // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 10. СПб, СПбГУ, 2014. С.101-105.

[21] Уёмов, цит. соч.

[22] Найшуль В.А., Чебанов С.В. Изящная политическая словесность – Режим доступа: http://www.ruslang.ru/?id=seminar fateeva chronicle08 , 15.04. 2009; Найшуль В.А., Чебанов С.В. Социальная метадисциплина - Формальная институционалистика. Тезисы. http://liberty.ru/Themes/Kak-nam-samim-razrabotat-standarty-demokratii; Найшуль В.А., Чебанов С.В. Социальная метадисциплина – формальная институционалистика // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации». Тезисы докладов. СПб, «Эйдос», 2010. С. 423-424.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

гики через концепты языка, а те и другие – через категории социологии, которые, в свою очередь, могут быть соотнесены с определённым социологическим эмпирическим материалом, и все эти соотнесения выявляют устойчивость обсуждаемой структуры понятий (Табл. 1).

сходство	есть	вещественные	1.Песок 2.Народ 3.Братва 4. Лес дровяной Лес поделочный Лес строевой	1.Молодёжь 2.Земля 3.Братство 4.Леса: Лес сосновый Лес низкорослый Лес кривой (криволесье)	популятивные
	нет	собирательные	1.Мяч (как тип вещей) 2.Человек 3.Брат 4. Лес – биоценоз	1. Карандаши (в эмпирии) 2.Люди 3.Братья 4. Лес (лесной массив) у озера М Лес (лесной массив) у реки N Другие леса (лесные массивы)	разделительные
		нет		есть	
		различие			

Таблица 1. Четыре типа категорий и примеры их реализации по наличию сходства/различия составляющих референтов

Примечание. Пример 1. Произвольный набор предметов.
Пример 2. Фундаментальные социальные институты.
Пример 3. Реалии, обозначаемые однокоренными словами.
Пример 4. Реалии, обозначаемые одним и тем же словом.

В связи с этим интересен вопрос о том, насколько сам язык (а не лингвист) различает обсуждаемые категории. Пока что получены некоторые предварительные результаты (С.А.Гашков, Д.А.Ершов – устное сообщение), свидетельствующие о том, что эти категории могут различаться в английском и французском языках за счет определенного сочетания числа существительного и используемого при нем артикля (что в части случаев не исключает омонимии). Если учесть, что освоение языка практически в полном объёме происходит к позднему дошкольному возрасту, то можно утверждать, что уже к этому возрасту появляется возможность различения и обсуждаемых катего-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

рий, которая реализуется в разной мере в зависимости от того, каким национальным языком пользуется ребёнок.

Можно также говорить и о том, что разные когнитивные типы людей, как и разные сферы деятельности, тяготеют к работе преимущественно с теми или иными категориями. Так, работающие по призванию химик или повар, конечно же, склоны к оперированию с вещественными категориями, социолог или популяционный биолог – с популятивными (более того, главная заслуга Ч.Дарвина с точки зрения развития техники мышления – введение в повседневный научный оборот работы с популятивными понятиями). Очень показательна картина работы с разделительными и собирательными понятиями. Первыми занимаются дисциплины таксономического ряда в самых разных сферах деятельности (сравнительно-историческое и типологическое языкознание, биологическая систематика, химия конкретных групп химических элементов и соединений), а вторыми – дисциплины мерономоморфологического ряда в тех же сферах (лингвистическая морфология, включая синтаксис как строение синтаксических конструкций, анатомия и морфология в биологии, физическая химия, ландшафтоведение в широком смысле, хотя оно занимается и вещественными понятиями[23]. При этом очевидно, что каждая из перечисленных дисциплин порождает соответствующую профессиональную субкультуру. Последнее обстоятельство даёт основание ставить вопрос и о различении соответствующей ориентации разных культур. Можно говорить также и о том, что есть психофизиологическая предрасположенность разных людей к занятиям, требующим работы преимущественно с категориями определённого типа (что, в частности, может быть соотнесено и с доминированием того или иного полушария).

Конечно, полученный результат серьезно осложняет работу того, кто хочет использовать логический анализ для понимания материала конкретного исследования в той или иной области, резко осложняет процесс обучения студентов. В связи с этим можно порекомендовать специалистам-предметникам более тщательно описывать то, что они делают, и то, что у них получается, пользуясь языком конкретной предметной области, а не пытаться это описывать в категориях логики до тех пор, пока не будет установлен рабочий контакт с логиком-профессионалом, который будет в состоянии дать корректное категориальное описание ситуации[24]. Студентов же может выручать их спептически-отстранённое отношение к материалу, известный пофигизм (при том, что серьёзное обучение, как и всё настоящее, конечно же, опасно), которые необходимы до тех пор, пока обсуждаемая проблематика не попадает в круг их целенаправленного устойчивого внимания.

3. Типы понятий и типы различающих

Теперь можно соотнести эти типы понятий с типами различающих.В таком случае выделяется два их типа: различающее, связанное с объектом (вещью, предметом, продуктом[25]), и различающее,

[23] По существу, но без использования терминов "вещественные" и "собирательные" см. об этом: Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. - 2009. - № 1. - С. 62-70.

[24] Чебанов С.В. Четырехчленные схемы различения // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18-20 октября 2012 г.). Иваново, Ивановский государственный химико-технологический университет, 2012. С. 204-224.

[25] Категории, приведенные в скобках, близки, но не тождественны объекту и они четко различаются в философии (см. об этом, напр., Чебанов С.В. Многообразие и единство теоретизирования о способах упорядочивающе-систематизирующей деятельности // Личность и культура, 2009, №1 С. 34-41, №5, с.43-47, табл. 5 строка 13), однако здесь это обсуждаться не будет.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

связанное с субъектом (позицией субъекта, личностью, разумным существом[26]).

В первом случае различающее вмонтировано в сам объект – различающим является граница его деталей и границы самого объекта. Например, таким различающим, такой границей является поверхность соприкосновения столешницы и ножек стола. В этом своем качестве такая граница может быть предметом специального исследования, можно решать технические вопросы методики её изучения, заниматься изменением и совершенствованием этой границы и т.д.

Во втором случае перед физическим или мысленным взором индивида (при этом "физическим взором" может быть и ощупывание, обнюхивание, прослушивание и т.д.) находятся два (или более) объекта, и индивид сам в результате каких-то ментальных операций решает, сходные или различные объекты находятся перед ним, то есть индивид (потенциальный субъект) является различающим по отношению к этим объектам. При этом наличие или отсутствие соприкосновения объектов, их физического контакта не имеет никакого значения для заключения о сходстве. Поэтому различающим в данном случае является именно субъект, а особенности строения объекта, его внешние и внутренние границы являются не различающими, а только материалом для различения, осуществляемого субъектом.

Важно заметить, что поскольку в данном случае различающим является субъект, сам факт различения, суждения о сходстве (тождестве) или различии будут принадлежать к сфере субъективного и не могут быть отчуждены от индивида. Таким образом, если граница как различающее первого типа вмонтировано в объект, то различающее второго типа вмонтировано в индивида. Если это наивный индивид, то он является источником некоторого мнения, которое в некоторых случаях (например, если он обладает субсенсорными способностями – скажем, как дегустатор или лозоходец, обнаруживающий источники воды) может представлять интерес в качестве экспертной оценки[27]. Если этот индивид получил определённое образование и прошёл через необходимые тренинги, то он может выступать в качестве субъекта (в строгом картезианском смысле слова) субъект-объектных отношений, а обогащаясь опытом, такой субъект может стать личностью, обладающей личностным знанием[28].

В одной ситуации различения могут присутствовать несколько различающих, принадлежащих к разным типам. Возможны следующие четыре ситуации: 1) когда различающее присутствует в объекте и отсутствует в субъекте; 2) когда различающее присутствует в субъекте, но отсутствует в объекте; 3) когда различающее присутствует и в объекте, и в субъекте; наконец, 4) когда различающее отсутствует и в объекте, и в субъекте.

Сопоставим эти четыре варианта с четырьмя типами понятий.

Если различающее помещено в объект, является его внутренними и внешними границами, то субъект для различения не обязателен, так что так рассматриваемый объект будет соотноситься с собирательным понятием или с популятивным, рассматриваемым в собирательном аспекте. Если различающее содержится в субъекте и отсутствует в объекте (последний рассматривается как представленная целиком штука), объект будет соотноситься с разделительным понятием или с популятивным, рассматриваемым в разделительном аспекте. Таким образом популятивные понятия соотносятся с раз-

[26] См. предыдущую сноску и Чебанов, 2009, указ. соч., табл. 5 строка 20.

[27] Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки - М.: Наука, 1973 г. - 162 с.; Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 264 с.

[28] Полани М. Личностное знание. На пути к посткритический философии. М., 1985. 364 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

личающими обоих типов. Если различающим потенциально является субъект, но этот субъект фактически отсутствует как различающее, т.к. нечего различать, поскольку вещество (в отличие от его порции) заполняет всё, что можно заполнить, а соответственно границ объекта нет, то речь идет о вещественном понятии (у вещества – в отличие от его порции – нет границ). Последнюю ситуации можно описать и иначе: есть разные вещества, каждое из которых заполняет весь *свой* мир, но есть много миров, которые никак не соотнесены друг с другом.

Различающее		Субъект	
		Присутствует	Отсутствует
Границы объекта	Присутствует	популятивные	собирательные
	Отсутствует	разделительные	вещественные

Таблица 2. Соотношение типов различающих с типами понятий

4. Понятия, различающие и границы

Теперь можно подвести некоторые итоги результатов, полученных при реализации развиваемого подхода.

Во-первых, граница в узком смысле оказывается таким различающим, которое присуще самому объекту, представляемому в собирательном понятии, и поэтому сами границы и их устройство могут стать самостоятельным объектом исследования, что и имеет место в лимологии[29]

Во-вторых, границы присущи и референтам популятивных понятий, но это будут границы, с одной стороны, структурных единиц, которые составляют популяцию (особей биологической популяции, конкретных горожан как жителей города, словоформ как составляющих текста и т.д.), а, с другой стороны, "деталей", частей этих структурных единиц (органов биологических особей, социально-демографических атрибутов отдельных горожан, морфологических сегментов отдельных словоформ). При этом такие структурные единицы (особи, горожане, словоформы) ещё могут различаться и с помощью субъекта (позиции субъекта, личности и т.д.), как это имеет место для разделительных понятий.

В-третьих, граница в узком смысле (как различающее, вмонтированное в различаемое) отсутствует у референтов разделительных и вещественных понятий (концептов, категорий). Однако конкретные экземпляры референтов разделительных понятий все-таки как-то оконтурены (что неважно для их логического анализа), но взаимное расположение (как в пространстве, так и во времени) этих экземпляров не имеет значения, произвольно. Тогда можно образно сказать, что границы, разделяющие референты разделительных категорий, имеют произвольные размеры, произвольную толщину (в том числе и большую, в разы и порядки превышающую размеры этих референтов).

В-четвертых, референты вещественных категорий вообще не имеют границ, т.к. появление

[29] Географические границы. Под ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. М.: МГУ,1982. 128 с.; Каганский В.Л. Граница ландшафтная // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 6. – М.: Институт Наследия, 2010., С. 256-259.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

какой-либо границы возможно только у какой-то порции вещества, но в последнем случае с логической точки зрения это будет уже принципиально другой объект, описываемый разделительной или популятивной категорией.

Наконец, надо отметить существование ситуаций, которые требуют специальных приемов анализа. Рассмотрим два примера.

Пример первый – граница раздела фаз. Если речь идёт об эмпирических границах каких-то объектов – макроскопически наблюдаемых физических тел (валунов, интрузивных тел), песчинок, капель эмульсий и т.д. – то, безусловно, они разделены физическими эмпирически данными границами, которые являются различающими собирательных понятий. Однако, можно рассматривать границу раздела фаз как идеальный конструкт, имеющий неограниченно большие размеры и разделяющий весь мир на две фазы, каждая из которых заполняет свой полумир.

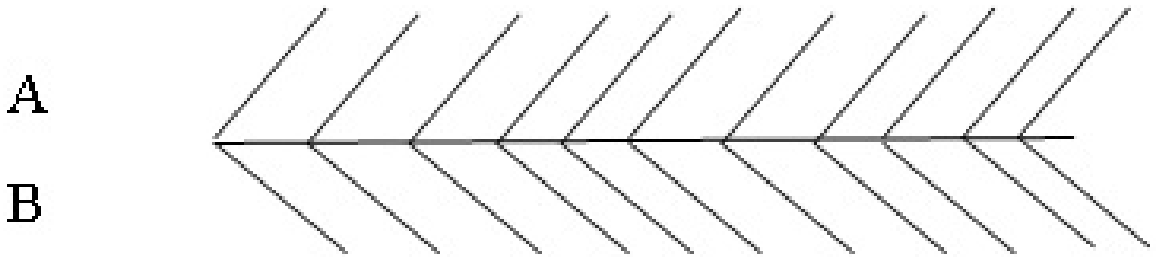

Рис.2.

С одной стороны, присутствие такой границы даёт основание говорить о том, что речь идет о референте собирательной категории. Но эта граница не замкнута, так что выделяемые ею части не обладают пространственно-временной определенностью (в данном случае, только пространственной), которая присуща собирательным понятиям, репрезентируемым в виде конкретных экземпляров. С другой стороны, каждое из веществ A и B может рассматриваться как референт вещественного понятия, но тогда каждый такой референт должен заполнять весь мир (а не полумир!) и не иметь границ, поскольку последние превращают его в референт собирательного понятия. Таким образом, можно сказать, что такая граница раздела фаз (являющаяся идеальным конструктом!) обладает статусом полусобирательной полувещественной категории.

Второй пример еще более примечателен. В 4-ом стихе первой главы Книги Бытия говорится: "... и отделил Бог свет от тьмы" и далее: "И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью" (Быт., 1, 7). Здесь в обоих случаях весьма примечателен логический статус действия "отделил". Конечно же, это проведение границы раздела фаз. При этом происходит разделение таких субстанций как "свет" и "тьма", "твердь" и "вода", т.е. различение вещественных категорий. Но эти субстанции занимают соответствующие полумиры (а не весь мир), т.е. здесь налицо и собирательность. Но при этом автор видит "свет" и "тьму", "твердь" и "воду" как нечто разное, сопоставляет их, и в этом проявляется разделительная природа обсуждаемых категорий. И наконец, раз ситуации присуща и собирательность, и разделительность, то это может квалифицироваться и как популятивность, но такая, при которой популяция представлена только двумя контрастно различными экземплярами.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Подобные примеры показывают, что логический статус конкретных границ и их подобий может быть весьма затейливым.

5. Типы границ по их когнитивному статусу

Теперь можно обратиться к границам в узком смысле и несколько детализировать их характеристику.

а) Типы границ по характеру субъект-объектных отношений

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что объект – не нечто данное само по себе и абсолютно независимое от нас, а нечто сконструированное субъектом[30]. Поэтому устройство объекта, а следовательно, и границ в нем зависит от характера субъект-объектных отношений, и здесь открывается широкое поле деятельности, т.к. можно строить самые разные типы границ. Так, разного типа границы будут между партиципантами разных типов энлогов, которые в вырожденных случаях превращаются в субъект и объект[31].

б) Границы мест, пространств, геометрий

Для начала можно определить, какой смысл стоит за границами в самом узком их понимании – границами в пространстве, в том числе, в географическом. При этом надо различать место, пространство и геометрию этого пространства, поскольку в каждом из них ситуация будет качественно различной. Ситуация выглядит следующим образом.

В индивидуальном повседневном опыте человека есть различение некоторых мест, несходных по тому, что он может делать (ловить рыбу, слушать соловьёв, работать за станком, торговать и т.д.), переживать, вспоминать в данном месте, кого он может там встретить, что он там может увидеть, какие погодные явления там могут происходить или они в принципе там отсутствуют (в замкнутом помещении) и т.д. Таким местом может быть урочище в ландшафте (см. приведённые примеры), часть здания ("Катакомбы", "Лабиринт", "Райский уголок", "Новый свет", "Школа", "Высшая школа", "Олимп", "Полигон" и т.д. студенческого фольклора филологического факультета СПбГУ, ныне официально закреплённые за частями факультета), часть комнаты (детский уголок, спальное место, красный угол) и т.д. Такие места уникальны и принципиально незаменяемы. Их отличительной чертой является то, что их ядра хорошо различимы, в то время как далеко не всегда понятно, где заканчивается одно место и начинается другое, заполняют ли эти места весь вмещающий их объект (ландшафт, комнату, здание), или между ними есть "белые пятна", или, напротив, они перекрываются.

Характер границ как различающих собирательных понятий при этом наиболее разнообразен (вплоть до уникальных вариантов). Так, граница может быть очень четкой и точно определенной (с точностью, соотносимой с размерами объекта), как, например, граница Восточно-Европейской равнины и Фенноскандии по реке Сестре с её контрастными берегами (в данном случае размер – ширина – границы на порядки меньше размеров объектов, что обычно для географии), границы территории разных семей на коммунальной кухне или враждующих детей на игровой площадке. Гра-

[30] Абдильдин Ж.М., Балгимбаев А.С. Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата: изд-во «Наука» Казахской ССР, 1977. – 304 с.; Наумов Ю. К. Активность субъекта в познании М.: Изд-во «Мысль», 1969. 88 с.; Петрущик А.И. Творческая активность субъекта в познании. Минск. Наука и техника. 1975. 144 с.

[31] Анализ разных типов энлогов см.: Чебанов С.В. Герменевтические аспекты энлога как квазиперсонального взаимодействия // Прикладная и структурная лингвистика. Вып. 5. СПб, СПбГУ, 1998. С. 19-40. О границах умвельтов как особых энлогий см. Chebanov S.V. Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 – 1/4, 2001. P. 169-184.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ницами таких мест как различающими собирательных понятий при этом могут быть отдельные тела, привязанные к некоторым местам – камни, изгороди, реки и т.д., которые только и могут обеспечивать различающую (а иногда одновременно и барьерную) роль границы.

Напротив, скажем, Вологодские и Петербургские земли хорошо представлены местами, являющимися их ядрами, а граница их размыта до неопределённости. Последнее верно и в отношении красного угла и детского уголка в жилой комнате. При этом при достаточно большой разнесённости мест (но не настолько, чтобы распадалась целостность исторической области или комнаты) окажется, что топология отношения мест практически не имеет никакого значения и важным является только соотнесение мест в субъекте. Более того, вопрос о тополого-топографических отношениях мест вообще может оказаться не актуальным – так, в сознании православного крестьянина может вообще не соотносится географически Иерусалим и Вавилон, т.е. последние оказываются фактически разделительной совокупностью, элементы которой соотносятся только через сознание индивида как различающее. При этом никакого значения не имеет и "толщина" границ, которая может выражаться через удаленность (далеко – близко) таких ядер друг от друга. Именно в череде таких мест и протекает в основном повседневная жизнь наивного (не усвоившего содержания институализированного образования новоевропейского типа) человека. Аналогичный статус имеют и клеточные элементы крови, границей между которыми является плазма (ср. среда как граница в городской или иной среде[32]).

Идея пространства возникает тогда, когда появляется представление о принципиальной взаимозаменяемости мест, о том, что разные места могут быть заменены одно на другое по какому-то правилу, основанному на сходстве этих мест. Последнее устанавливается с опорой на субъект как различающее. За счет такого отождествления места деиндивидуализируются. Границы в таком случае будут выступать как локусы, в которых происходит смена правила отождествления мест. Скажем, граница раздела фаз при такой формулировке – такое пространство, по разные стороны которого расположены пространства с разными свойствами, т.е. граница как различающее является некоторым пространством, находящимся между двумя другими различёнными пространствами. Такие границы могут быть точками, линиями, поверхностями, слоями и т.д. в зависимости от структуры соответствующего пространства.

Появление у человека представления о пространстве означает появление у него самой идеи отождествления разных мест. После того как такая идея появилась, он начинает осознанно или неосознанно отождествлять места, за счёт чего и артикулируется то, как устроено это пространство и границы в нём. Обычно (если это не оказывается для него предметом специальной рефлексии – профессиональной или предпрофессиональной[33]) человек самостоятельно артикулирует отождествление очень небольшого числа мест, а дальше полагается на те схемы отождествления, которые ему предлагаются уже в готовом виде – планы населенных пунктов или их районов (печатные или сделанные от руки), географические карты и описания местностей в учебниках или иных географических текстах, языковые обороты и т.д.

[32] Каганский В.Л. Природоохранная деятельность и ценность границ // Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 704. Тарту.: Изд-во Тартуск. ун-та, 1985. С. 96-101; Каганский В.Л. Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географич. проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: ИГ АН СССР, 1988, С. 63-71.

[33] См. описание своего детского опыта как предгеографического у Б.Б. Родомана: Родоман Б.Б. Моя жизнь в единой географии // Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 238-251.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Показательно в этом отношении представление о том, где проходит их жизнь, у учащихся двух 8-ых классов (1991-92 учебный год гимназии – в то время школы – №92 Санкт-Петербурга, проспект Мориса Тореза д.94), у которых С.В.Чебанов вёл курс естествознания, переданное с помощью самодельных карт (планов) и словесных описаний. Школа расположена довольно далеко от центра города, напротив лесопарка Сосновка, в квартале между проспектами Мориса Тореза и Энгельса, Гданьской и Гаврской улицами. Обнаружилась, что жизненный мир учащихся в основном располагается между указанными проспектами, но охватывает кроме указанных еще несколько прилегающих улиц. Эти кварталы изображены более или менее топографически точно. При этом они содержат большое число микротопонимов, понятных только авторам, членам их семей и близким знакомым. Именно эти кварталы и можно интерпретировать как *места* жизни учащихся. На части изображений были представлены и другие прилегающие кварталы, но уже с контурами, свойственными их стандартным изображениям на печатных планах города и со стандартными общепонятными топонимами, что можно интерпретировать как презентацию *пространства* этой части города. Примечательно, что уникальные в историко-культурном отношении места (лечебница Бадмаева, детская железная дорога, психиатрическая больница Скворцова-Степанова – до революции Святого великомученика Пантелеймона) не были указаны ни одним учеником. Кроме того, на части планов в качестве выкопировки были планы *мест* проживания близких родственников и друзей с персональными микротопонимами из совершенно других частей города (например, Охты). Таким образом, разные места жизни фактически не соотносятся друг с другом (и это показывал опрос учеников, которые были не в состоянии соотнести их на местности, сориентировать по частям света и т.д.) и существуют в сознании как разделительные совокупности.

Наконец, если прояснена организация пространства, то это позволяет описывать его геометрию – топологию и метрические характеристики. Именно при этом возникают проблемы фрактальности границ, их размытости, прерывности/разрывности, встаёт вопрос о невыполнении закона исключённого третьего и т.д. Во всех этих случаях какие-то вещи, объекты, находящиеся в тех или иных местах и служащие там границами-различающими (реки, камни, изгороди и т.д.) превращаются в идеальные объекты –границы как геометрические идеализации – точки, линии, поверхности и т.д. При этом возникают проблемы, связанные с тем, что для представления границ привлекается практически исключительно эвклидова геометрия, что в общем случае совершенно необязательно. Так, на языке эвклидовой геометрии трудно описать полупроницаемые клеточные мембраны как границы клеток живых организмов или их отдельных компартаментов (эндоплазматического ретикулума, аппарата Гольджи, митохондрий и т.д.). Однако если в качестве исходного объекта построения биоморфной геометрии взять неевдоксову линию (для которой не выполняется аксиома Евдокса о том, что между любыми двумя точками существует третья) и рассматривать мембрану как след волочения двух таких неконгруэнтных неевдоксовых линий, то полупроницаемая мембрана как граница окажется вполне обычным объектом[34] (при этом, однако, построенная на такой аксиоматике геометрия будет значительно хитроумнее – более громоздкой – ныне существующих).

Из сказанного ясно, что границы мест, границы в пространстве и границы в пространстве с фиксированной геометрией – это совершенно разные границы и у них разные различающие (вещи на местах, заменяемые места, идеальные геометри-

[34] Chebanov S.V. Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 – 1/4, 2001. P. 169-184.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ческие объекты). Границы каждого типа требуют особого рассмотрения, а их смешение порождает псевдопроблемы (например, рассуждения о фрактальности при рассмотрении на местности конкретного участка береговой линии, предфрактальные свойства которой будут ограничены песчинками с окружающей их пленкой поверхностного натяжения воды).

в) Временны́е границы

Следующий вопрос, встающий в связи с границами, это вопрос о том, можно ли начало и конец процесса или начало и конец каких-то этапов или стадий процесса интерпретировать как их границы, причем, как очевидно, границы временны́е. Говоря об этом, прежде всего надо зафиксировать сам факт изменения семантики границ при такой интерпретации. В языке это различие зафиксировано, и сторонники языкового ригоризма категорически выступают против подмены временны́х отношений пространственными (не "где-то около пяти часов", а "когда-то около пяти часов", фильм не "длиной в час", а "длительностью в час", не "размером в год", а "длительностью в год" и т.д.). Следуя этому, называть начало и конец границами также некорректно. Вместе с тем, повседневная языковая практика регулярно осуществляет такие подмены[35], причём временны́е границы (как и пространственные) могут быть как дискретными, так и размытыми, а когнитивная лингвистика даже принимает это как фундаментальную закономерность языковой деятельности[36].

Так или иначе опространствление и даже геометризация времени получают в естествознании широкое распространение, и, как следствие, представление о границах переносится и в темпорологию[37]. Более того, четырехмерное пространство-время Г.Минковского не просто делает такие переносы регулярными, но и узаконивает их. При этом четырехмерное пространство-время Г. Минковского кладется в основу многих концепций современного естествознания, а физические процессы начинают интерпретироваться как определяемые свойствами пространства, т.е. развивается представление о геометродинамике[38]. В таком случае, на временны́е границы может быть перенесено всё, сказанное о границах пространственных.

Правда, наряду с этим существует подход А.Бергсона[39], основанный на различении времени и дления, аналогичном различению места и пространства, который настраивает на более внимательное отношению к указанному переносу представлений о границах из одной области в другую.

С точки зрения проблемы статуса различающих ситуация при этом такая. Если речь идет о началах и концах разных периодов, то в общем случае они могут соотносится только в сознании субъекта. С этой точки зрения временны́е границы – это не границы в узком смысле слова, не такие границы, как границы мест, пространств и геометрий, которые в том или иной форме могут быть

[35] Шамшин В.Н.. Философия воровства (Анти–марксизм). Лондон, изд-во «Альбион», 2013. 328 с.

[36] Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. Cambridge, 1994. 238 p.; Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. I: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987. 540 p.; Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: Theory, research, and application. New York; London, 1983. P. 225–282; Talmy L. The relation of grammar to cognition // Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 174-176.

[37] Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть I. М.: Изд. Моск. ун-та. 1996. 302 с.; Part 2. Singapore, New Jersey, London, Hong Kong: World Scientific. 1996. 220 pp. Часть 3. М., Прогресс-Традиция, 2009. 478 с.; Развитие учения о времени в геологии. Киев, Наукова думка, 1982. 414 с.

[38] Шил М. А., Торн К.С. Геометродинамика: нелинейная динамика искривленного пространства-времени // Успехи физических наук. - 2014. - Т. 184, № 4. С. 367-378.

[39] Бергсон А. Творческая эволюция. — М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 194 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

предметом созерцания физическими глазами. С этой точки зрения различающим временны́х периодов (этапов, фаз) является субъект, и в этом смысле временны́е периоды сходны с разделительными категориями. При этом совокупности временны́х моментов, периодов, этапов, фаз являются разделительными множествами, правда с очень жёсткими (даже если речь идёт о двумерных[40] или многомерных[41] временах) отношениями порядка, и в данном случае такие разделительные множества с отношениями контрастно отличаются от собирательных множеств.

Однако, использование самописцев, осуществляющих непрерывную запись показаний, разного рода непрерывных регистраторов, других способов фиксации следов процессов[42], которые обеспечивают визуализацию изменений во времени, дают пространственную презентацию процессов, при которой "временны́е границы" обретают различающие-границы собирательных категорий. Но такие визуализированные следы являются в силу самой возможности их фиксации следами не времени, а дления. Однако, именно такая организация начал и концов периодов, этапов, фаз превалирует в сознании современного человека, что и обеспечивает самые разные варианты опространствления времени.

г) Границы в фазовых пространствах

Продолжая подобный анализ, следует обратиться к рассмотрению фазовых пространств, измерениями которых являются характеристики объектов произвольной природы (а не только пространственно-временные). Такие пространства с самого начала задаются как пространства значений параметров с определенной геометрией. Чаше всего это декартово пространство с эвклидовой метрикой. Таковы фазовые диаграммы, на которых представляются законы идеальных газов (Бойля-Мариотта, Гей-Люссака, Шарля), фазовые диаграммы физико-химических систем[43], фазовые портреты динамических систем, в которых одной из координат является время[44], диаграммы информационных энтропий – анэнтропий в методе *RHAT* Т.Г.Петрова[45] и т.д. Коль скоро с самого начала

[40] Михайловский Г.Е. Элементы биологической термодинамики. Иркутск, ИГУ, 1980. 78 с. Михайловский Г.Е. Биологическое время, его организация, иерархия и представление с помощью комплексных величин // Конструкции времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Часть I. Междисциплинарное исследование. М.: Изд. Моск. ун-та. 1996. С. 112-134.

[41] Щедровицкий Г.П. Цит. соч.

[42] О соотношении процесса и следа процесса, логике реконструкции процессов см., напр.,: Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961. 214 с.

[43] Новоселова А.В. Фазовые диаграммы, их построение и методы исследования. М., МГУ, 1987. 152 с.; Чареев Д.А., Осадчий Е. Г. Фазовые диаграммы. Ч. 1. Дубна, МУОЧ "Дубна", 2013. 60 с.

44 Магнус К. Колебания: введение в исследование колебательных систем М.: Мир, 1982. - 304 с.

[45] Петров Т.Г. Информационный язык для описания составов многокомпонентных объектов // Научно-техническая информация. Сер 2. 2001, №3. С. 8-18. Петров Т.Г. Графическое отображение процессов эволюции составов поликомпонентных объектов любой природы // НТИ. 2012. сер. 2 №3 С. 21–31. Петров Т.Г., Фарафонова О.И., Соколов П.Б. Информационно-энтропийные характеристики состава минералов и горных пород как отражение напряженности процесса кристаллизации. Записки ВМО 2003. .№2, С.33-40; Руденко Ю.Л., Петров Т.Г., Мошкин С.В. «Сложность» и «чистота» химического состава как проявление процессов разделения при формировании турбидитов в различных геодинамических обстановках (на примере современных отложений // Вестник СПбГУ сер.7. 2005. №1. С.24–34; Petrov T. G. Graphic Representation of the Evolutionary Processes of the Compositions of Multicomponent Objects of Any Nature // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics, 2012, Vol. 46, No. 2, pp. 79–93. Petrov T.G. Separation-Mixing as a Model of Composition Evolution of

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

они рассматриваются в пространствах с определённой геометрией, все свойства границ в таких геометрических пространствах будут свойственны и границам в фазовых пространствах.

Однако более или менее опытный исследователь, работающий с такими диаграммами, начиная с какого-то момента работает с ними как с целостными образами ("фазовыми портретами"), и разные участки фазовых пространств начинают неосознанно восприниматься как наделенные тем или иным смыслом, причем такие области могут быть вообще никак не оконтурены или оконтурены частично. Тем самым речь идет о том, что исследователь работает с разными областями фазовых пространств как с местами, но теперь уже с местами в фазовых пространствах. Таким образом, соотношения пространства и места оказываются весьма многоплановыми, что затрагивает и статус границ в них.

е) Границы в хронотопах, умвельтах, жизненных мирах

Обращение к фазовым пространствам и к пространству-времени Минковского, а также представления о соотношении времени и дления А.Бергсона делают почти самими собою разумеющимися представления о хронотопе А.А.Ухтомского[46] – М.М.Бахтина[47] и об умвельте Я. фон Икскюлля[48], к которому примыкает и представление о жизненном мире (Lebenswelt) Э.Гуссерля[49].

Сутью этих двух концепций, созданных со знанием кантовского учения о пространстве-времени, работ Г.Минковского и А.Эйнштейна, является представление о том, что каждый организм (включая человеческий) и группы организмов живут в своем мире со своим пространством-временем (точнее, конфигурацией мест), отличными от физического. При этом хронотоп, умвельт, жизненный мир вводятся как существующие наряду с физическим миром, и даже ставится вопрос о способе их соотнесения[50]. Однако задача описания их организации заставляет прослеживать и устанавливать взаимоотношения именно мест. При этом обнаруживается, что реконструируемое на этом основании пространство обладает свойствами как так называемого "физического пространства", так и фазового пространства.

Более того, пользуясь представлением об умвельте, можно говорить о том, что умвельт человека допускает по крайней мере два типа редукций[51].

Интенсиональные редукции умвельта человека порождают хронотоп средневекового человека, хронотоп, в котором каждое место является

any Nature // J. Systemics, Cybernetics and Informatics V. 12, N 1 2014. P. 76-81.

[46] Ухтомский А.А. Возбуждение, утомление, торможение // Физиологический журнал СССР. 1934. № 6. С. 1114–1121; Ухтомский А.А. О хронотопе // Ухтомский А.А. Доминанта души. Рыбинск, Рыбинское подворье, 2000. С. 77-80; Меркулов В.Л. Алексей Алексеевич Ухтомский. М.–Л., АН СССР, 1960. С. 148-157.

[47] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., Худож. лит, 1975. С. 234-407.

[48] Uexküll J. von Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin: J. Springer. 1909. 262 z.; Uexküll J. von, Kriszat G. Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen: Ein Bilderbuch unsichtbarer Welten. (Sammlung: Verständliche Wissenschaft, Bd. 21.) Berlin: J. Springer, x+102z., 1934.

[49] Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн., М., 2000. 752 с.

[50] Ухтомский, 1934, цит. соч.

[51] Чебанов С.В. Теоретическая биология в биоцентризме: замысел и реализация // Холизм и Здоровье, 2013, № 1(8). С. 3-17, п.22; Chebanov S.V. Theoretical biology in biocentrism // Lectures in theoretical biology. Tallinn, «Valgus», 1988. P. 159-167.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

центром мира, а в каждом храме живет Бог[52]. Но это мир приблизительности, все границы в нем размыты, а между местами есть значительные белые пятна[53].

Экстенсиональные редукции дают мир современного человека как с его пространством, инвариантным к местам, длением, инвариантным к времени, энергией, инвариантной к энтелехии, так и деньгами, инвариантными к потребительной стоимости вещей. При этом такой мир ориентирован на предельную прецизионность[54], что приводит к потере правильности (несмещенности) оценки ради её беспредельно высокой точности[55]. Именно за счет такой редукции умвельта и порождается представление о физическом мире, которое становится излишним, если принять такую трактовку умвельта в его экстенсиональной редукции. В такой интерпретации умвельт (хронотоп, жизненный мир) существует не наряду с физическим миром, а является другим представлением того, что при иных обстоятельствах предстаёт как физический мир.

Так или иначе, но весь круг идей, связанный с геометродинамикой, четырехмерным пространством-временем Г.Минковского, различением времени и длениия А.Бергсоном, умвельтом Я.Икскюля, жизненным миром Э.Гуссерля, хронотопом Ухтомского-Бахтина, подводит к представлению о том, что фундаментальной категорией всей обсуждаемой области является место, которое доступно непосредственному созерцанию. Соответственно и границы мест представляют наибольший интерес. При этом в виду того, что все места уникальны, рассмотрение границ мест наиболее трудоёмко, т.к. для этого не может быть регулярной процедуры.

*****

Для того, чтобы проиллюстрировать, как работает предлагаемый логический аппарат, можно рассмотреть его использование для описания реальных ситуаций профессиональной работы.

При рассмотрении нескольких обнажений в определённой местности, в них выделяются те или иные слои отложений и, скажем, секущее их интрузивное тело. Некоторые из слоёв этих обнажений как и интрузии в них могут бросаться в глаза, но до поры до времени вообще не соотносятся друг с другом. В этой ситуации такие слои и фрагменты интрузивного тела описываются разделительным понятием, а различающим оказывается сознание исследователя. Далее эти обнажения сопоставляются и осуществляется реконструкция слоёв (стратонов) и интрузивного тела. В этой ситуации то, что было различено как слои и фрагменты интрузии в разных обнажениях оказывается неразличенным. При этом совокупность слоёв одного отложения и интрузия с её частями описывается собирательными понятиями, а двумерные поверхности в трехмерном пространстве, оконтуривающие реконструированные стратоны и интрузию, являются различающими-границами. По характеру субъект-объектных отношений эти различающие-границы являются именно реконструкциями, т.е. более или менее правдоподобными гипотезами.

Далее, возможно, что в этой местности может начаться разработка какого-то месторождения полезных ископаемых открытым способом или строительство какого-то крупного объекта. В этом

[52] Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. . М., Искусство, 1984. 350 с.

[53] Chebanov S.V. Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 – 1/4, 2001. P. 169-184.

[54] Койре А.В. От мира "приблизительности" к универсуму прецизионности // Койре А.В. Очерки истории философской мысли: О влиянии филос. концепций на развитие науч. теорий М. : Едиториал УРСС, 2003. С. 109-128.

[55] Баранцев Р.Г., Калинин О.М. Математика в научной деятельности А. А. Любищева // Александр Александрович Любищев. Л.: Наука, 1982. С. 65-80.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

случае могут обнажиться границы стратонов и интрузии. Они могут либо не совпадать, либо совпадать с реконструированными границами. В последнем случает поменяется их субъект-объектный статус – они из реконструкций превратятся в наблюдаемые объекты. Правда при этом это будет рассматривание границы только с одной стороны – со стороны разрушенного стратона, т.е. в результате разрушения граница стала односторонней. Если же говорить точнее, то в этом случае граница двух твердых тел, которая была не видна, становится границей твердого тела и прозрачного воздуха, что сделало её наблюдаемой. Такая граница может быть обнажена только частично. В таком случае она продолжает быть реконструкцией, но более надежной, т.к. часть её становится наблюдаемой. На ранних стадиях исследования такой частично вскрытой границы-различающего, разные её фрагменты, которые, например, могут подлежать сравнению, описываются разделительным понятием, соотносимым с различающим-субъектом.

Такая громоздко описанная ситуация является элементарной процедурой, постоянно осуществляемой геологом при описании той или иной местности.

Совершенно такая же в логическом отношении работа осуществляется, например, при использования в электронной микроскопии метода замораживания со сколом[56]. В этом случае конфигурации мембран, которые реконструируются по срезам, изучаемым с помощью трансмиссионного эмиссионного микроскопа, удается наблюдать в растровом (сканирующем) электронном микроскопе после того, как клетки организмов быстро заморожены и расколоты по липидным слоям мембран.

[56] Репин Н.В., Скорняков Б.А. Методические особенности и техническое обеспечение электронно-микроскопического метода замораживания-скалывания // Криобиология и криомедицина. К., 1982, вып.10. С.89-92.

6. Границы и порядки

Места могут выстраиваться в том или иные порядке, череде[57] – конфигурации мест, слагающих универсум, в котором переход от места к месту происходит по некоторым правилам. В разных универсумах действуют разные правила, основанные на полиарных (хотя бы бинарных) отношениях соседства, наследования и иерархии, что позволяет задать те или иные пространство, время и значение (важность). В зависимости от того, как будут заданы эти отношения, будет та или иная степень сходства/различия границ, начал и концов, доминирования и подчинения. Но так или иначе, характер того или иного порядка (череды) будет определяться свойствами мест, из которых она строится, что и делает границы мест наиболее интересными.

Так, отношения соседства географических мест формируют в качестве универсума ландшафт[58], универсумом наследуемых событий является история, соседство мест в фазовых пространствах порождает эпигенетический ландшафт[59] как универсум креодов[60] (аттракторов[61]), на основании

[57] Ср. этимологию: череда – ряд зарубок (пространственная структура) для фиксации времени (Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Значение и происхождение слов. М.:,Дрофа. 2004. 398 с.), т.е. сама идея череды строится на контаминации локусов пространства и времени, что и делает привлекательным использование этого слова для обозначения отношения мест.

[58] Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. - 2009. - № 1. - С. 62-70; Каганский В.Л. Развивающая критика теоретической географии Б.Б. Родомана // К 80-летию Б.Б. Родомана. М.: Институт наследия, 2013. С. 84-113.

[59] Уоддингтон К.Х. Основные биологические концепции // На пути к теоретической биологии. I. Пролегомены. М.: Мир. 1970. С. 11–38.

[60] Waddington C.H. The Strategy of the Genes. George Allen & Unwin, 1957, pp 19-30; Том *Р.*Структурная устойчивость и морфогенез. М.*:* Логос*,* 200*2*, 288 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

иерархии семантических мест строится тезаурус как универсум смыслов, античный космос является универсумом упорядоченных мест, иерархия ангелов и священнослужителей соотносит их места в Церкви[62] и т.д.

Во всех этих случаях возникает и вопрос о границах в этих универсумах (границах ландшафта, периодов истории, областей эпигенетического ландшафта – бифуркациях-катастрофах и т.д.), причем в универсумах именно мест. Именно поэтому границы мест, понимаемые как специфические различающие собирательных категорий, кажутся наиболее интересными, а подходящим аппаратом для их изучения представляется морфология, основанная на идеях Аристотеля[63].

****

Авторы считают своим приятным долгом принести благодарность за обсуждение работы и высказанные замечания В.Л.Каганскому Т.Г.Петрову, Б.Ф.Шифрину и участникам семинара «Границы в культуре и ландшафте», состоявшемся 21 – 23 мая 2014 г. на Гуманитарном факультете Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

[61] Арнольд В. И. Новый обскурантизм и российское просвещение. М.: ФАЗИС, 2003. 60с.; Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. 1995. № 1. С. 3-129.

[62] Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб, Сатисъ, 1996. 96 с.; Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Послания. СПб.: Алетейя, 2001. 282 с.

[63] См. Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М. Наука 1982. 432 с.; Чебанов С.В. Представления о форме в естествознании и основания общей морфологии // Organilise vormi teoria. X teoreetilise bioloogia kevadkool. Tartu, Tartu riiklik ulikool, 1984. С. 25-40.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

Санкт-Петербург, Россия
Кандидат философских наук

St. Petersburg, Russia
PhD
leonid.tchertov@googlemail.com

К СЕМИОТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

В статье понятие границы рассматривается с точки зрения пространственной семиотики и соотносится с такими ее специфическими категориями как тело, место, пространственная форма и др. Границы значимых тел или мест включаются в структуру автономного и сепаратного пространства, семиотизированного с помощью того или иного пространственного кода. В плане выражения каждого из этих кодов границы значимых в нем пространственных элементов выстраиваются в соответствии с его грамматическими правилами. Можно выявить и особый демаркационный код, в котором пространственные границы оказываются уже в плане содержания и маркируются разнообразными семиотическими средствами. Обозначенные средствами этого кода границы способны и сами выполнять семиотические функции и, в частности, их установление или снятие может быть символом каких-то важных изменений.

Ключевые слова: пространственная граница, значимое тело, значимое место, пространственная форма, автономные и сепаратные пространства, пространственные коды, демаркационный код.

ON SEMIOTICS OF SPATIAL BORDERS

The concept of the border is considered in the paper in terms of spatial semiotics in relation to its specific categories: body, place, spatial form, etc. The borders of meaningful bodies or places are included into the structure of an autonomous and separate space which is semiotized by means of a certain spatial code. Each of these codes has its own grammar rules, and the borders of its significative spatial elements are arranged according to these rules in the mode of expression. One can also reveal a special demarcation code, where spatial borders are included into the contents and are marked by various semiotic means. The borders signified by means of this code are able to fulfill semiotic functions, in particular, their establishment or removal can be a symbol of some important changes.

Key words: spatial border, meaningful body, meaningful place, spatial form, autonomous and separate spaces, spatial codes, demarcation code.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

Понятие границы и категории пространственной семиотики

Понятие границы может только тогда определиться и работать как пригодный исследовательский инструмент, когда из безграничного разнообразия возможных смыслов будет вычленен ограниченный набор его признаков. В данной статье такое ограничение понятия связывается, прежде всего, с тем, что в ней речь пойдет только пространственных границах. Границы иного рода – между периодами времени, между логическими классами и другие будут отмечаться только в связи с рассуждениями о пространственных границах. Еще одно вводимое здесь ограничение определяется тем, что понятие границы будет рассматриваться в концептуальной системе пространственной семиотики. Это предполагает соотнесение пространственной границы, во-первых, с общими семиотическими понятиями: знак, значение, семиотическая система, текст и другие. Во-вторых, если граница рассматривается в системе именно пространственной семиотики, она должна быть соотнесена со специфическими понятиями последней: значимое тело, значимое место, семиотизированное пространство и т. п.

Семиотика пространства имеет основания для выделения в особую ветвь науки о знаках в силу особенностей своего предмета – значимых пространственных отношений. Организованные этими отношениями пространственные тексты существенно отличаются своей синтактикой, поскольку структуры их плана выражения могут иметь иные семиотопологические свойства: неодномерность, обратимость, анизотропность, непрерывность, разнообразное сочетание симметрии и асимметрии и прочие. Они отличаются и по своей семантике нередкой «мотивированностью» значений и способностью запечатлевать преходящее. Эта способность связана уже и с особенностями прагматики – временным разрывом между актами создания и интерпретации пространственных сообщений[1].

Оформление и осмысление пространства в соответствии с определенными нормами есть его *семиотизация*. Поскольку возможны различные системы таких норм, семиотизация пространства может производиться разными способами. Каждая из таких семиосистем представляет собой *пространственный код*, задающий синтаксические, семантические и прагматические правила семиотизации пространства. Результатами применения этих правил становятся *пространственные тексты* и регулярное соотнесение друг с другом их планов выражения и содержания, то есть воспроизведение с их помощью определенных *смыслов*.

Пространства, семиотизированные в соответствии с разными кодами, можно рассматривать как *автономные* – в той мере, в которой значимые пространственные отношения в каждом из них подчиняются своим собственным законам, и как *сепаратные* – в той мере, в которой они обособлены и отграничены от других пространств, пусть и принадлежащих тому же типу автономии.

Семиотика пространства включает в свой предмет как значимые тела, так и их значимое размещение в семиотизированном пространстве. В нее входят, поэтому, и «семиотика тела», и «семиотика места». Только при таком условии могут быть рассмотрены многие пространственные коды, в которых помещение значимой формы на значимое место служит одним из важнейших семиотических средств.

Поскольку пространственные коды различаются нормами построения плана выражения, можно говорить об особой грамматике каждого из них. В той мере, в которой обнаруживается сходство их грамматических категорий, правомерно говорить и об общей грамматике пространственных кодов. В рамках такой общей грамматики могут

[1] См. подробнее Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 91–102.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

рассматриваться и соотношения категории *пространственной границы* с другими универсалиями пространственной семиотики: «значимое тело», «значимое место», «значимая пространственная форма» и т. п.

Значимые тела – это воспринимаемые телесные объекты, с которыми связываются определенные значения в системе того или иного пространственного кода. Такими телами могут быть как намеренно созданные людьми предметы или сооружения, так и естественно возникающие тела, живые и неживые, если с их формами связывается какой-то устойчивый способ истолкования[2].

Наряду со значимыми телами, для пространственной семиотики существенны и *значимые места.* Однако «место» – неоднозначное слово, с которым могут связываться разные понятия.

Место может быть понято как определенный способ вхождения каких-то постоянных или переменных объектов в пространственную структуру, прежде всего, порядковую. Такое место фиксирует пучок отношений между пространственными объектами, но само пространственным объектом не становится, если под последним понимается лишь то, что способно вступать в пространственные отношения. Не вступая в эти соотношения, порядковое место не имеет ни величины, ни формы, ни границы. Будем называть такое порядковое место «*вхождением*».

Местом может быть назван и определенный пространственный объект, если есть способ зафиксировать его положение среди других пространственных объектов. Например, поднятый флаг или разожженный костер могут отмечать некоторое место с выделенным центром и более или менее определенной периферией. Такое место будет уже иметь протяженность, которая, однако, останется не определенной, если не фиксированы его пространственные границы. Назовем понятое таким образом место «*окрестностью*» (отмеченного центра).

Место можно понимать и как такой пространственный объект, который имеет не только фиксированное положение, но и определенную величину, а вместе с ней и очерчивающую его границу, и определенную форму – конфигурацию границы. Будем называть такой очерченный границей пространственный объект «*локусом*».

Возможно и такое понимание места, которое допускает его перемещения и не связывает с фиксированным положением среди других мест. Так, чемодан, посылка или сосуд могут быть признаны отдельным «переносимым местом»[3]. Такое перемещаемое место соединяет в себе свойства и локуса, и тела: как локус оно допускает возможность поместить что-то иное внутрь своих границ, а как тело способно само перемещаться. Будем называть этот тип места «*оболочкой*».

Случай с оболочками особенно наглядно показывает, что различия между значимыми телами и местами не абсолютны и зависят от точки зрения. На теле могут быть выделены свои локусы, а значит, локус бывает привязан к определенному телу. Но локус и тело различаются по признаку проницаемости: в локус может быть что-то помещено без его деформации, а в тело – нет, если в нем изначально не сформирован необходимый для этого локус. Место – это то, что может быть заполнено телами, куда что-то другое может быть помещено или перемещено; тело же – это то, что помещается или перемещается. Чтобы вставить в тело другое тело, нужно либо найти в нем пригодный для этого локус, либо, по крайней мере, одно из них деформировать – изменить его форму. Если в футляр кладется другой предмет, футляр функционирует уже не как тело, а как локус.

Помещенное на место тело не становится его частью, хотя и тело, и локус могут быть частями более обширных образований (тел и локусов,

[2] См. подробнее Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 124–128.

[3] Аристотель Физика / Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. 1981. С. 127, 132.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

соответственно), а также сами дробиться на более мелкие (одноименные) части. Поэтому локус может быть помещен на более обширное место или встроен в иерархию мест, а также, в свою очередь, стать местом для парциальных мест.

Совокупность мест, в которых могут размещаться значимые тела и значимые места, образует уже *семиотизированное пространство*, если отношения между содержащимися в нем объектами подчинены нормам какой-то определенной семиотической системы (пространственного кода). Такое пространство будет *автономным* в силу того, что правила кода задают особый закон организации этих пространственных отношений, и *сепаратным*, если оно обособлено границами от других пространств и образует особую среду для пребывающих и изменяющихся в нем объектов.

Особенности этой среды могут быть связаны с тем, что в ней складываются: 1) свой собственный единый порядковый строй отношений, 2) единая мера протяженности и 3) преемственность, или генетическая связь, состояний. При этом е*диный порядковый строй* понимается как возможность определить порядковые соотношения между любыми значимыми местами, включенными в данное семиотизированное пространство; е*диная мера протяженности* – как возможность соотнести значимые пространственные объекты друг с другом по величине с помощью общего эталона, а *преемственность состояний* – как наличие генетической связи последующих состояний с предыдущими. Пространства, принадлежащие даже одному и тому же типу автономии, обособляются друг от друга и оказываются сепаратными, если они различаются между собой хотя бы по одному из этих признаков.

Так, например, географическая карта, фотография, диаграмма и письменный текст, пусть и напечатанные на одной странице, образуют разные сепаратные пространства, семиотизированные по разным законам и потому принадлежащие разным типам автономии. Разные карты на страницах географического атласа, хотя и имеют общий тип автономии, оказываются разными сепаратными пространствами, поскольку каждая из них имеет свой собственный порядковый строй и, нередко, свою особую меру величин (масштаб).

Семиотизированные сепаратные пространства могут содержать не один, а много разных пространственных текстов, возможно также, сменяющих друг друга во времени. Если в таких текстах не сохраняется преемственность состояний, то одно сепаратное пространство сменяется другим. Так, разные позиции на шахматной доске могут рассматриваться как разные пространственные тексты, сохраняющие генетическую связь состояний в рамках одного сепаратного пространства; но в каждой новой партии эта связь состояний прерывается и на той же доске, в тех же физических границах, складывается новое сепаратное пространство. Если в сменяющих друг друга текстах меняются еще и коды, регламентирующие нормы их образования и интерпретации, то вместе с ними может измениться и тип автономии семиотизированного в соответствии с их нормами сепаратного пространства (например, если шахматами начинают играть в шашки). Тогда произойдет уже *ресемиотизация* этого пространства. Ресемиотизация может ограничиться только изменением кода, когда те же пространственные формы начинают означать нечто совсем иное. Но она может быть более радикальной и включать в себя реорганизацию пространства, в частности – изменение его внутренних и внешних границ. Сепаратное пространство может оказаться и вовсе *десемиотизированным*, если содержащиеся в нем объекты перестают соотноситься с какими бы то ни было семиотическими системами.

На пути к семиотическому пониманию *пространственной границы* будем исходить из ее «наивного» общего понимания как места, где кончается что-то одно и начинается что-то другое. Уже отсюда следует, что, во-первых, граница есть некоторое *место*; во-вторых, что на этом месте происходит *обособление* одного от другого; в-третьих, что граница *прилегает* к тому и другому; в-четвертых, что она находится *между* ними; в-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

пятых, что то и другое, примыкая к одной и той же границе, *соседствуют* друг с другом.

Правда, в отношении последнего пункта возможны варианты: в первом случае «то» и «другое» непосредственно касаются своими границами друг друга, во втором случае они соприкасаются с общей границей, которая не принадлежит ни «тому», ни «другому». Эти варианты связаны с различием функций *ограничения* и *разграничения*[4]. В случае ограничения границы отделяют некий пространственный объект (тело, территорию) от всего его окружения, в случае разграничения они разделяет его на части – зоны, области и др.

Границы, отделяющие объект от окружения, принадлежат объекту, а не окружению – как, например, кожура лимона, корпус машины, стена дома и т. п. Если объекты перемещаются, то и принадлежащие им границы перемещаются вместе с ними. Понимание границы как части ограниченного ею объекта может распространяться и на неподвижные территории. Так, берег моря – это часть суши, представляемая и как ее граница. В этом смысле, можно «служить на границе» как с одной, так и с другой стороны разделительной линии, находясь на территории того или иного из сопредельных государств. Языковое сознание в подобных выражениях фиксирует представление о границе как о крае территории, месте, за которым она кончается. У соседних государств эти места различны и не совпадают не только друг с другом, но и с пограничной полосой, которая находится между этими территориями и не принадлежит ни той, ни другой.

Такая полоса представляет собой пример иной трактовки понятия границы как пространственного объекта, находящегося между другими объектами и разделяющего их. Подобные случаи относятся уже к иному типу границ, которые не принадлежат разграничиваемым с их помощью объектам; это «зоны двунепринадлежности»[5].

В любом случае граница представляет собой особый пространственный объект, который имеет определенные протяженность, форму и расположение. Хотя граница всегда связана с неким местом, «где кончается одно и начинается другое», она может быть отмечена не только фиксированным локусом, но и телом, расположенным на этом месте, или «квазипредметной» частью тела – поверхностью, контуром или точкой.

Что именно представляют собой «одно» и «другое» может быть уточнено различным образом, в частности, в категориях пространственной семиотики. В этих категориях можно говорить о границах значимых тел, значимых мест (локусов) или сепаратных семиотизированных пространств с другими телами, местами или пространствами. Тогда *границу*, уже как категорию пространственной семиотики, можно будет определить как отмеченное тем или иным образом *место изменения значений* сопредельных тел или мест в семиотизированном пространстве или место изменения всего строя значимых пространственных отношений, характеризующих данное сепаратное пространство.

Не всякая пространственная граница выполняет семиотические функции. Она может быть, например, естественной границей какой-то среды или тела – как, скажем, скорлупа ореха. Точно также артефакты, которые удовлетворяют понятию пространственной границы, не всегда вступают в сеть семиотических связей и могут оставаться только вещественно-энергетической преградой для физических перемещений за них – как, например, плотина или дамба.

Чтобы выполнять еще и семиотические функции, пространственные границы должны как-то включаться в процессы семиозиса. Они могут это делать, становясь либо средствами плана вы-

[4] Ср.: Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. С. 28.

[5] Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. М.: НЛО. 2001. С. 534.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ражения пространственных текстов, либо тем, что имеется в виду в их плане содержания. В первом случае границы указывают на различия свойств и значений ограниченных или разграниченных ими объектов. Во втором случае они сами становятся обозначаемыми объектами. Слово «граница» применяется в обоих случаях, так же как и понятие границы может быть уместно по обе стороны разделения плана выражения и плана содержания.

Границы в плане выражения пространственных текстов

Взятые как элементы плана выражения пространственных текстов, границы могут рассматриваться и как то, что ограничивает значимые тела и места, определяя их формы, и как то, что разграничивает построенные из тех и других значимые конструкции. В грамматике пространственных кодов этому различению соответствуют морфологические и синтаксические аспекты семиотики границ.

В рамках *морфологии* пространственных кодов категория границы рассматривается в соотношении с формами значимых тел и мест (локусов).

Граница *значимого тела* – это *поверхность*, которая очерчивает его форму. Как и все тело, она имеет определенную величину, фигуру, цвет, текстуру. Эта поверхность может быть внешней или внутренней частью формы тела (как у дома или сосуда). И ту, и другую можно рассматривать и как место, где кончается тело, и начинается что-то другое – иное тело, место или сепаратное пространство.

Поскольку поверхности, ограничивающие тело, различаются между собой, можно говорить и о *границах* тела, во множественном числе. Основаниями для дифференциации поверхностей как границ тела могут быть различия в их расположении, дистанция или границы между ними. Так, грани куба, разграниченные между собой его ребрами и развернутые в разных направлениях, образуют его границы. Сложнее различить границы на непрерывной поверхности шара, но и там могут быть различены полюса и экватор как разные участки его границ. Если эта поверхность будет разграничена, скажем, как глобус, нанесенные на нее границы будут уже не отделять тело глобуса от других тел, а разделять значимые места на его поверхности.

Очевидно, что свои границы может иметь и значимое *место*. Из сказанного выше следует, что о границах места правомерно говорить только по отношению к локусу, стабильному или мобильному («оболочке»), поскольку ни порядковое место (вхождение), ни окрестность не имеют границы по определению. Если локус – это место с конечной протяженностью, то его границами будут пределы этой протяженности, за которыми в него уже ничто не может быть помещено. Они могут совпадать с внутренними границами охватывающего его тела, как в случае с оболочками, или образуются примыкающими к нему телами и ограничивающими их поверхностями. При таком понимании границы она уже не отождествляется с краями локуса, которые остаются его частями, а рассматривается как часть какого-то иного, сопредельного с данным локусом и объемлющего его тела[6]. Этим граница локуса отличается от границы тела, которая всегда принадлежит ему и сдвигается вместе с ним.

Конфигурация границ локуса, как и конфигурация границ тела, образует пространственную форму того и другого. При этом категории «*форма*» и «*границы*» не тождественны. Между ними сохраняются содержательные различия, даже если в конкретных пространственных объектах они совпадают. Границы – это то, что всегда находится между чем-то и чем-то, то, что отделяет или разделяет (и потому, хотя бы негативно, связывает) какие-то разные среды. Форма же (понятая как пространственная фигура) – это некая конфигурация пространственных отношений в их качественной и

[6] Ср.: Аристотель Физика / Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. 1981. С. 131.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

количественной определенности, совокупность соотношений пространственных частей друг с другом и с целым. Форма не связана ни с тем, что она ограничивает, ни с тем, от чего она ограничивает. Она может вноситься в некоторую субстанцию и извлекаться из нее (например, в снимке), но как схема соотношения частей от нее не зависит.

Иное дело граница, всегда связанная с субстанциями, которые она разграничивает и вне отношения к которым не существует. Она всегда есть граница данного тела, данного места, или данного сепаратного пространства; она всегда отделяет что-то от чего-то иного или разделяет их. Границы оформляются, когда проясняется их конфигурация, и, соответственно, форма субстантивируется, когда совмещается с границами определенного тела или места. Одна и та же форма, например, квадрата, будет идентична себе в любой субстанции, что бы и от чего бы она ни отграничивала. Напротив, квадратные границы одного стола, пусть и как угодно сходные с квадратными границами других столов, – это границы разные, именно потому, что различаются объекты, которые ими ограничиваются.

Особый случай – тождество формы объемлющего и объемлемого тел, первое из которых Аристотель трактовал как место второго. Дверь и дверной проем могут иметь одну и ту же форму и даже совпадать по величине. Но границы двери и границы проема, объемлемого и объемлющего тела не тождественны даже, если одно из них точно укладывается в другое. Сходным образом не совпадают границы скульптуры («модели») и снимаемой с нее гипсовой «формы» – при том, что сам процесс «снятия формы» предполагает ее сохранение и возможность переноса с одного тела на другое. Однако как тело снятая «форма» антисимметрична по отношению к форме копируемой скульптуры. Соотношения между ее частями меняются на обратные: выпуклое превращается в вогнутое, а отношения «левее-правее» заменяются своими конверсиями. При этом конфигурация границ и их пропорции – то есть собственно *форма* без кавычек, переносимая с одних тел на другие, – остается неизменной, поскольку представляет собой то общее, чем обладают объемлющее и объемлемое тела. «Форма» же как сделанное мастером объемлющее тело становится далее местом-емкостью, куда заливается материал, принимающий в ней форму копируемой скульптуры. Можно сказать, что сохранение ее формы при этом обеспечивается воспроизведением конфигурации границ сначала между моделью и снятой с нее формой, а затем – между этой формой и отливкой.

Совмещение формы тела и ограниченного им места присутствует и в случае «оболочки» – пространственного объекта, который соединяет в себе функции тела и места. Такой объект имеет внешнюю и внутреннюю стороны, «экстерьер» и «интерьер» (например, сосуд, футляр, палатка). Его внешняя сторона – форма тела, которая может быть сопоставлена с формой других тел и расположена на определенном месте. Его внутренняя сторона в то же время – форма места (локуса), в котором могут располагаться другие тела и места. Так, *помещение* в доме служит местом для того, что в нем располагается. Стена, которая отделяет это помещение от внешнего мира, служит его границей со своей интерьерной стороны и границей дома со стороны экстерьера. Она представляет собой *значимое тело*, две стороны которого выполняют сходные, но разные функции – *границы тела* (дома в экстерьере) и *границы места* (помещения в интерьере). Сходным образом, различаются по своим функциям внешние и внутренние стенки сосуда как «переносимого места» и других емкостей.

Если граница отдельного тела или места остается предметом пространственной морфологии, то граница между телами – это уже категория пространственной *синтактики,* фиксирующая не формы единичных носителей значений, а их соотношения в некоторой значимой пространственной конструкции. Значимые тела и места вступают в соотношения, регламентированные кодом, в результате чего образуются *синтаксические конструкции* пространственных текстов.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

В таких синтаксических конструкциях значимым становится *разграничение*, при котором в качестве самостоятельных элементов начинают выступать внутренние границы между их частями или их внешние границы как частей более обширной синтаксической конструкции. Если собственные границы значимого тела принадлежат ему и совпадают с его внешней формой, то границы *между телами,* разграничивая образуемую ими конструкцию, не принадлежат ни одному из них и отличаются от их форм. Такими границами могут быть швы, щели и прочие промежутки между значимыми телами.

Точно так же свои синтаксические конструкции образуются и в результате разграничения примыкающих друг к другу значимых *мест* (*локусов*). Таковы, например, конфигурации всевозможных стен, стенок, барьеров и других значимых тел, возводимых для разграничения разнообразных и разномасштабных участков пространства – от планировки помещений в большом здании, до разграничения отсеков в портмоне. В том же ряду окажутся и планировка города, разбивка парков и садов, разметка игровых площадок и прочие случаи, в которых роль границ выполняют не тела, а значимые места – например, проспекты и улицы, как границы микрорайонов в городе.

Сходным образом речь может идти уже не только о границах между местами, но и о границах между *сепаратными пространствами*. Они образуются, например, между пространствами действий разного рода: предметного, социального, ритуального, театрального, игрового; между пространством действия и пространством созерцания (например, картиной); между разными пространствами созерцания (между картинами или внутри картины); между игровыми пространствами (шахматные доски, вплотную примыкающие друг к другу) и т. д.

Как и для локусов, границами для пространств могут служить тела (например, рама картины или зеркала), другие локусы (нейтральная полоса), графические индексы (например, контуры рисунка или линии, очерчивающие игровую площадку).

Границы сепаратного пространства могут быть названы «*рамой*», понятой в широком семиотическом смысле – как тело или место, указывающее на переход от одного сепаратного пространства к другому. Таковы не только рамы картин, но и рамки всевозможных иных семиотизированных пространств, включая сепаратные пространства схем, таблиц, географических карт и т. п.

Свои конкретные синтаксические и семантические функции пространственные границы приобретают лишь в системе определенных пространственных кодов, которые представляют собой способы семиотизации пространства, различимые и по тому, какое содержание выражается с их помощью, и по тому, как организован их план выражения[7].

Так, в *предметно-функциональном коде* (ПФК) основными единицами плана выражения служат значимые формы искусственно создаваемых человеком пространственных тел предметов и сооружений, а их значениями в плане содержания становятся представления об их функциях – унифицированные и воспроизводимые схемы орудийных действий, связываемые с ними. Как уже говорилось, такие формы пространственно совпадают с конфигурацией границ этих тел – совокупностью их внешних и внутренних поверхностей, оформленных и осмысленных в соответствии с нормами ПФК и образующих, тем самым, соотнесенный с этими нормами пространственный текст.

Говорилось выше и о том, что границы тела могут рассматриваться также как границы прилегающих к ним значимых мест. Таковы, например, всевозможные «оболочки» – от одежды и аксессуаров до архитектурных сооружений, стены которых соотнесены и с экстерьером, и с интерьером[8].

[7] См.: Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 79–90, 124–131.

[8] Ср.: Габричевский А. Г. 1994. Одежда и здание // Вопросы искусствознания 2–3/94. М.: 381–404.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

В том же ключе может быть трактован и транспорт – как ряд помещений, поставленных на колеса и перемещаемых относительно других пространственных объектов (кабины автомобилей, фургоны, вагоны и пр.) Подвижность этих «перемещаемых мест» отличает их от недвижимых архитектурных сооружений и сближает с сосудами, коробками, сумками, футлярами и прочими предметами-емкостями. *Емкость* в таком случае может быть понята как категория грамматики ПФК, в которую попадает всякое тело, имеющее своей предметной функцией место, то есть предмет, трактуемый как локус, границы которого могут передвигаться, сохраняя исходную конфигурацию. В разнообразных случаях предметов-емкостей, наряду с морфологией их значимого тела, связанной с конфигурацией их внешних границ, есть основания выделять и синтактику их внутреннего разделения на локусы, связанную с разграничением значимых мест.

В *социально-символическом коде* (ССК), средствами которого выражаются социальные роли людей, значимыми становятся совмещения тела и места, то есть значимое соотнесение их границ. При этом либо тела значимых предметов определенным образом включаются в индивидуальное пространство человека, либо, наоборот, это пространство включается в значимую систему мест архитектурно оформленного социального пространства. Например, надевание обручального кольца на палец, короны на голову, мундира на плечи, помещение ордена на этот мундир, усаживание на трон и тому подобные действия в предметной среде представляют собой случаи значимого соотнесения границ предметных форм с границами индивидуального пространства той или иной персоны. Такое значимое соотнесение границ может служить пространственным эквивалентом суждений, утверждающих связь данной персоны с определенными социальными ролями («супруг», «монарх», «офицер» и т. п.).

В *гаптическом* коде (ГК) единицами оказываются значимые соприкосновения – то есть совмещения границ тел разных людей, их индивидуальных пространств, касания их границ в тех или иных местах и тем или иным образом: в рукопожатии, объятиях, поцелуе, пощечине и т. п.[9].

В *проксемическом* коде (ПК), напротив, значимы дистанции между людьми, приближение или удаление границ их тел, большие или меньшие расстояния между границами их индивидуальных пространств[10].

В синтаксических конструкциях *архитектонического* кода (АК) дискретные части сооружений разделены более или менее определенными границами, с помощью которых выражается различие функций этих частей в конструкции: «опора», «перекрытие», «сочленение» того и другого и т. п. Так, капитель, ствол, базис и другие морфологические единицы классического ордера (как версии АК) отделены друг от друга «швами» и могут рассматриваться как части синтаксической конструкции колонны.

В *перцептографическом коде* (ПГК) – системы изобразительных средств, с помощью которых стимулируется восприятие отсутствующих предметов – сама плоскость изображения может рассматриваться как особого рода граница между пространством предметного окружения созерцающего субъекта и изображенным пространством, которое как-бы находится «за» этой плоскостью. При этом разграничение двух пространств может быть более или менее жестким: плоскость изображения может трактоваться, скорее, как стена, разделяющая эти пространства или, скорее, как окно их объединяющее.

В тех версиях ПГК, которые допускают использование контуров (например, в линейной графике, в чертежах и др.), границы-контуры становятся, с одной стороны, условными элементами плана выражения, которые указывают на различие

[9] См.: Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: НЛО. 2002.

[10] См.: Hall E. Proxemics — the Study of Man's Spatial Relations // Galdston I. Man's Image in Medicine and Antropology. N. Y.: Int. Univ. Press. 1963.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

участков изобразительного пространства с разными значениями, а с другой стороны – безусловными стимулами, способными вызывать восприятие изображаемых с их помощью предметов. Поэтому, наряду с индексальными, они выполняют еще и моделирующие (иконические) функции.

Сходным образом, в пространственных текстах, регламентированных нормами *картографического кода* (КГК), например, в контурных картах, такие же контуры играют роль границ, представляя собой означающие, которые сочетают индексальные и иконические функции и указывают на различие участков репрезентируемого пространства с разными значениями.

В *кодах письма* создаются специальные знаки препинания для обозначения границ предложения, фразы, абзаца, законченного текста и т. п. По отношению к таким знакам границы отмеченных ими единиц письменного текста становятся уже означаемыми и переходят в его план содержания.

Границы в плане содержания пространственных текстов. Демаркационный код

Если граница трактуется как означаемое, она представляет собой отмеченное каким-то образом место – локус, имеющий свои особые свойства и способный быть значением семиотических средств, которые указывают на него, но ему не тождественны. Этими средствами могут служить словесные описания границы или какие-то пространственные указатели: ограда, пограничные столбы и т. п. Первые участвуют в «делимитации» границ, вторые – в их «демаркации». Как делимитированная, так и демаркированная граница остается объектом, обозначаемым с помощью тех или иных знаков и принадлежащим *плану содержания* текстов, построенных средствами вербального языка или каких-то иных семиотических систем. Демаркация границы с помощью невербальных средств как будто бы синонимична ее делимитации с помощью слов. Однако способы обозначения у них существенно различаются, а вместе с тем различаются и их семантические функции.

Комплекс культурно обусловленных норм, с помощью которых производится демаркация пространственных объектов в том или ином сегменте семиотической практики будем называть *демаркационным кодом* (ДК). Как и всякий другой пространственный код, ДК регламентирует организацию значимых элементов плана выражения в образуемых ими синтаксических конструкциях и их соотнесение со значениями в плане содержания. В результате семиотизации пространства с помощью средств ДК создаются особые пространственные тексты, указывающие на границы между соприкасающимися друг с другом локусами или сепаратными пространствами. Маркированная таким образом сеть границ будет относиться уже к плану содержания этих текстов.

Визуально-пространственные средства демаркации границ весьма вариативны, так же, как многообразны и сферы их применения. Стена, ограда, барьер, ров, черта, пограничные столбы, вспаханная полоса, протянутая лента, красные флажки на натянутой веревке, линии разметки, знаки препинания и тому подобные визуально-пространственные средства обозначения представляют собой элементы разных версий ДК, которые различаются как масштабами разделяемых с их помощью участков, так и своими значениями. Сферами применения средств ДК могут быть границы государств и территорий с разными функциями, земельных участков разных владельцев, движение на дорогах, разграничения на выкройке, на географической карте, письменные тексты и многое другое.

При всем многообразии версий ДК, его семиотические средства объединяет то, что в *плане содержания* они маркируют границы между участками пространства, которым придаются разные значения. В отличие от знаков вербального языка, способных обозначать границы независимо от пространственного или временного появления вблизи

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

них, средства ДК указывают как на границу именно то место, *где* они находятся и *тогда*, когда они находятся на этом месте. Эти средства выполняют, тем самым, *индексальную* функцию, отмечая места, в которых происходит изменение значений разграниченных с их помощью участков пространства. Как и всякий индекс, демаркационные знаки привязаны к ситуации своего предъявления, в данном случае – к месту, которое благодаря им, фиксируется.

Вместе с основной и обязательной для семиотических средств ДК индексальной функцией, они выполняют, как правило, также и *сигнальную* функцию, предписывая с большей или меньшей мерой обязательности движения и действия человека, который с ними сталкивается. В качестве сигналов эти элементы направляют поведение субъекта, который, в зависимости от конкретной прагматической ситуации, должен как-то реагировать на них: остановиться, отойти, обойти, перейти через границу и т. д.

Если по своей семантической функции элементы ДК всегда представляют собой индексы, указывающие на границу в силу пространственной смежности с ней, то по своей структуре (а вместе с тем и по своему генезису) они могут принадлежать *знаковому* типу информационной связи и быть соотнесены со своим значением за счет конвенции (в том смысле, в котором конвенциональные знаки отличаются от индексов).

В этом отношении можно проводить аналогию между пространственными границами и индексалами или «шифтерами» в вербальном языке[11]. Так, местоимения, например, «тот» или «этот» имеют конвенциональные значения, фиксирующие определенный способ вхождения в ситуацию их употребления соотносимого с ними объекта. В то же время, они всегда приобретают разные конкретные значения в ситуации речи в зависимости от контекста и, часто, – от сопровождающего их указательного жеста.

Подобно местоимениям «здесь», «там», «это», «то» и т. п., метки демаркационного кода представляют собой, с одной стороны, универсальные указатели, индифферентные к свойствам и смысловым различиям разграничиваемых с их помощью мест. Они способны отмечать что угодно в силу того, что не фиксируют никаких определенных признаков того, что с их помощью разграничивается. С другой стороны, они могут выполнять свои индексальные или сигнальные функции и приобретать конкретные значения, только оказавшись на определенном месте и будучи привязанными к нему.

Если тело, способное становиться таким индексом, перемещается в пространстве, например, если перевозится ограда, его предметная форма может узнаваться как ограждение и уже обозначать его функцию как ее знак, но оно еще не выполняет свою основную роль указателя границы, которую получит только тогда, когда установится на своем месте. Если место этого тела изменилось, оно указывает уже и на другую границу. Таким образом, возведение на определенном месте или снятие маркеров может быть не только средством фиксации границы, делимитированной уже до этого каким-то образом, но и средством ее образования или уничтожения. Очевидно, что в подобных случаях, помимо пространственных измерений, значимым становится еще и время.

Установление такого индекса границы или, наоборот, его снятие могут сами становиться значимыми действиями, пространственно-временными текстами. С этим могут быть связаны и *символические* функции, которые семиотические средства ДК способны выполнять, если к их интерпретации подключаются и какие-то другие коды. В качестве символа граница может репрезентировать какие-то политические и идеологические ценности, связанные с ее целостностью. Например, возведение, а затем демонтаж Берлинской стены – не только средство демаркации, но и символ измене-

[11] Ср.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разных стран. М.: Наука. 1972. С. 95–113.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ния политической ситуации в Европе в ту или иную сторону. Символами становятся не только значимое возведение или снятие границы, но и значимое пересечение – вхождение во храм, в дом, в город[12].

Следует отметить вообще, что для средств ДК характерна символичность в широком смысле, понятая как возможность интерпретации в семиосистемах сразу нескольких кодов. Так, например, стена дома не только физически разделяет помещения с разными функциями и семиотически маркирует эти различия в системе ДК как «граница» между ними, но и может одновременно трактоваться в системе АК как «опора», в системе предметно-функционального кода как «защита», в системе ССК как символ социальных барьеров и т. п.

Средства ДК способны выполнять и *моделирующие* функции, если они выстраиваются в иконическую модель некоего моделируемого объекта. Такую функцию имеют, например, обозначения границ на географической карте и, разумеется, контуры изображаемого объекта на рисунке.

В последнем случае особенно наглядно присутствует совмещение средств ДК с другими способами семиотизации пространства. С одной стороны, рисование может быть представлено как разграничение форм в изображаемом пространстве созерцания средствами разметки, сходными с теми, которыми пользуется и закройщик для демаркации своего пространства действия. С другой стороны, рисовальщик может пользоваться еще и другими средствами – перспективными сокращениями, светотенью и др. В этом отношении контурный и светотеневой рисунок различаются как разные версии ПГК, по-разному относящиеся к ДК. Контурный рисунок сводится к пространственному тексту, построенному средствами ДК, но участвующими в стимулировании восприятия моделируемых этим рисунком предметов. Его элементы – квазипредметные границы, линии, разделяющие значимые локусы пространства изображения. В тоновом рисунке такие границы присутствуют только на начальной его стадии и, по мере работы над ним, заменяются границами изображенных тел. Элементы ДК в этом процессе замещаются теми элементами ПГК, с помощью которых репрезентируются границы тел уже в изображаемом пространстве – то есть в плане содержания изображения как пространственного текста.

В *плане выражения* ДК для обозначения границ привлекаются разнообразные пространственные маркеры – видимые пространственные объекты, которые могут принимать вид отдельных значимых тел и значимых мест, иметь предметную или квазипредметную форму (чем различаются, например, шлагбаум и дорожная разметка).

Семиотические средства демаркации остаются таковыми лишь постольку, поскольку сохраняют не только связь с маркируемой с их помощью границей, но и свои отличия от нее. Всякий индекс представляет собой часть ситуации, на которую он указывает, и с которой он совмещен в большей или меньшей степени. Но он остается семиотическим средством лишь постольку, поскольку не совпадает с ней полностью. Например, граница плоской горизонтальной поверхности как ее индекс может простираться в новое вертикальное измерение или быть начерченной линией.

Обозначения границ некоторого локуса корректно рассматривать в понятиях пространственной семиотики как *пространственный текст*, построенный в системе ДК. Значимыми частями такого текста служат отдельные «звенья цепи» индексов, составляющие *синтаксическую конструкцию,* с помощью которой обозначаются пространственные границы.

Синтаксические отличия средств ДК от вербальных связаны с их ориентацией на визуально-пространственный канал и с особенностями его топологии: способностью выстраивать значимые конструкции, развернутые в двух или трех измере-

[12] См.: Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Восточная литература». РАН. 1999.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ниях, непрерывные, обратимые, анизотропные, симметричные, асимметричные и т. п.

Вместе с тем семиотические средства ДК могут участвовать в образовании не только чисто пространственных, но и пространственно-временных текстов – как уже было видно в случаях символического установления, снятия или пересечения границы. Пространственно-временной характер имеют тексты и таких специфических семиотических систем, как игры, в которых также используются семиотические средства ДК. Семиотическими эти системы становятся в той мере, в которой пересечение пространственной границы оказывается значимым действием, текстом, в плане содержания которого – изменение счета и в итоге – победа или поражение. Например, в играх с мячом значимо пересекание границ игрового пространства – попадание мяча в ворота или корзину, как в футболе или баскетболе, или его выход из этого пространства – как в волейболе или теннисе. Здесь везде более или менее развитая синтактика соотнесена с семантикой, пусть и не сложной (сопровождаемой, впрочем, часто сильными эмоциональными коннотациями). Семиотизированные с помощью ДК игровые пространства могут служить удобной моделью для описания демаркации сепаратных пространств иных типов и значимых пересечений размеченных в них границ.

Эмоциональные коннотации будут относиться уже к *прагматике* ДК, для различных аспектов которой синтаксические и семантические нормы этого кода создают только условия. В прагматическом аспекте различимы позиции интерпретатора, который может уже не только оставаться нейтральным наблюдателем, изучающим граничные ситуации со стороны, но и быть вовлеченным в них в том или ином качестве. Он может натыкаться на глухие стены извне как незваный гость или, наоборот, оказаться запертым в них как пленник. В таких случаях ситуации ограничения или разграничения приобретают для него вполне определенные личностные смыслы, которые могут быть безгранично разнообразны. Но безграничность, как было сказано в начале статьи, остается за ее пределами.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия
Ведущий научный сотрудник, доктор географических наук, доцент

Institute for Water and Environmental Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia
Leading researcher, Doctor of Science in Geography, Associate Professor
chernykhd@mail.ru

О ГРАНИЦАХ ЛАНДШАФТА: НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ФИЗИКО-ГЕОГРАФА

Ландшафтная концепция является одной из наиболее привлекательных форм представления пространственно распределенной информации. Она базируется на нескольких постулатах: 1) о послойном характере организации информации в географическом пространстве; 2) об иерархическом устройстве географического пространства и 3) о границах как неотъемлемом атрибуте географического пространства. Ландшафт сближает на современном этапе позиции социальных наук и физической географии. Вопрос постоянства-непостоянства ландшафтных границ сам по себе бесперспективен. Все рассуждения о границах ландшафта рано или поздно упираются в категорию «время». Воплощение социальной активности в пространственных формах является мощным ландшафтообразующим фактором. Одним из его проявлений является культурная диффузия. Она может наблюдаться в таких «ландшафтных» проявлениях, как экономическое поведение населения и ценностные ориентации. Политические границы, при определенных условиях, также могут формировать границы ландшафтов. Однако такие ситуации нельзя считать универсальными. Для понимания сути ландшафтных границ большие перспективы имеет использование концепции инварианта. Под инвариантом понимается набор стабильных признаков ландшафта, принимаемый исследователем или наблюдателем. Поднимаемые в статье вопросы иллюстрируются примерами из опыта изучения ландшафтов Западной Сибири и Алтая.

Ключевые слова: ландшафт, граница, пространство, иерархия, инвариант, пространственный поворот, спатиализация, культурная диффузия, Сибирь.

ON LANDSCAPE BOUNDARIES: AN UNORTHODOX VIEW OF A PHYSICAL GEOGRAPHER

The landscape concept is one of the most attractive forms for representation of spatially distributed information. The concept is based on 1) the layered organization of information in geographic space, 2) the hierarchical organization of geographical space, 3) the borders as an integral part of geographical space. Spatially, the landscape makes Social Sciences and Physical Geography closer. The issue of constancy - inconstancy of landscape boundaries itself is unpromising. Speaking of the landscape boundaries, a researcher resorts to a "time" category in the long run. The implementation of social activity into spatial form is a powerful land forming factor. Cultural diffusion is one of its manifestations. Some manifestations of cultural diffusion are landscape ones, e.g. economic behavior and value orientation of the population. Political limits can also form the landscape boundaries under certain conditions, but such situations should not be considered as universal ones. The concept of invariant suggests good prospects for determination of landscape boundaries. Invariant is a set of stable characteristics of the landscape accepted by a researcher or an ob-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

server. The issues discussed above are illustrated by the examples of landscape studies in West Siberia and Altai.

Key words: landscape, border, space, hierarchy, invariant, spatial turn, spatialization, cultural diffusion, Siberia.

Введение

Термин «ландшафт» в настоящее время широко используется как в науке, причем не только в географии, так и в целом ряде сфер практической человеческой деятельности. При этом даже в географии отдельные определения ландшафта сильно противоречат друг другу, а то и являются взаимоисключающими. Многочисленные интерпретации ландшафта и культурного ландшафта[1;2], политического ландшафта[3], появившиеся на рубеже XX и XXI вв. в связи с развитием культурной и гуманитарной географии, активно циркулируют сейчас в науках географического цикла, смежных науках и околонаучной литературе. Какими бы извращенными не казались географам-ландшафтоведам некоторые из этих трактовок, следует согласиться, что понятие ландшафта уже де-факто стало общекультурным, а естественно-географическое его понимание – только его частью.

Почему же ландшафт как объект изучения, созерцания или среда обитания, столь востребован в обществе? Если обозначить ландшафтную концепцию как особую форму представления пространственно распределенной информации, то она привлекательна в силу того, что позволяет, опираясь на ограниченное количество постулатов, выявлять и отображать связи между объектами и явлениями разной природы. Ключевыми из этих постулатов, при всем многообразии трактовок самого термина «ландшафт», являются следующие: 1) представление о послойном характере организации информации в пространстве (ключевой постулат ландшафтного анализа); 2) представление об иерархическом устройстве пространства, выстроенное на порождаемой взаимосвязанностью слоев идее упорядоченности (ключевой постулат ландшафтного синтеза) и 3) представление о границах как неотъемлемом атрибуте пространства (ключевой постулат ландшафтного диагноза).

Данные постулаты – фундамент ландшафтной концепции, а всё остальное – субъективные пристрастия исследователей. По большому счету, непринципиально, рассматривается ли человек в качестве неотъемлемого (а то и центрального) атрибута ландшафта, как это заявляют представители гуманитарной географии, или внешнего по отношению к нему фактора и стороннего наблюдателя, как это было принято в классическом ландшафтоведении. Также не столь важно, присутствуют ли в принимаемой исследователем ландшафтной иерархии ключевые ступени или это, говоря словами советского ландшафтоведа Д.Л. Арманда[4], лестница без лестничных площадок. Видимо, также стоит согласиться с В.Л. Каганским[5], утверждающим, что иерархии в ландшафте не универсальны.

[1] Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия, 2004. С. 13–36.

[2] Калуцков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2006. – № 2. С. 6-12.

[3] Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1995. – №3. С. 33–44.

[4] Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975. 288 с.

[5] Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты //

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

То, что реальное физическое пространство представляет собой систему, состоящую из отдельных взаимодействующих слоев (оболочек, геосфер) обозначили еще древние философы и естествоиспытатели. На геосферной концепции во многом базируется современная физическая география. Однако в последнее время повышенный интерес к пространству в очередной раз демонстрируют социальные науки[6;7]. Применительно к ним даже модно стало говорить о «пространственном повороте». При этом широко распространено мнение о том, что в социальном пространстве представлено множество подпространств, слоев или полей: экономические, культурные, информационные, политические, образовательные, научные и др. Эти подпространства можно рассматривать как своеобразные аналоги земных оболочек. Можно возразить, что применительно к социальному пространству, как правило, не говорят о слоях в чистом виде, непосредственно залегающих один над другом (по типу пирога или торта, как это видится в физической географии). Но ведь и в постклассическом ландшафтоведении, признающем полиструктурность или полиморфизм физического пространства[8;9;10], подсистемы ландшафта рассматриваются скорее не как «слои», а в более широком контексте, – как «поля».

Считается, что социальное пространство стремится реализоваться в физическом пространстве, становясь овеществленным социальным пространством или присвоенным физическим[11]. Поэтому используемый Пьером Бурдье термин «ансамбль полей» созвучен термину «ландшафт». Оба они подразумевают взаимную согласованность, упорядоченность, гармоничное сочетание, неконфликтность частей целого. Правда, необходимо заметить, что Бенно Верлен, например, предлагает разделять две формы социальных процессов – присвоение и трансформацию. По его мнению, присваивается пространство, а трансформируется природа[12]. Тем не менее, то что социальное пространство понимается как упорядоченная комбинация послойно организованной информации сближает на современном этапе позиции социальных наук и физической географии.

Исходя из сказанного, существование единого и единственно верного видения ландшафта в принципе невозможно. Это, в первую очередь, объясняется тем, что исследователь, в зависимости от исходных установок и профессиональной принадлежности, конструируя ландшафт, отдает предпочтение разным слоям. Перефразируя слова В.Л. Каганского[13], кто-то отдает предпочтение «площади и объему», а кто-то – «понятиям и смыслам». И те, и другие, по-своему, правы, поэтому попытки узурпировать понятие «ландшафт» представляются бесперспективными.

В этой связи проблема ландшафтных границ приобретает особое значение и может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4(5). С. 26–40.

[6] Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008. – 273 с.

[7] Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №2. С. 49–64.

[8] Раман К.Г. Пространственная полиструктурность топологических геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1972. 48 с.

[9] Ретеюм А.Ю. Положение ландшафтной теории и путь ее обновления // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов: тез. докл. X ландшафтной конф. СПб, 1997. С. 4–7.

[10] Коломыц Э.Г. Полиморфизм ландшафтно-зональных систем // Изв. РАН. Серия географ. 1999. № 6. С. 21–31.

[11] Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

[12] Цит. по: Филиппов А.Ф. Социология пространства, 2008.

[13] Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта…, 2011.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Границы ландшафтов в пространстве и времени

Проблема границ является одной из ключевых в исследованиях, так или иначе связанных с пространством. Здесь нет смысла затрагивать вопросы, которые ставятся по отношению к границам как таковым: их условность или реальность, объективность или субъективность, абсолютность или множественность. Этим вопросам посвящено немало работ, как в рамках географии, так и лимологии. Предлагается посмотреть с позиций границ именно на феномен ландшафта, причем с упором на роль в формировании ландшафтных границ человеческого фактора.

Разговор о ландшафте без границ не имеет смысла. Этот тезис в той или иной форме мы находим в работах многих исследователей, оперирующих понятием «ландшафт». Один из основоположников отечественного ландшафтоведения Н.А. Солнцев еще в 1958 г. говорил, что весь практический смысл физико-географического районирования заключается в том, чтобы оконтурить на земной поверхности участки, обладающие известной однородностью природных условий[14]. Таким образом, само понятие «районирование» он, с некоторыми условностями, отождествлял с проведением границ. Уже в XXI в. Т.И. Коновалова[15] отмечает, что системные исследования географических объектов требуют выделения их из среды других в качестве самостоятельной единицы, выявления внешних и внутренних взаимосвязей, тенденций изменения. По ее мнению, ландшафт обладает качественной и количественной спецификой. Количественные характеристики, варьируясь до определенных пределов, не изменяют качества объекта и лишь за границей (мерой) количества возникает новое качество.

В.П. Семенов-Тян-Шанский рассматривал границы как вообще всякое место смены географических явлений[16]. Однако уже тот факт, что ландшафт, в чьей бы трактовке это понятие не использовалось, являет собой многокомпонентную, многослойную систему, предъявляет определенные требования к тому рубежу, который претендует на статус ландшафтной границы. Тот же В.П. Семенов-Тян-Шанский, говоря об универсальных районах, которые вполне можно отождествлять с ландшафтами, утверждал следующее. По его мнению, каждая мозаика простых районов, к которым Семенов-Тян-Шанский относил районы, построенные на основе одного признака, имеет право на существование. Однако приблизиться к универсальному району, можно лишь при наложении мозаики одних простых районов на мозаику других[17].

Принцип наложения частных видов районирования и выделение в качестве ландшафтных границ линий или зон совпадения границ частных районов неплохо «работает» в физической географии. Однако, когда говоря о ландшафте, мы оперируем не только «площадями и объемами», но и «понятиями и смыслами», этот принцип должен дополняться (контролироваться) «изнутри». Иными словами, в качестве мерила ландшафта должна рассматриваться его внутренняя структура, сохраняющаяся однородной на всем протяжении («ландшафт, как разнородная однородность»). В этой связи, перспективным представляется обращение к предложенному В.Б. Сочавой, но до сих пор недостаточно разработанному и раскрытому на региональном материале и, более того, не до конца осознанному даже ландшафтоведами от физиче-

[14] Солнцев Н.А. О некоторых принципиальных вопросах физико-географического районирования // Научные доклады высшей школы. Серия геол.-геогр. наук. 1958. № 2. С. 10–17.

[15] Коновалова Т.И. Геосистемное картографирование. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2010. 186 с.

[16] Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. 311 с.

[17] Там же

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ской географии, понятию инварианта. Согласно Сочаве, географические системы представлены коренными структурами и переменными состояниями, подчиненными одному инварианту[18]. Иными словами, инвариант применительно к ландшафту, это набор стабильных признаков, принимаемый исследователем или наблюдателем. Изменения состояний ландшафта при постоянном инварианте есть не что иное, как динамика (инвариантность). Однако динамика характеризуется неустойчивостью и эфемерностью границ, поэтому без учета инварианта есть риск принять эфемерные границы за границы ландшафтов.

Безусловно, каждое воздействие человека на природный ландшафт оставляет в нем свой вещественно-энергетический и информационный след. И права Т.И. Коновалова утверждающая, что эти следы выполняют двоякую функцию: с одной стороны, блокируют потоки или оказывают на них тормозящее воздействие, с другой – служат дополнительными центрами активности[19]. И в том и другом случае со временем можно говорить о формировании новых ландшафтных границ. Перефразируя известное высказывание В.П. Семенова-Тян-Шанского, можно констатировать, что ландшафты живут и изменяются в пространстве, а изменения эти сводятся к их слитию и раздроблению, а также к рассасыванию или зарождению[20].

Человек, говоря словами Поля Верлена, «присваивая пространство и трансформируя природу»[21], конструирует и осмысливает ландшафт (культурный ландшафт) с оглядкой на его инвариант. Именно поэтому в горах, например, где градиенты различных природных факторов быстро меняются в пространстве, смежные участки контрастнее, а границы между ними резче, человек чаще приспосабливается к исходному природному ландшафту, чем подминает его под себя. С другой стороны, на равнинах, где много плавных ландшафтных переходов, в ходе освоения происходит упрощение исходной ландшафтной структуры.

Вообще все рассуждения о ландшафтных границах рано или поздно упираются в категорию «время». «Момент создания затерян в прошлом; исчезновение неминуемо» – фраза А. Лефевра[22] вполне применимая к ландшафту. Поэтому не могу согласиться с В.Л. Каганским, утверждающим, что в постижении ландшафта несомненен приоритет морфологии над генетизмом и историзмом[23]. Хотим мы того или нет, но говоря о ландшафте, в конечном счете необходимо пояснять: о ландшафте какого временного среза идет речь. В противном случае это выглядит как неоправданный редукционизм, о непродуктивности которого говорит и сам В.Л. Каганский[24]. Недооценивая роль исторического фактора в формировании современных ландшафтов, он, тем самым, повторяет ошибку своих оппонентов – многих отечественных ландшафтоведов, которые, хотя и декларировали приоритет генетического принципа в выделении ландшафтов (ландшафт – пространственно-временная категория), в реальных региональных исследованиях в большинстве случаев ограничивались констатацией морфологии ландшафта (холмистый, западинный), а в лучшем случае – генезисом его рельефа (ледниковый, эрозионный и т.д.). Как нельзя уместным по поводу пространства, в котором мы обитаем и которое мы познаем, представляется мнение П. Бурдье: физическое пространство, понимаемое как проекция социального пространства, есть объективация и натурализация прошлых и настоящих

[18] Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 319 с.
[19] Коновалова Т.И. Геосистемное картографирование. 2010.
[20] Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. 1928.
[21] Цит. по: Филиппов А.Ф. Социология пространства. 2008.
[22] Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т.2. № 3. С. 27–29.
[23] Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта…, 2011.
[24] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

социальных отношений[25]. Об этом же говорит и Алан Пред: собрания зданий, образцы землепользования, артерии коммуникаций – все то, что собственно и составляет «место как сцену», не может появиться и вписаться в ландшафт сразу, в готовом виде из ничего[26].

То, насколько важно для понимания современных ландшафтов, характеристики их структуры и границ привлекать информацию о ландшафтах прошлого, прекрасно иллюстрирует территория Западной Сибири, историю освоения которой мы можем проследить по архивным материалам и литературным источникам.

В период до начала русской колонизации хозяйственно-политические подразделения Тюменского / Сибирского юрта примерно соответствовали природным зонам и течениям крупных рек, а характер транспортной системы менялся в разных типах ландшафтов[27]. Заселение Западной Сибири русскими первоначально шло по рекам, единственным удобным ее дорогам в это время, – сначала по Иртышу и Оби, потом начинает ветвиться по притокам этих рек. Благодаря счастливому расположению сибирских рек, сближающихся между собой притоками, русские быстро проникали из одного бассейна в другой[28]. Вдоль рек, с севера на юг, вначале строились и российские крепостные линии. То есть уже в это время пространственная организация ландшафтов начинает приобретать характерные черты освоенных территорий, а именно, каркасно-сетевую форму[29].

Следует, однако, оговориться, что в начальный период русской колонизации одни и те же элементы ландшафта или, если говорить в терминах физической географии, – ландшафты-аналоги, в данном случае – реки, выполняли противоположные функции в различных фоновых природных условиях. Если в северной половине Западно-Сибирской равнины реки, как говорилось, служили основными путями сообщений, то в южной, где кочевали тюркские племена Сибирского юрта, они чаще рассматривались как барьеры, водопои или ориентиры для передвижений[30].

Активное освоение речных долин и прилегающих к ним пространств в таежной и лесостепной зонах привело к коренной трансформации структуры и внешнего облика ландшафтов. Примером, наглядно демонстрирующим то, что исключительно по физиономичным чертам нельзя судить о современных ландшафтах, является Бараба – ныне почти безлесная территория в Западной Сибири. А.Ф. Миддендорф во время своей поездки, имевшей место в 1870 г., отмечал повсюду сохранившиеся вдоль р. Оми следы былых лесов, а также видные повсюду опустошительные следы огня и широкомасштабных рубок. Лишь кое-где, на довольно большом расстоянии от реки, посреди степи он встречал лесные острова, которые благодаря сырости, окружающей их ранней весной, предохранены от гибельного действия огня. Эти лесные острова лучше ограждены и от дровосеков, которые скорее готовы отправляться на несколько дней езды вверх по реке, чем перетаскивать срубленный лес до реки хотя бы за полверсты[31]. И сейчас, говоря о Барабе, мы представляем, прежде всего, безлесную территорию, где леса распространены спорадически по понижениям.

Постройка Транссиба на рубеже XIX и XX вв. существенно изменила сложившуюся к тому времени систему расселения и коммуникаций на юге Западной Сибири. Авторы справочника Азиат-

[25] Бурдье П. Социология политики. 1993.
[26] Филиппов А.Ф. Социология пространства. 2008.
[27] Рассказов С.В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени) // Диссерт. канд. геогр. наук. М., 2009. 142 с.
[28] Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 401 с.
[29] Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. – № 6. С. 23–34.
[30] Рассказов С.В. Юго-Западная Сибирь. 2009.
[31] Миддендорф А.Ф. Бараба (приложение к XIX тому Записок Имп. Академии наук № 2). СПб: Типография Императорской Академии наук, 1871. 123 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ская Россия[32] констатируют, что к началу XX в. пассажирское движение по сибирским рекам теряет свое значение. Сибирская железная дорога подорвала важность речного пути по Оби и ее притокам от Томска до Тюмени. Пассажирское пароходство между Тюменью и Томском прекращается в 1901 г., 12 пароходов в Тюмени были «привязаны», часть остальных пароходов переведена на Иртыш[33]. Сибирская железная дорога подорвала и значение Тюмени как регионального центра. Поэтому уже в начале XX в. высказывается мысль о том, что шансы на сохранение своего прежнего положения у Тюмени остаются только в том случае, если будет проложена железная дорога на Тобольск и Омск. В то же время, железная дорога, пересекая Иртыш около Омска, не только дала импульс в развитии этого города, но и необыкновенно усилила движение по Иртышу: вверх, из Тюкалинского и Ишимского уездов, и вниз, из Семипалатинской области к Омску направились огромные грузы хлеба и продуктов скотоводства. Иртыш оказался судоходным не только до Семипалатинска, но доступным для пароходов даже выше озера Зайсан. Во время русско-японской войны железная дорога занята почти исключительно военными грузами, поэтому пароходное движение по Иртышу и Оби значительно оживилось[34].

Таким образом, современные ландшафты являются пространственно-временными образованиями. Их границы и характерные черты формировались в процессе длительной эволюции природных условий и проходящей на фоне этой эволюции истории народов.

[32] Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1903. 583 с.
[33] Головачев П. Сибирь. 1905.
[34] Там же.

Границы ландшафтов: перспективен ли поиск новых универсальных критериев?

То, что градиенты отдельных природных факторов образуют рубежи, которые ландшафт преодолеть не может и которые в любом случае будут являться его границами, очевидно. Так, один ландшафт не может располагаться в пределах двух термических поясов или двух морфоструктур. Но могут ли какие-то из многочисленных проявлений социальной активности выступать в качестве таких универсальных факторов, предопределяющих границы ландшафтов?

Безусловно, спатиализация в широком смысле, т.е. воплощение социальной активности и вещей (материальной культуры) в пространственные формы[35], является мощным агентом или, говоря языком ландшафтоведения, ландшафтообразующим фактором. Это утверждение нисколько не противоречит базовым постулатам ландшафтной концепции. Существуют многочисленные примеры того, что ландшафт (гармоничное целое частей или «ансамбль полей») формируется в результате социальной активности. Например, в результате усилий по преодолению исходной природной неоднородности, которая осложняет хозяйственную деятельность. А ландшафтный эффект от подпруживания реки определяется не тем, подпружена ли она в результате природного процесса или подпруда имеет антропогенное происхождение, а морфометрическими характеристиками плотины, самой реки и ее долины. Кстати, различные смысловые нагрузки на отдельные территории, например, в виде стереотипирования и идолизации каких-либо местностей, служат надежным маркером не только природных, но и многих созданных человеком ландшафтов.

В то же время, ландшафтообразующую роль социального поля или одновременно несколь-

[35] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ких полей (социальное поле как ландшафтообразующий фактор), в силу их преходящего характера, проследить значительно сложнее, чем роль отдельных природных факторов.

Можно предположить, что одним из наиболее мощных среди социальных ландшафтообразующих факторов является культурная диффузия. Под культурной диффузией традиционно понимается взаимное проникновение культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении[36]. В то же время известный американский антрополог и культуролог А.Л. Крёбер, находившийся под сильным влиянием естественных наук, определял культурную диффузию с ареалогических позиций, как процесс, в ходе которого тот или иной культурный элемент, принятый в одном месте, воспринимается в соседних (и не только) ареалах[37]. Как отмечает В. Николаев в послесловии к переводному изданию избранных работ Крёбера, для него культурный ареал – это географически ограниченное образование, неразрывно связанное с конкретной территорией. В понятие культурного ареала Крёбер вкладывал смысл, схожий с понятием естественного ареала: это уникальная культурная целостность, складывающаяся на ограниченном участке территории и характеризующаяся внутренней целостностью и взаимосвязью образующих его элементов. Так, в работе «Культурные и естественные ареалы туземной Северной Америки» он писал, что культурные целостности во многом соответствуют региональным флорам и фаунам, которые представляют собой совокупности видов, но могут быть также рассмотрены как суммарные сущности[38].

Культурная диффузия может наблюдаться в таких, в значительной мере «ландшафтных», проявлениях, как экономическое поведение населения и ценностные ориентации. Обычно культурную диффузию рассматривают в нескольких фазах. Так, А.Н. Наймушина называет четыре фазы культурной диффузии: первичная фаза – фаза формирования инновации (вслед за Р. Диксоном); вторичная фаза – диффузия в узком смысле слова; третья фаза – фаза укоренения; четвертая фаза – фаза переосмысления[39]. Уже в третьей фазе, и уж тем более в фазе укоренения, можно говорить о формировании посредством культурной диффузии новых ландшафтных границ. Таким образом, культурная диффузия приводит к перестройке сначала структуры ландшафтов, а затем его восприятия. Если же этой перестройки не происходит, или еще не произошло, то формируется некий дуализм восприятия ландшафта. Показательным здесь является пространство российских пригородов. В последние годы отмечаются своеобразные инвазии, т.е. переезд на постоянное жительство в пригородную зону горожан, которые при этом продолжают сохранять устойчивые связи с городским сообществом. «Новые» и «старые» жители села по-разному воспринимают окружающий ландшафт. При этом одни и те же изменения ландшафта выступают для первых символом присвоения пространства, а для вторых – его утраты[40]. Так, если для «старых» жителей незастроенное пространство является освоенным, то для новых – оно неосвоенное, дикое. С точки зрения границ ландшафта для первых пригород будет являться частью сельского, хотя и разрушаемого ландшафта, для вторых – это городской ландшафт, хотя и его периферийная часть. Можно предполо-

[36] Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, Трикста, 2003. 496 с.
[37] Крёбер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1008 с.
[38] Там же.
[39] Наймушина А.Н. Закономерности и фазы культурной диффузии // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86.
[40] Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода // Автореф. дис. докт. соц. наук. Хабаровск, 2014. 48 с.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

жить, что в течение 1-2 поколений такой дуализм исчезнет[41].

В некотором смысле противоположным культурной диффузии выглядит структурирование пространства через выстраивание системы управления. Но всегда ли это детерминирует формирование ландшафтных границ? Безусловно, нет. Как государственное или иное административное деление не везде подчиняется единому принципу, и уж тем более не следует одному природному фактору, а значит не содержит в себе ничего, напоминающего естественный закон[42], так и политико-административные границы не будут тождественны ландшафтным. Как природные границы (границы исходных природных ландшафтов) остаются, перефразируя слова А.Т. Бикбова, случайностью по отношению к политическому порядку, так и он, в свою очередь, является случайным (факультативным) по отношению к физической морфологии[43].

Карл Хаусхофер, много внимания уделявший соотношению природных и политических границ, после долгих рассуждений приходит к интересному заключению, которое я бы назвал ландшафтным. Хаусхофер справедливо полагал, что среди природных рубежей в качестве политических границ наиболее часто выступают границы по водотоку (Wasserlaufgrenze) или границы по водоразделу (Wasserscheidegrenze). Причем, в административно-политическом отношении водотоки чаще игнорируются многими народами. Например, как отмечает Хаусхофер, такая ситуация имела место у германцев, в частности, у франков, которых называли народом, живущим у рек[44]. Но живущий у рек народ, утверждает Хаусхофер, обитает на обоих берегах. Более того, продолжает он, с прогрессом культуры и цивилизации, индустриализации и ростом плотности населения граница по водотоку становится более проницаемой, изменчивой, более охваченной борьбой[45].

Граница по водоразделу в форме вертикальной проекции чаще закрепляется, следовательно, выполняет функции разделения с большей перспективой на постоянство. Причем, высотные формы, особенно если они одновременно являются водоразделами, действуют как устанавливающие границы лучше, чем более враждебны они жизни, чем более препятствуют сношениям[46]. Квинтэссенцией рассуждений Хаусхофера является то, что несколько природных факторов (а это ничто иное как выход на ландшафт), имеют больше преимуществ стать политической границей, чем один[47]. Так, лесные и заболоченные области могут вступить в жизненное содружество (симбиоз) с некогда установившимися границами по водотоку (Wasserlaufgrenze) и границами по водоразделу (Wasserscheidegrenze), усиливающими разделяющую способность[48].

Перевернув с ног на голову это заключение Хаусхофера, можно констатировать, что и политические или административные границы, при определенных условиях, могут формировать границы ландшафтные. Большинство политических режимов пытается насытить ландшафт признаками своего присутствия и идеологическими символами, а каждая из политических культур вносит свои изменения в природный ландшафт и тем самым проявляет себя в качестве ландшафтообразующего фактора[49]. Если следовать терминологии Р.Ф. Туровского, воплощенный композиционный слой политического ландшафта стремится «переструкту-

[41] Там же.
[42] Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // Отечественные записки. – 2002. – № 6(7). URL: http://strana-oz.ru/2002/6/socialnoe-prostranstvo-kak-fizicheskoe-illyuzii-i-ulovki (дата обращения: 10.12.2014).
[43] Там же.
[44] Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
[45] Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
[46] Там же.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Туровский Р.Ф. Политический ландшафт..., 1995.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

рировать» структуру, образованную природным композиционным слоем, в том числе изменить внешний облика ландшафта[50]. Как результат, на изначально однородном пространстве ландшафта политические границы, рассматриваемые как барьерные, т.е. ослабляющие внутренние связи, могут все более приобретать функции ландшафтных. Признаки такого рода дифференциации уже достаточно ярко прослеживаются на Кулундинской равнине по обе стороны от границы между Российской Федерацией (Алтайский край) и Казахстаном (Павлодарская область).

В то же время такие ситуации нельзя считать универсальными. Объекты социального происхождения не обязательно коренным образом нарушают естественное состояние ландшафтов. Чаще, как заметил А. Лефевр (2002), остров остается островом, залив – заливом, река – рекой, холм – холмом и т.д[51].

[50] Там же.

[51] Лефевр А. Производство пространства. 2002.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Заместитель директора, заведующая Отделом специальных исторических дисциплин
Доктор исторических наук

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Doctor of Science in History, Principal Research Fellow, Vice Director of the Institute
konovalova@igh.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСЛАМСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

В статье рассматривается один из ведущих способов землеописания в средневековой исламской географии — проведение границ (природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных) — и анализируется роль основных принципов разграничения в создании тех или иных образов пространства. Изучение практики разграничения ведется в трех разных масштабах — мировом, региональном и страновом. В первой части статьи рассмотрены конфигурации, которые в исламской географии приобрела унаследованная от античности система деления земной поверхности на широтные зоны-климаты, — она превратилась в инструмент деления ойкумены на зоны варварства и цивилизации. Во второй части проанализирован принцип религиозно-политического разграничения, позволивший исламским ученым выработать представление об имперском типе государства, выстроить иерархию мировых империй и осмыслить место исламских стран и народов в мировом геополитическом контексте. В третьей части исследованы возможности разграничения как средства обнаружения и фиксации нового. Этот вопрос рассмотрен на материале арабских описаний народа русов — от их первого появления на трансконтинентальных торговых путях в IX в. до процесса формирования их государства, запечатлевшегося в исламской географии X в. в виде образа «острова русов». В заключении делается вывод о роли разграничения как универсального принципа в структурировании и интерпретации фактического материала исламскими географами, а также в выстраивании различных форматов его изложения.

Ключевые слова: исламская география, границы, Средние века, теория климатов, Византия, Восточная Европа, Ибн Хордадбех, Ибн Русте, школа ал-Балхи, ал-Идриси.

BORDERLINES AS A TOOL OF DESCRIPTION IN MEDIEVAL ISLAMIC GEOGRAPHY

The paper deals with one of the leading ways of world description in medieval Islamic geography — drawing borderlines (natural, ethnographic, administrative, social, linguistic, religious) — and examines the role of the basic principles of differentiation in the creation of various images of space. The practice of differentiation is studied in three different scales — global, regional and country. The first part of the paper examines the configurations that the ancient system of dividing the earth's surface in the latitudinal climate zones acquired in the Islamic geography — it has become a tool of ecumene division into zones of barbarism and civilization. The second part analyzes the principle of religious and political differentiation,

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

which allowed Islamic scholars to develop an idea of the imperial state, to build a hierarchy of world empires and to reflect on the place of Islamic countries and peoples in the world geopolitical context. In the third part the possibility of differentiation as a means of discovering and fixing the novelty is considered. This issue is discussed on the Arab descriptions of the Rus people — from their first appearance on the transcontinental trade routes in the 9th century to the process of formation of their state depicted by Islamic geographers of the 10th century by means of the image of the "Island of the Rus". A conclusion is made about the role of differentiation as a universal principle in structuring and interpretation of the source material, as well as in building various formats of presentation.

Key words: Islamic geography, borders, boundaries, the Middle ages, climate theory, Byzantium, Eastern Europe, Ibn Khurradadhbih, Ibn Rustah, the Balkhi school of geographers, al-Idrisi.

Средневековая исламская география по праву считается одной из наиболее значительных традиций землеописания. Арабо-персидские географы сумели собрать колоссальный объем новой информации о населявших землю народах. Халифат непосредственно граничил либо находился в близком соседстве с теми народами, о которых еще не было данных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). Географический горизонт исламских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки исламскими географами оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX века[1].

Однако значение средневековой исламской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их презентации. Одним из важнейших средств описания иноземных стран и народов служило проведение границ — природных, этнографических, государственно-административных, социальных, лингвистических, религиозных. Разные принципы разграничения позволяли исламским ученым выстраивать разные форматы изложения в зависимости от выбранного ими масштаба.

Мировой масштаб — универсальные границы

Общим способом организации пространства у исламских ученых была унаследованная ими от античной науки система деления земной поверхности на широтные зоны, так называемые *климаты* (от греч. *κλίμα*, букв. — «наклонение»; араб. *иḳлӣм*), выделявшиеся в зависимости от сравнительной длины светового дня на разной широте. Арабские астрономы и географы IX в., переводя на арабский язык и попутно перерабатывая сочинения александрийского ученого Клавдия Птолемея (II в. н.э.), взяли за основу его принцип деления земли на семь климатов. Для систематизации новых данных, выходивших за рамки птолемеевой ойкумены, они ввели дополнительные зоны к югу от первого и к северу от седьмого климатов. Эти дополнительные зоны не нарушали общей семичленной схемы, а просто фиксировали то, что и за пределами семи климатов есть жизнь.

В наиболее чистом виде система семи климатов отразилась в трудах ученых, работавших в

* *Работа выполнена при финансовом содействии РНФ (проект № 14-18-02121).*

[1] Общий очерк средневековой исламской географии см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

жанре астрономической и математической географии, — ал-Хорезми, ал-Фаргани (оба — первая половина IX в.), ал-Баттани (первая треть X в.), Сухраба (первая половина X в.) и других. Их сочинения представляют собой собрания таблиц, в которых указаны, в порядке климатов, названия городов, гор, очертания береговых линий морей и островов, описание озер и течения рек. Название каждого географического объекта сопровождается указанием его координат в градусах и минутах.

Формально-астрономическое деление земной поверхности на климаты было лишено каких-либо историко-политических, религиозных или культурных коннотаций. И именно это, то есть ее сугубо формальный характер, облегчало взаимодействие теории климатов с другими идеями разного свойства, в результате чего в исламской географической литературе система семи климатов приобрела различные конфигурации, причем порой — с весьма далеко идущими последствиями.

Прежде всего, было проблематизировано происхождение климатов. Умозрительность границ, устанавливаемых делением земли на климаты, сомнению не подвергалась, но была сделана попытка «гуманизировать» границы климатов, уйдя от их естественнонаучного объяснения. Группа арабских ученых середины X в., называвшая себя «Чистыми братьями и верными друзьями» (*Ихвāн аṣ-ṣафā ва ҳуллāн ал-вафā*), предложила рассматривать климаты как результат коллективной деятельности древних правителей по установлению и обустройству границ обитаемой земли. Согласно определению, данному в «Пятом послании Чистых братьев», климаты — это «воображаемые линии, которые провели первые цари, обошедшие вокруг обитаемой четверти земли, чтобы узнать в ней границы стран, царств и путей, наподобие ал-Искандара ар-Рӯмӣ ал-Йӯнāнӣ[2], ҳимйаритского тубба‘[3], Афрӣдӯна ан-Набаṭӣ[4], Ардашӣра ибн Бāбакāна ал-Фāрисӣ[5], Сулаймāна ибн Дā’ӯда ал-Исрā’ӣлӣ[6], да будет над ними обоими мир, и прочих царей»[7]. Таким образом получалось, что основой проведения границ между климатами была не разница в географической широте, а деятельность людей. При этом отсылка к проведшим границы «первым царям» меняла статус самих границ, придавая им сакральный характер.

Желание осмыслить границы климатов в контексте «гуманитарной» географии побудило исламских ученых обратить внимание на арабские переводы трудов античных медиков Гиппократа и Галена, в частности, на их наблюдения над различными типами человеческого темперамента. Возник соблазн связать тип темперамента с местоположением его обладателей[8]. В результате жителям того или иного климата исламские авторы начали приписывать определенные телесные качества и черты характера, что с неизбежностью привело к переосмыслению характера границ между климатами, которые теперь стали рассматриваться как инструмент деления ойкумены на зоны варварства и зоны цивилизации.

Благодаря тому, что понятие «климат» получило ценностные коннотации, была выстроена иерархия климатов, согласно которой наиболее совершенные люди населяли самый благоприятный для жизни центральный, четвертый климат: «Этот климат — климат пророков и мудрецов, ибо он расположен в середине климатов; три из них лежат южнее, а три — севернее. Он находится в отделе Солнца, величайшего светила, и люди этого климата справедливейшие из людей по своим привычкам и природе. Затем за ними следуют жители

[2] Александр Македонский.
[3] Титул царей Йемена в доисламский период.

[4] Легендарный иранский царь.
[5] Ардашир I Сасанид (226–241).
[6] Библейский царь Соломон.
[7] Цит. по: Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подг. текстов и пер. В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.; Л., 1960. С. 174.
[8] На это обстоятельство впервые обратил внимание Азиз ал-Азмех: Al-Azmeh A. Barbarians in Arab eyes // Past and Present. 1992. Vol. 134. P. 3–18.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

тех двух климатов, которые находятся по сторонам этого климата, то есть третьего и пятого, а что касается остальных климатов, то их жители страдают недостатком благородных привычек, ибо лица их гадки, а характеры их дики, подобно зинджам[9] и ал-ḥабаша[10] и большинству народов, которые находятся в климатах первом и втором, и подобно тем народам, которые располагаются в шестом и седьмом климатах, как Йāджӯдж и Мāджӯдж[11], ал-булгар[12], аṣ-ṣаḳāлиба[13] и подобные им…»[14].

Данное утверждение из «Пятого послания Чистых братьев» вполне отражает общий подход исламских ученых к систематизации климатов, но на практике эта схема подвергалась нюансировке. В частности, были разногласия в проведении границ четвертого климата, к которому относилось большинство стран Халифата. Если одни авторы (ал-Хорезми, Сухраб, ал-Мас‘уди) считали центром четвертого климата Месопотамию с городом Багдадом, то другие (Ибн Русте, ал-Хамдани, ал-Мукаддаси, ад-Димашки) — раздвигали границы четвертого климата к северу так, чтобы центром мира стал иранский Хорасан, а Месопотамию помещали в пределы третьего климата[15].

Привнесение в теорию климатов этногенеалогических сведений привело к тому, что климаты иногда могли рассматриваться как замкнутые области с ярко выраженной этнической доминантой. Так, например, географ X в. Ибн ал-Факих утверждал, что из семи климатов «один климат находится в руках арабов, климат — в руках рӯмов[16], климат — в руках ал-ḥабаша, климат — в руках индийцев, климат — в руках турок, климат — в руках китайцев и климат — в руках Йāджӯдж и Мāджӯдж», причем «жители одних климатов не входят в земли других»[17].

Наконец, было еще одно обстоятельство, способствовавшее быстрому выходу теории климатов за узкие рамки астрономической географии. Наряду с усвоением античных представлений о земном пространстве, арабские ученые восприняли и иранскую традицию деления Земли на семь зон-*кишваров*, под которыми понимались историко-географические области, сгруппированные вокруг Ирана как центра и изображавшиеся на картах в виде окружностей[18]. Поскольку иранские кишвары являлись таксономической категорией того же ранга, что и греко-арабские климаты, и по своему числу совпадали с последними, в арабоязычной географии они тоже стали называться «климатами». Это терминологическое тождество открывало возможность для переноса теории климатов в описательную географию и формирования на этой базе нового типа географического описания — зонально-климатического по форме и культурно-исторического по содержанию.

Наиболее выдающимся образцом сочетания теории климатов с описательной географией стало сочинение работавшего на Сицилии арабского географа середины XII в. ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштāḳ фӣ ḫтирāḳ ал-āфāḳ*, 1154 г.). Труд ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной

[9] Арабское наименование коренного населения побережья Восточной Африки.
[10] Арабское наименование народов, населявших Северо-Восточную Африку.
[11] Арабское наименование библейских народов Гог и Магог.
[12] Арабское наименование волжских булгар.
[13] Арабское наименование славян.
[14] Цит. по: Арабские источники VII–X веков … С. 180–181.
[15] Эти разногласия детально проанализированы в статье: Ollson J.T. The world in Arab eyes: A reassessment of the climes in medieval Islamic scholarship // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2014. Vol. 77/3. P. 492–495.
[16] Арабское наименование византийцев.
[17] Цит. по: Арабские источники VII–X веков … С. 70.
[18] Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 90–107.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

прямоугольной картой мира, которая не знает себе равных в средневековой исламской картографии по топонимической насыщенности[19].

Взяв за основу описание земли по климатам, ал-Идриси, однако, отказался от каких бы то ни было астрономических принципов их выделения. Несмотря на то, что, по утверждению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки[20], в описательной части его сочинения нет никаких признаков ее использования. Принимая во внимание огромное количество данных, которыми оперировал ал-Идриси (по подсчетам К. Миллера, на прямоугольную карту нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в два с половиной раза больше), можно сказать, что система климатов в его случае использовалась прежде всего для упорядочения собранного материала. Не случайно, каждый климат ал-Идриси — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз'*), равных по длине и ширине. Соответственно, описание географических объектов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток.

Если группировка сведений по климатам создавала иллюзию целостного взгляда на мир, то в действительности за внешней климатической оболочкой скрывались принципы описания, подчинявшиеся исключительно собственной логике. Текст ал-Идриси построен преимущественно по принципу «описания пути». Сообщения географа — это дорожники, основанные прежде всего на устной информации, отражающей такую систему пространственной ориентации, в которой местонахождение объектов определяется по отношению к воспринимающему субъекту, неподвижному или движущемуся[21]. В различных частях описания можно заметить структурообразующие топонимы (чаще всего — наименования городов, реже — островов), относительно которых определяется положение целого ряда географических объектов. Так, при описании Черного моря неоднократно говорится, что оно «начинается» у Константинополя[22], который служит отправной точкой при описании маршрутов каботажного плавания в черноморском бассейне. В рассказе о русских городах Поднепровья выделяются топонимы *Кāв* (Киев), *Баразӯла* (Треполь), *Барāсāниса* (Пересопница) и *Ḳӣнийув* (Канев), каждый из которых является начальным или конечным пунктом для нескольких маршрутов[23]. От города *Маṯраха* (летописная Тмутаракань) измеряются расстояния до целого ряда объектов: города *Рӯсийийа* (Керчь), устья так называемой «Русской реки»[24], островов *Саранба* и *Анбала*[25]. Острова *Саранба* и *Ґардийийа* служат

[19] Al-Idrīsī. Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX. В ряде рукописей сочинения ал-Идриси сохранилась и круглая карта мира, куда менее подробная, чем прямоугольная. О сочинении ал-Идриси см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. С. 281–299.

[20] Dunlop D.M. Scotland according to al-Idrīsī, c. A.D. 1154 // Scottish Historical Review. 1947. Vol. 26. P. 115; Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Idrīsī's World Map // Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften. 1986. Bd. 3. P. 268; Ducène J.-Ch. Les coordonnées géographiques de la carte manuscrite d' al-Idrīsī (Paris, Bnf ar. 2221) // Der Islam. 2011. Bd. 86/2. S. 271–285.

[21] Подробнее см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 58–63.

[22] Al-Idrīsī. Opus geographicum… P. 12, 831, 905.

[23] Ibidem. P. 912–913.

[24] «Русская река» — гидроним, созданный самим ал-Идриси и воплощающий представление о возможности пересечь Восточно-Европейскую равнину с юга на север по речным путям, см.: Коновалова И.Г. Топоним как способ освоения пространства: «Русская река» ал-Идриси // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы). М., 2010. С. 377–412.

[25] Al-Idrīsī. Opus geographicum… P. 909–911, 916. Наименования этих островов, а также упоминаемого ниже острова Ґардийийа не поддаются идентификации.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

пространственными ориентирами при описании черноморских островов и прибрежных городов[26].

Таким образом, предпринятое ал-Идриси соединение теории климатов с описательной географией привело к отказу от каких-либо универсальных принципов разграничения при описании земли и к замене их на множество субъективных точек зрения на организацию того или иного пространства.

Геополитические границы и их иерархия

Наряду с теорией климатов исламские ученые при описании земного пространства использовали религиозно-политический принцип разграничения. Он так же, как и климатический подход, позволял представить себе всю ойкумену и выстроить иерархию ее частей, но только по другим основаниям. Окончание эпохи арабских завоеваний и последовавшее за ним ментальное освоение внутреннего пространства Халифата[27] выдвинули на первый план новую задачу — осмысление места исламских стран и народов в мировом геополитическом контексте. Ответом на этот запрос стала деятельность так называемой «классической школы» арабских географов, сформировавшейся в X в. под сильным влиянием персидских традиций представления земли как совокупности историко-географических областей.

Основателем этой школы считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ок. 850–934), сочинение которого в подлиннике не дошло до наших дней, однако послужило основой для произведений других ученых X в. — ал-Истахри и Ибн Хаукала[28].

Хотя для «классической школы» было характерно преимущественное внимание к описанию исламских стран, в сочинениях ал-Истахри и особенно Ибн Хаукала имеется немало сведений и о других областях ойкумены — о странах и народах Европы, а также немусульманских районах Азии и Африки. При этом, если в основном тексте их сочинений данные о немусульманских народах и государствах сообщаются лишь попутно, в связи с характеристикой тех или иных областей Халифата, то во введении к своим трудам, где дается общее описание всей ойкумены — стран, народов и морей, — географы излагают свои представления об устройстве мирового порядка и формулируют те принципы, на которых, с их точки зрения, этот порядок был построен.

Наряду с множеством «стран» (*билāд*) и «земель» (*арḍ*), на которые разделен мир, ал-Истахри и Ибн Хаукал выделяют четыре «царства», или «империи» (*мамлака*), являющиеся столпами миропорядка: Халифат, которым управляет из Багдада повелитель правоверных (*амīр ал-мӯ'минūн*); Византия (*ар-Рӯм*), во главе которой стоит царь, живущий в Константинополе; Китай, правитель которого проживает в городе Кайфэн; Индия во главе с царем, резиденцией которого является город Канаудж[29].

Арабские географы сформулировали и принципы, на основании которых они относили ту или иную страну к категории «империй», в отличие от простых «стран» и «земель»: имперскую государственность, по их мнению, создает органическое сочетание религии (*дūн*), культуры (*адаб*) и власти (*ḫукм*)[30]. И действительно, выделенные ими четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма. Конечно, эта картина миропорядка, описанная араб-

[26] Ibidem. P. 910–911.

[27] Об этом подробнее см.: Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Imagines mundi: Античность и Средневековье. М., 2013. С. 147–157.

[28] Tibbets G.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 108–111.

[29] Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. T. I. P. 4.

[30] Ibidem.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

скими географами, имела умозрительный, характер, далеко не во всем соответствовавший реальной политической карте мира середины X века[31]. Однако она позволяет очень отчетливо увидеть, каким границам между странами и народами исламские авторы придавали значение, а каким — нет.

Рассмотрим это на примере описания одной из империй — Византийской. В той идеальной модели миропорядка, которая существовала в представлениях арабских географов, Византия включала в себя все известные им христианские народы от Атлантики до Кавказа: «Что касается государства ар-Рӯм, то к востоку от него страны ислама, к западу и югу — Окружающее море, а к северу — границы Китая, так как то, что находится между тюрками и страной ар-Рӯм из славян и других народов, мы присоединили к стране ар-Рӯм»[32]. Дано и более детальное определение, относящее все западноевропейские страны к сфере влияния Византии: «Земля ар-Рӯм простирается от Окружающего океана до стран галисийцев, франков, Италии, Афин и до Константинополя, затем до земли славян»[33]. А вот что говорится о странах Восточной Европы и Закавказья: «В государство ар-Рӯм входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарӣр[34], алан, армян и [других народов], исповедующих христианство»[35].

Отметим, что в исламском мире IX – середины X в., если судить по историко-географическим сочинениям того времени, имелись довольно многочисленные сведения об организации власти и титулатуре владык у целого ряда европейских народов. К примеру, было известно, что делами Рима руководит владыка, называемый *ал-бāбā* (папа Римский), что у франков есть царь по имени *Ḳāрлух* (Карл Великий), что правитель славян носит титул *кнāз* (князь), а правитель русов — титул *ẖāḳāн* и т.п. Однако пестрота европейской политической карты представлялась арабским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству: «Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рӯма [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка один»[36]. Точно так же, имея представление о лингвистических различиях между жителями Китая и окружавшими его племенами тюрок, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех подданными одного государя — правителя Китая.

Последовательно проводя разграничение по принципу принадлежности или непринадлежности к категории империй, арабские географы, в свою очередь, наметили границы и внутри самого имперского сообщества. Центральное место в нем отводилось царству ислама. По словам ал-Истахри, «столпов государств на земле четыре: самое населенное, благоденствующее с лучшим политическим строем, порядком заселения и обилием сборов — государство Ирāншахр; центр его — вавилонский округ, оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. От государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у государства ал-Хинд — то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у государства синов — Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные государства. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых госу-

[31] Подробнее см.: Коновалова И.Г. Политическая география на средневековых исламских картах // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М., 2012. С. 123–124.
[32] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. I. P. 5.
[33] Ibidem. P. 8.
[34] Арабское название государственного образования на территории горного Дагестана.
[35] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. I. P. 4.
[36] Ibidem. P. 9.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

дарств»[37]. То есть Византия, Китай и Индия представлялись не только столпами мирового порядка, но и отчасти тем фундаментом, на котором выросло царство ислама, ставшее самой совершенной из всех империй.

Уже из приведенного отрывка ясно, что и сам исламский мир стал полем разграничения. В качестве точки роста исламского государства авторы «классической школы» выделили Иран, несмотря на то, что местом зарождения ислама и исходным пунктом арабской экспансии был Аравийский полуостров и что все указанные ими территории (Сирия, Египет, Магриб, часть Испании, Пенджаб и Мавараннахр) были завоеваны Дамасским халифатом Омейядов, в котором персы занимали подчиненное положение. Выделение Ирана как центра исламского мира было связано с тем, что основоположники «классической школы», ал-Балхи и ал-Истахри, хотя и писали на арабском языке, но были этническими персами, выходцами — о чем говорят их *нисбы*, — из иранских городов Балха и Истахра. Укорененность в персидской культуре повлияла и на их представления о внутренней структуре Халифата, и на то, что географическое деление земли в их сочинениях, несмотря на формальное использование термина «климат», фактически было основано на системе иранских областей-*кишваров*.

Ираноцентричность картины мира, созданной представителями «классической школы арабских географов», особенно отчетливо видна на картах, которыми сопровождались их сочинения. Количество и тематика карт, а также их порядок в сочинениях географов «классической школы» были строго регламентированы, а весь комплект карт получил наименование «Атласа ислама». Он включал в себя одну общую карту мира, карты трех морей — Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Каспийского, а также 17 карт с изображением различных областей халифата: Аравии; Магриба; Египта; Сирии; ал-Джазиры (Верхней Месопотамии); Ирака; Хузистана; Фарса; Кирмана; Синда; Армении, Аррана и Азербайджана; Джибала; Дайлама и Табаристана; Персидской пустыни; Сиджистана; Хорасана; Мавараннахра[38]. Таким образом, из 17 изображенных областей халифата большинство относилось к Ирану и прилегающим к нему районам.

Разграничение как маркер нового

Для Восточной Европы IX — середины X вв. мы располагаем целым рядом систематизированных арабо-персидских описаний, в которых сведения о тех или иных границах не просто занимают большое место, но и позволяют проследить зарождение и становление на этом пространстве нового этноса и государства — Руси. То, что в данном случае исключительно важна именно фиксация границ, несомненно, так как разграничение — территориальное, этнокультурное, политическое, социально-экономическое, идеологическое — является неотъемлемой частью процесса политогенеза.

Хронологически первым и ключевым элементом образа ранней Руси в исламских источниках являются пути, по которым движутся русы — купцы, воины и дипломаты. Их центральное место в формировании образа ранней Руси вполне закономерно, так как именно перечисленные категории лиц являются наиболее подвижным элементом, оставляющим заметный след в пространстве.

Подробная картина путей, по которым перемещались русы, появляется в сочинении арабского ученого IX в. Ибн Хордадбеха «Книга путей и государств» (*Китāб ал-масāлик ва ал-мамāлик*). Рассказывая о трансконтинентальных торговых путях, Ибн Хордадбех сначала обрисовывает широтную ось мировой торговли, охватывавшую практически всю Евразию и Северную Африку, а

[37] Ibidem. P. 4.

[38] Tibbetts G.R. The Balkhī School… P. 114.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

затем показывает меридиональное направление торговых отношений, связывавших Восточную Европу с Византией, Хазарией и Ираком. Если широтные пути держали в своих руках купцы-иудеи, называемые Ибн Хордадбехом *ар-рāẕāнийа*, то движение товаров с Севера на Юг, по его словам, контролировали купцы-русы. Ибн Хордадбех говорит о двух маршрутах, эксплуатировавшихся последними. Один из них шел из «наиболее отдаленных земель славян» к «Румийскому морю», во владения Византии. Второй маршрут вел по «Танису — реке славян» в хазарский город Хамлидж и в Каспийское море, где русы высаживались со своими товарами «на любом берегу», а иногда доходили оттуда до самого Багдада: «Что касается купцов рӯсов — а это вид (*джинс*) славян, — то они везут заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из наиболее отдаленных земель славян к Рӯмийскому морю, и берет с них десятину властитель ар-Рӯма. Если они отправляются по [Та?]нӣсу, реке славян, то входят в Х̣амлӣдж, город хазар, и их властитель также берет с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджāна и высаживаются на любом его побережье. Окружность этого моря — 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджāна на верблюдах к Багдаду. Переводчиками для них являются славянские слуги. Они говорят, что они христиане, и платят подушную подать (*джизйа*)»[39].

Интерпретация сообщения Ибн Хордадбеха обычно ведется в контексте нумизматических реконструкций торгового пути от Балтики до Багдада. И — соответственно — основное внимание уделяется самому маршруту купцов-русов. А вот откуда приходят русы, как правило, остается вне поля зрения и понятно, почему: Ибн Хордадбех ничего не говорит не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему известно лишь то, что русы везут свои товары из «наиболее отдаленных земель славян», причем в Хазарию они попадают по «Реке славян», а о том, каким путем они добираются до «Румийского» моря, Ибн Хордадбех не сообщает. То есть на международном рынке русы появляются, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой как «русская», оказываются сами торговые маршруты в Византию и на исламский Восток, по которым они идут. При этом по мере удаления от Багдада эти пути русов становятся все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «наиболее отдаленных земель славян».

Плотный «славянский» контекст сообщения о русах (везут товары из земли славян, плывут по «Реке славян», говорят по-славянски) не случаен: Ибн Хордадбех описывает русов через знакомый арабам этноним «славяне» и называет их «видом» славян, а обрисовывающий сходные торговые маршруты другой арабский автор Ибн ал-Факих (начало X в.) вообще не пользуется этнонимом «русы» и приписывает эти торговые маршруты славянам[40]. Таким образом, до начала X в. внешний наблюдатель с трудом мог отграничить русов от славян. С одной стороны, Ибн Хордадбех подчеркивает особость русов, но с другой — тут же указывает, что это особость в рамках славянской общности («вид славян»), а для Ибн ал-Факиха выделенность русов из массы славян становится уже совсем неразличимой. Очевидно, что Ибн Хордадбех в лице русов описывает новый этносоциальный феномен, который именно в силу его новизны с трудом поддается описанию. О том, что это именно этно*социальный* феномен, говорит то, что для описания русов как части славянской общности Ибн Хордадбех использует тот же самый термин *джинс*, что и для обозначения каст в своем рассказе об Индии[41].

[39] Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889. T. VI. P. 154.

[40] Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. T. V. P. 270–271.

[41] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. VI. P. 71.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА / Irina KONOVALOVA

| Разграничение как средство описания в средневековой исламской географии / Borderlines as a tool of description in medieval Islamic geography |

Благодаря интенсивным торговым связям Халифата с Восточной Европой в конце IX в. в исламском мире стали циркулировать первые сведения о месте обитания русов, на основе которых в арабо-персидской литературе X–XVI вв. сформировался устойчивый образ страны русов как «острова». Сопоставление дошедших до нас многочисленных версий этого рассказа показало, что их первоисточником была так называемая «Анонимная записка», составленная в конце IX в. и последовательно характеризующая следующие «северные народы» — печенегов, хазар, буртасов, булгар, венгров, славян, русов, жителей дагестанского царства Сарир, аланов[42].

В отличие от сообщения Ибн Хордадбеха, в рассказе об «острове русов» информация об их торговых путях занимает подчиненное место, а основное внимание уделяется показу русов, так сказать, у себя дома, в тех самых «наиболее отдаленных землях славян», откуда русы везут свои товары. В «Анонимной записке» обрисовано — вплоть до бытовых деталей — устройство общества русов в их локусе власти[43].

По словам автора «Записки», русы состоят из отдельных групп (*ṭā'ифа*, букв. «класс», «разряд», «группа», «религиозная община»), которые только перед лицом внешнего врага выступают солидарно, а между собой непрерывно соперничают. Описанный порядок разрешения таких споров позволяет считать, что какую-то роль во внутригрупповой консолидации играли кровнородственные связи: когда конфликтующие были недовольны приговором правителя, их спор разрешался путем поединка, за ходом которого наблюдали родственники с обеих сторон. Большинство переводчиков данного фрагмента передают термин *ṭā'ифа* как «род» или «племя», однако у этого слова есть и другие коннотации. Оно происходит от глагола *ṭāфа*, обозначающего такие действия, как «обходить кругом», «совершать обход», а также «плавать», «держаться на воде». Это позволяет полагать, что в «Записке» говорится о русах-дружинниках. О том, что ее составитель имел в виду именно их, можно заключить по информации одного из вариантов рассказа об «острове русов», сохранившегося в составе персоязычного сочинения конца X в. «Пределы мира от востока к западу» (*Ḫудӯд ал-'ālам мин машриḳ илā-л-магриб*), где отмечается, что среди русов есть «группа, отличающаяся доблестью и благородством», которую востоковеды рассматривают как воинов-дружинников, основным занятых набегами на соседние народы[44].

Если на трансконтинентальных торговых путях IX — начала X в. русов еще можно было спутать со славянами, то в месте своего обитания они были отграничены от славян достаточно четко. В «Анонимной записке» русы противопоставлены славянам, прежде всего, по своему образу жизни: их единственное занятие — торговля рабами и пушниной, они сами ничего не производят, а все необходимое для жизни берут у славян силой. Мечи русов названы их основным «средством производства», а также единственной вещью, передаваемой по наследству рядовыми русами.

Однако отграниченность русов от славян была не абсолютной. Если социокультурно, экономически и политически русы славянам противо-

[42] Об «Анонимной записке» см.: Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ǧayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-ʿĀlam, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden, 2001.

[43] Фрагмент неоднократно переводился на русский язык, см. последний по времени перевод с библиографией: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 47–50.

[44] См.: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 310–311.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

поставлены, о пространственно-географическом разграничении между ними речь не идет[45].

В основе описания «северных народов» лежал хорографический принцип восприятия пространства, то есть понимание пространства как совокупности отграниченных одна от другой территорий, населенных теми или иными народами. Исходным пунктом описания «северных народов» для Анонима является Ургенч, от которого рассчитано расстояние до земли печенегов. В дальнейшем местоположение одного народа служит отправной точкой для локализации следующего за ним в описании. Так, рассказ о хазарах вводится в повествование через указание на расстояние хазар от печенегов; следующий за ним рассказ о буртасах — через указание на расстояние от хазар; описание булгар предваряется данными о том, как они расположены относительно буртасов и т.д. Единственным исключением из этой композиционной схемы является рассказ о русах. Он помещен между рассказами о земле славян и о царстве Сарир, но — вопреки принятому Анонимом принципу изложения — никак с описаниями этих народов не связан: ожидаемое указание на расстояние русов от славян отсутствует, а исходной точкой для локализации Сарира служит не «остров русов», а Хазария, от которой и отсчитывается расстояние до Сарира. Таким образом, местоположение «острова русов» в «Анонимной записке» остается совершенно неопределенным.

Следует обратить внимание на важную деталь в описании русов Анонимом — указание на то, что среди них нет землевладельцев («нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен»). Отсюда ясно, что территориализация власти в обществе русов в конце IX в. еще находилась в зачаточном состоянии, а само их государство в это время фактически являлось самоорганизованной правящей знатью. Об отсутствии какой-либо территории за пределами резиденции правителя, на которую бы распространялась власть русов, говорит и характер описания «острова», в котором не фигурируют ни названия его городов, рек, гор и других географических объектов, ни упоминания о внешних границах Руси. Вполне вероятно, что отсутствие информации о политических границах Руси конца IX в. и привело к формированию образа русской земли как «острова», то есть пространства, отделенного от остального мира естественными границами.

Если выйти за рамки рассказа об «острове русов» и обратиться к сообщениям о русах в других исламских источниках IX – первой половины X в., то мы увидим, что в них также нет никаких сведений о месте обитания русов, зато есть многочисленные указания на теснейшую связь русов со славянской средой.

Уже упоминавшийся Ибн Хордадбех, прямо называвший русов «видом славян», а также путешественник второй половины X в. Ибрахим ал-Йа‘куб отмечают славяноязычие русов[46]. Ибрахим ибн Йакуб сообщает и о том, что русы и славяне совместно эксплуатируют торговые пути, ведущие в Польшу и Чехию[47], а по словам среднеазиатского энциклопедиста первой половины XI в. ал-Бируни, Волга в его время называлась «Рекой русов и славян»[48]. Ал-Мас‘уди (середина X в.), говоря о проживавших в Итиле язычниках — славянах и русах, — описывает их погребальный обычай как общий для тех и других[49], а также отмечает, что в гвардии

[45] Подробнее см.: Коновалова И.Г. «Остров русов» как географический образ / Журнал Исторический Вестник. Том первый [148]. Начало русской государственности. 2012. С. 40-51.

[46] Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik d'Abu 'Ubaid al-Bakri / Ed. A.P. Van Leeuween et A. Ferre. Tunis, 1992. P. 336.

[47] Ibidem. P. 332.

[48] Абу-р-Райхан ал-Бируни. Избранные произведения / Вступит. статья, пер. и примеч. П.Г. Булгакова и Б.А. Розенфельда. Ташкент, 1976. Т. V. Ч. 1. С. 473.

[49] Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863. T. II. P. 9.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

хазарского царя служат как русы, так и славяне[50]. Анонимный автор «Пределов мира», говоря о славянском городе *Вабнит*, утверждает, что «некоторые из его жителей похожи на русов»[51]. В близком по времени к составлению «Анонимной записки» источнике другой языковой традиции, «Раффельштеттенском таможенном уставе» (904/6 г.), также имеется свидетельство о тесной связи русов и славян: согласно этому уставу, купцы-славяне, приходящие в Баварское Подунавье, приходили туда «от руси» (*de Rugis*)[52].

То есть земля («остров») русов в описании исламских авторов предстает не чем-то внешним по отношению к земле славян, а напротив, тем, что бывает трудно отграничить от нее. В этом смысле «остров русов» следует рассматривать как часть земли славян, место, где формируется новая идентичность — русы. И географический образ «острова русов» эту новую идентичность и показывает *in statu nascendi*. О том, что это именно *новая* этничность, находящаяся в состоянии становления, говорят и слова ал-Мас‘уди о том, что русы представляют собой конгломерат различных народов[53], и свидетельство «Повести временных лет» под 882 г. о том, что русью назывались «варяги, и словене, и прочие»[54].

***

Применявшаяся исламскими географами практика разграничения была рассмотрена нами в трех масштабах — мировом, региональном и страновом. Изложенный выше материал позволяет заключить, что разграничение выступало как универсальное средство и тогда, когда надо было структурировать данные, и тогда, когда их надо было интерпретировать. При этом формальное применение разграничения — как в случае с использованием теории климатов ал-Идриси — фактически обесценивало его системообразующую роль, выводя на первый план иные способы организации пространства. Последовательное же проведение принципа разграничения, помноженное на помещение его в контекст «гуманитарной» географии, открывало большие возможности перед исламскими учеными в плане этнокультурного и геополитического освоения земного пространства и осмысления места исламского сообщества в мире. Наконец, принцип разграничения обладал еще и эвристическим потенциалом, позволяя через проведение границ обнаружить и зафиксировать новые этносоциальные и политические реалии.

[50] Ibidem. P. 12.
[51] Ḫудӯд ал-‘ālам: Рукопись Туманского / С введ. и указ. В.В. Бартольда. Л., 1930. Л. 37б.
[52] Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 64–65.
[53] Maçoudi. Les Prairies d’or. P. 18.
[54] Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 14.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Елена Георгиевна ВЛАСОВА / Elena VLASOVA

Пермский государственный национально-исследовательский университет (ПГНИУ), Россия
Доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, кандидат филологических наук

Perm State National Research University, Russia
Associate Professor of Journalism Department, PhD
elena_vlasova@list.ru

«ГЕОГРАФИЧЕСКИ В АЗИИ»: ДЕСЕМИОТИЗАЦИЯ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ГРАНИЦЫ В УРАЛЬСКОМ ТРАВЕЛОГЕ XIX ВЕКА

Вопрос о евро-азиатской границе был и остается важным фактором геополитического статуса России. Обращение к уральским травелогам XIX века позволило конкретизировать те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы в период активного формирования государственной идеологии. Предпринятый анализ путевых описаний выявил следующие особенности в их интерпретации: неустойчивость локализации, замена топоса Азии на более важный для российского пространства топос Сибири, несовпадение географической и ментальной границ, неопределенность основного значения. Смысловая редукция евро-азиатской границы поддерживалась еще одним влиятельным фактором, связанным с формированием местной идентичности. К концу XIX века происходит преодоление транзитного образа Урала, что снижает значимость границы в целом. В итоге идея евро-азиатского рубежа не обрела саморазвивающегося эмоционального и смыслового наполнения - ни внутри уральского пространства, ни вне его. Сегодня евро-азиатская граница приобретает новое геополитическое значение и становится важным ресурсом национального и территориального брендирования. Тем более значимым становится обращение к прошлому и осмысление его опыта.

Ключевые слова: евро-азиатская граница, травелог, уральский травелог XIX века, ментальная карта, образ Урала.

"GEOGRAPHICALLY IN ASIA": THE DESEMIOTIZATION OF THE EURASIAN BORDER IN THE URAL TRAVELOGUE OF THE 19TH CENTURY

Question about the Eurasian border was and still is a very important factor of the geopolitical state of Russia. An appeal to the Urals XIX century travelogue allows to specify those meanings, which define the position of a Russian society to the phenomenon of the Eurasian border in the period of an active forming of a state ideology. Undertaken analysis of the travel descriptions have revealed following features of its interpretation: instability of the localization, replacing "Asia" with a title that is more important for the Russian space - "Siberia", mismatch of the geographical and mental boundaries, and uncertainty of the main meaning. Sematic reduction of the Eurasian border was maintained by another influential factor, connected with the forming of a local identity. By the end of the 19th century the transit image has been overcame and this fact reduces the significance of a border in general. As a result, an idea of the Eurasian frontier did not get self-developing emotional and semantic content – not within the Ural space nor outside of it. Nowadays the Eurasian border acquires a new geopolitical meaning

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

and becomes a very important resource of the national and territorial branding. The more significant becomes the reference to the past and understanding of its experience.

Key words: Eurasian border, travelogue, Ural travelogue of the 19th century, mental map, image of the Urals.

История уральской локализации евро-азиатской границы

Как известно, научное обоснование проведения евро-азиатской границы по Уральскому хребту было представлено одновременно двумя учеными: шведским географом Ф.И. Страленбергом в книге «Северная и восточная части Европы и Азии» (1730) и В.Н. Татищевым в работе «Общее географическое описание всея Сибири» (1736). Решающим аргументом в пользу Уральских гор послужил тот факт, что они являются естественным водоразделом между европейскими и азиатскими реками.

Следующий важный шаг в утверждении уральской локализации евро-азиатской границы сделали ученые, возглавившие отряды уральской экспедиции Императорской Академии наук в конце XVIII в. Последовательное описание геологии, гидрологии, флоры и фауны уральского массива, представленное в отчетах П.-С. Палласа, И.И. Лепехина, И.-П.Фалька, подтвердило гипотезу В.Н. Татищева.

Как писал Л.Вульф, еще «в восемнадцатом веке существовали различные точки зрения на местонахождение границы между Европой и Азией: иногда ее проводили вдоль Дона, иногда — вдоль Волги, а иногда, как и сегодня, вдоль Урала»[1]. Благодаря открытию Страленберга-Татищева дрейф евро-азиатской границы на восток, наблюдавшийся в ходе формирования геокультурной карты Европы, остановился на Уральских горах. Сегодня уральская локализация евро-азиатской границы считается основной. Резюмируя подробнейший обзор географических концепций по поводу евро-азиатской границы, А.А. Чибилев отмечает: «Анализ многочисленных вариантов евро-азиатской границы между Каспийским морем и Северным Ледовитым океаном свидетельствует о том, что ключевое место в них занимает Уральский хребет. Это связано с тем, что Урал – единственное горное образование Евразии, вытянутое по меридиану, что нарушает общую картину субширотного орографического строения материка»[2]. Ученому представляется очевидным, «что это видели и видят многие, практически все исследователи границы от Татищева и Страленберга до современных ученых»[3].

Однако в XIX веке версия Страленберга-Татищева не получила общего признания. Более того, в 1850 году авторитетнейший немецкий ученый Александр фон Гумбольт, подводя итоги своих научных наблюдений, сделанных в том числе на Урале, высказал мысль, что границы между Европой и Азией не существует, поскольку Европа – часть Азии. Среди скептиков оказывается также Д.И.Менделеев, который в 1906 году, после своей поездки на Урал, напишет, что «отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с те-

[1] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2004. С.39

[2] Чибилев А.А. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. Сайт РГО. URL: http://old.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya. Дата обращения: 15.03.2015

[3] Чибилев А.А. Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

чением времени сгладится и, вероятно, даже пропадет»[4].

Ментальный характер евро-азиатской границы и задачи империостроительства

Конечно, вопрос о евро-азиатской границе никогда не был сугубо географическим. Скорее, его нужно отнести к сфере культурной и гуманитарной географии, которая касается ментальных границ мирового устройства. В.Л.Каганский заостряет это положение в парадоксальном противопоставлении ментальной и географической сущности евро-азиатской границы: «Граница Европы культурно вполне реальна, но географически условна, она постоянно смещается»[5].

Вопрос о рубеже Европы и Азии стал важной частью европейской идентичности. В исследованиях, посвященных проблемам формирования ментальной карты Европы, не раз отмечалось, что представление о границе между Европой и Азией, Западом и Востоком постоянно менялось, поскольку в интеллектуальных практиках Европы Восток превратился в «социальный маркер»[6] (И.Нойманн). Границы, отделяющие Восток от цивилизационного центра, роль которого была возложена на Западную Европу, становились «культурным инструментом»[7] (Л.Вульф) в процессе выстраивания идентичностей.

Для России XIX века, которая находилась в активной фазе становления государственной идеологии, вопрос о границе между Европой и Азией приобрел важнейшее геополитическое значение. Сформированная в николаевскую эпоху доктрина «официальной народности», которая запечатлелась в знаменитой формуле С.С.Уварова «православие, самодержавие, народность», держалось на противопоставлении России Западу. Как отмечает С.В.Удалов, «на первый план выдвигалась национальная самобытность русского государства и общества, определяющая их самостоятельное от выработанных западноевропейской цивилизацией политических и общественных ценностей развитие»[8]. Построенная на негативной идентичности, эта идеология не получила должного инструментального наполнения. «В идеологических конструкциях национальных начал России, разработка которых была закончена к концу XIX века, не было характерного для других стран присутствия ценностей важнейших институтов, артикуляции сословных, корпоративных и групповых интересов, признаков культурного наследия аристократии или патрициата, становящихся основой консолидации общества, образцами для подражания и ориентации,»[9] – так характеризует особенности русской политической культуры XIX века Л. Гудков.

Оттолкнувшись от Запада и одновременно придерживаясь колониального отношения к Востоку, Россия замерла в пограничном состоянии Европы-Азии. Подобное положение при неопределенности собственного, третьего, пути провоцировало идеологическое и политическое брожение. Общество разделилось на славянофилов и западников. Формируемые интеллектуальной элитой теории резко противоречили друг другу, расшатывая процесс идеологической консолидации. К концу века

[4] Менделеев Д. И. К познанию России. СПб, 1912. С.143.
[5] Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.126.
[6] Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С.267.
[7] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2004. С.239.
[8] Удалов С.В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Саратов, 2005. URL: http://www.dissercat.com. Дата обращения 10.03.2015.
[9] Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.125.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

идеологическое противостояние разнонаправленных концепций не только не ослабло, но приобрело поистине континентальный размах. Одним из самых острых в этом смысле становится противостояние идей В.С.Соловьева о жертвенности России в процессе объединения Европы и Азии, с одной стороны, и утверждения Н.Я.Данилевского о выходе на мировую арену нового культурно-исторического типа – славянства, которое должно противостоять агрессивному наступлению Европы, с другой. Обе теории не смогли остановить споры вокруг евроазиатского статуса России, породив новую волну противостояния и напряженности. Однако было в этих позициях и нечто общее: они приглушали значение евро-азиатской границы как рубежа, разделяющего континент. Таким образом, крупнейшие философские концепции XIX века склонялась к нивелировке евро-азиатских рубежей, совпадая с новейшими идеями географической науки.

В ситуации размытости представлений о геополитических перспективах евроазиатского статуса Россия, тем не менее, должна была решать вполне конкретные политические задачи, связанные с освоением восточных окраин, хозяйственное и административное состояние которых требовало безотлагательных государственных мер. Известный исследователь Дальнего Востока А.В. Ремнев, давая характеристику колонизационных процессов на востоке Российской империи, отмечал: «Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х годов формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России»[10]. Тем самым, новые политические установки на империостроительство и необходимость усиления восточных рубежей также способствуют стиранию евро-азиатской границы как этнокультурного барьера. Таким образом, как в географической, так и в гуманитарной и общественно-политической сферах, значение границы на протяжении XIX века все более редуцировалось.

Роль травелогов в осмыслении евро-азиатской границы

Описание путешествий занимает особое место в уральской историографии. Удаленность от цивилизационных центров, сложный горный рельеф и суровый климат долгое время сохраняли за Уралом ореол terra incognita. Исследование этой земли было связано с торговыми, дипломатическими, а позднее научными и литературными поездками европейских, арабских и русских путешественников. В результате сложился представительный корпус путевых отчетов, который положил начало формированию образа уральского пространства в русской культуре. В XIX веке травелоги продолжали оставаться основным инструментом дискурсивного освоения уральского пространства. Ведущую роль при этом играли писательские и журналистские путешествия. Преобладающим значением образа Урала, сформированного в «писательском» очерке XIX века, становится транзитный характер пространства. Ф.Ф. Вигель (1806), А.И. Герцен (1835), П.И. Небольсин (1846), П.А. Кропоткин (1862), К.М. Станюкович (1885), И.С.Левитов (1882), Н.Д.Телешов (1891) и многие другие описывают Урал как один из этапов своего вынужденного или добровольного путешествия в Сибирь. В этой влиятельной группе травелогов за-

[10] Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX - начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 226.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

крепляется образ преддверия Сибири, основной характеристикой которого является пограничность – между центром и периферией, цивилизацией и «диким полем», свободой и каторгой, а в целом – между своим и чужим пространством. Только к концу XIX века благодаря блестящим очеркам В.И. Немировича-Данченко и творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка формируется самодостаточный образ уральского пространства как горнозаводского «государства в государстве»[11].

Наше обращение к путевым описаниям уральской границы Европы и Азии позволит конкретизировать те смыслы, которые определяли отношение российской общественности к феномену евро-азиатской границы, с одной стороны, а с другой – повлияли на формирование образа Урала, активное освоение которого как одной из восточных окраин продолжалось на протяжении всего XIX века. Путешествия, в силу их особой культурной миссии, связанной с расширением и открытием пространства, активно формировали географические представления. Об этой функции путешествия, в частности, писал Л.Вульф. Анализируя механизмы формирования ментальной карты Восточной Европы, исследователь заметил, что каждый «путешественник считал себя вправе дополнять, исправлять и пояснять воображаемую карту … в своем сознании и сознании своих современников»[12]. Действительно, путешествие предполагает открытие и в каком-то отношении «изобретение» открываемого пространства, которое строится на постоянном сопоставлении своего и чужого. Можно сказать, что путешественник находится в состоянии перехода, сопоставления, а значит, переживания границы. Казалось бы, путешественники с особым интересом должны были отнестись к евро-азиатской границе, феноменология которой позволяет активизировать пространственную рефлексию. Однако уральские травелоги практически единодушно зафиксировали достаточно отстраненное отношение к официальным обозначениям евро-азиатского рубежа.

Демаркация евро-азиатской границы

В историографии Урала топика евро-азиатской границы носила дорожный характер, поскольку ее обозначение было связано в первую очередь с путешествиями по главной магистрали, ведущей из Центральной России в Сибирь, – Сибирским трактом. По гипотезе Татищева граница должна была пересекать Сибирский тракт в самой высокой его точке, т.е. на местном пике евро-азиатского водораздела. Так, например, определил эту точку Ф.Ф. Вигель, автор популярнейших мемуаров, проезжавший через Урал в составе китайского посольства в 1805 году. По его мнению, она размещалась между Билимбаевским заводом и деревней Решеты: «Казенный Билимбаевский завод находится на самой вершине Урала; следующая же за ним станция Решета на противоположном спуске…»[13]. В принципе, Вигель верно назвал часть Сибирского тракта, где находился перевал через Уральский хребет. Позднее немецкие ученые А. Гумбольдт и Г. Розе уточнили координаты самой высокой точки Сибирского тракта между Пермью и Екатеринбургом – они совпали с координатами южного склона горы Березовой. Эта гора стала главным географическим объектом евро-азиатской границы.

Инициатива по демаркации евро-азиатской границы принадлежала чиновникам Уральского

[11] Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург: исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. Екатеринбург: Свердлгиз, 1948-1951. 259.

[12] Вульф Л. Ук.соч. С.37.

[13] Вигель Ф.Ф. Записки (1805-1806) // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С. 27.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

горного управления, которое являлось одной из самых влиятельных структур местной власти. Идея эта возникла накануне визита наследника престола, будущего императора Александра II, который путешествовал в сопровождении поэта В.А. Жуковского по России, Уралу и Сибири. В течение XIX века знак несколько раз реконструировали: дерево было заменено на мрамор, а в 1873 году на вершине пирамиды был укреплен золоченый двуглавый орел, одна голова которого смотрела на Запад – в Европу, а другая – на восток, в Азию, символизируя объединяющую и сторожевую миссию Российской империи. Эта реконструкция пограничного знака была приурочена к проезду через перевал возвращавшегося из кругосветного путешествия Великого Князя Алексея Александровича. Таким образом, установка евро-азиатского знака должна была продемонстрировать патерналистские и верноподданнические чувства уральского сообщества и была связана с процессом окончательного слияния некогда колонизированной территории с основным телом российской империи. Второй официальный знак был установлен в 1878 году во время строительства Уральской горнозаводской железной дороги. Эти две точки на пути из Перми в Екатеринбург определяют локализацию евро-азиатской границы в уральском травелоге XIX века. Транссибирская дорожная магистраль (Златоуст-Челябинск), открывшаяся позднее УГЖД, не получила такого потока путевых описаний, как эти два магистральных пути. и потому не оказала большого влияния на формирование образа евро-азиатской границы.

Путевые очерки сохранили достаточно подробное описание обоих пограничных знаков. П.А. Кропоткин, например, следуя по Сибирскому тракту, специально остановился у обелиска, внимательно осмотрел его и даже сделал карандашный рисунок. Объединение в тексте дневника словесной зарисовки и графического изображения подчеркивало желание путешественника воспроизвести увиденное как можно нагляднее: «В то время, когда я смирно лежал в тарантасе и думал, какую бы роль разучить мне хорошенько, Петров говорит: "А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли". Я закричал: "Стой, это граница". "Да, Уральский хребет", – заметил ямщик. Действительно, на высшей точке главной цепи поставлен около дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне "ЕВРОПА", с другой – "АЗИЯ". Около столба избушка, где живет сторож»[14].

Еще более тщательно сделано описание евро-азиатских указателей, установленных возле Уральской железной дороги: «Европейская станция – последняя на западном склоне Урала и в 12 верстах за нею у станции Уральской, составляющей высший пункт железной дороги, граница Европы и Азии. Граница эта в нескольких саженях от станционных зданий обозначена особой звездочкой в середине круга, выложенного из разноцветных камней. Для того чтобы и ночью ясно обозначить границу, поставлены две решетчатые железные колонны, наверху коих зажигаются фонари с ярко блестящими на стеклах левой и правой стороны надписями: Европа и Азия»[15]. Симптоматично, что установка новых пограничных столбов далее связывается с уже существующей традицией: «Колонны на Уральской станции поставлены в подражание тем каменным столбам с такими же надписями, которые исстари существовали и существуют на утратившем свое значение Большом Сибирском тракте»[16]. Автору этих строк журналисту «Московских ведомостей» С.А. Кельцеву, сопровождавшему в поездке на Урал великого князя Михаила Николаевича Романова, по «долгу службы» было по-

[14] Кропоткин П. На пути в восточную Сибирь // Документы по истории литературы и общественности. Вып.4. Дневник Кропоткина. – М.-Л.: ГИХЛ, 1923. С.25-26.
[15] Кельцев С.А. От Москвы до Екатеринбурга (Из путевых заметок) // Кельцев С.А. Из поездки на Урал. М., 1888. С. 53.
[16] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ложено подчеркнуть преемственность верноподданнической традиции.

Еще одна важная маркировка границы была связана с наименованием железнодорожных станций, расположенных рядом с ней. Пограничный знак был установлен в 6 км от станции Европейская, а далее за ней «следует Уральская, а вслед за тем Азиатская»[17]. Названия станций намеренно фиксируют близость евро-азиатской границы, простое упоминание их по ходу следования отражает момент перехода из Европы в Азию, и наоборот: «Эти три станции своими названиями напоминают путешественнику, что он переезжает из одной части света в другую…»[18].

Граница между Европой и Сибирью

И все же при всей настоятельности официальных усилий, факт евро-азиатской границы не стал полноценным феноменом уральского ландшафта. Большинство травелогов проявили сдержанность в ее описании и оценке. Показательна в этом отношении «пограничная» саморефлексия Н.Д. Телешова: «Оба столба… вызывают в путниках какое-то неопределенное чувство, похожее не то на смущение, не то на радость»[19]. Неопределенность чувств, испытанных путешественником, как представляется, связана с общей смысловой неопределенностью этого рубежа российской географии.

Попробуем разобраться в причинах подобного отношения, выстроив последовательность смыслов, которые сопровождали описание евро-азиатской границы в путешествиях XIX века.

Травелоги первой половины столетия не зафиксировали большого интереса к теме евро-азиатской границы. Дело в том, что многие путешественники не замечали самих Уральских гор: «Мы не заметили, как перевалились чрез эту знаменитую цепь Уральских гор; более ста верст, все на изволок взъезжали мы, и немного круче стали спускаться»[20] (Ф.Ф. Вигель).

Для Вигеля и его попутчиков, ехавших в составе официального посольства в Китай, важнее оказывается рубеж между Пермской губернией, которая в их представлении являлась последним оплотом европейского комфорта, и Сибирью: «Чрезмерно уставши, на общем совете положили мы остановиться и переночевать в селе Сопинине и там проститься с Пермскою губернией и Модерахом, то есть с прекрасными дорогами. Однако же в этом селении не мог я много отдохнуть: мне отвели особую избу, где первый раз в жизни увидел я человека с рваными ноздрями; это был ее хозяин. Каюсь в своей трусости: я заставил солдата нашего отделения ночевать с собою»[21]. Таким образом, ментальная граница оказывается важнее географической, определяя более актуальные «географические ощущения»[22] (Л.Вульф) путешественников. В данном случае понимание евро-азиатской границы совпадало с представлением о границах цивилизованного мира, который заканчивался при въезде в Сибирь.

Можно предположить, что после установки пограничных знаков, дискурсивный потенциал евро-азиатской границы резко возрастет. Но этого не случается. Количество фиксаций увеличивается, но качество содержательных оценок практически не меняется, – даже после того, как во время реконструкции памятника на столбе появилось символическое навершие в виде двухглавого орла. Неопределенность локализации и семантики евро-

[17] Кичеева В. В страну золота и печали (Путевые наброски) // Колосья. 1890. N 9. С. 98.
[18] Кельцев С.А. Ук.соч. С. 53.
[19] Телешов Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: Очерки. Москва: Типография «Товарищество И.Д.Сытина», 1897. С.26.
[20] Вигель Ф.Ф. Ук.соч.С.27.
[21] Вигель Ф.Ф. Ук.соч. С.29.
[22] Вульф Л. Ук.соч. С. 38.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

азиатской границы сохраняется на протяжении всего XIX века.

П.И. Небольсин, проезжая по Сибирскому тракту в 1846 году, не заметил ни границы, ни пограничного знака. Как и Вигель, Небольсин едет не из Европы в Азию, а из России «вглубь Сибири», при этом смена пространства маркируется им на основании экономического и социокультурного единства Урала и Сибири: «С Урала и далее вглубь Сибири начинаются расспросы и разговоры о золоте, о новых открытиях в золотопромышленности, о новых подвигах разных громогласных золотых компаний»[23].

В 1883 году писатель и журналист И.С. Левитов, пересекая границу по железной дороге, также не ощутил ни особенного подъема, ни торжественности момента: «Дорога по Уралу так незаметно подымается в гору, что все представления наши о высоких Уральских горах пропадают, точно иллюзии»[24].

Привычное неразличение горной гряды и евро-азиатского рубежа соседствует у Левитова с не менее ожидаемым акцентом на сибирской границе: «Мы доехали до сибирской границы или черты, разделяющей Пермскую и Тобольскую губернии, на 69 версте от Тюмени, часам к 9 утра. Скромный памятник из кирпича с гербами двух смежных губерний украшает эту границу»[25].

Об искусственности евро-азиатской границы пишет и уже упоминавшийся С.А. Кельцев. Он напрямую говорит о том, что указатель границы является только символическим обозначением, а настоящая Сибирь начинается через 400 верст за Уралом.

«Перевал через Урал не представляет никаких особо ощутительных подъёмов с запада и спусков к востоку: на пути между Европейской и Уральской станциями, также как и далее между Уральской и Азиатской, первой за Уралом, станциями, поезд идёт почти равниной, окружённой, как и раньше, унылым захудалым лесом, и только каменная звёздочка и фонари с надписями ночью указывают, что Европейская Россия осталась сзади и началась географическая Сибирь. По административному же делению Сибирь, считая границу Тобольской губернии, находится ещё далеко от этого места, в 400 верстах за Уралом, и на правой стороне его железная дорога идёт по Верхотурскому, Екатеринбургскому и далее за Екатеринбургом по Камышловскому уездам Пермской губернии»[26].

Значение уральского перевала как дороги в Сибирь закрепляется еще в одном сюжете, связанном с сибирской каторгой. Знаменитый писатель и путешественник В.И. Немирович-Данченко, написавший великолепные очерки об Урале, оформил это значение в экспрессивном рассказе о том, как арестанты, идущие этапом в Сибирь, возле столба Европа-Азия останавливаются, чтобы бросить последний взгляд на родину: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою навеки-вечные покидаемую родину! Далекий, неприютный, чужой и холодный край начинается отсюда!»[27]

Таким образом, в травелоге XIX века пограничность Уральских гор понималась как рубеж между европейской Россией и Сибирью. Топос Сибирь в силу своего особого значения для русской истории и культуры и, как следствие, высокой дис-

[23] Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С.89.

[24] Левитов И. С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. кн. 7. С.12.

[25] Левитов И. С. Ук.соч. С.13-14.

[26] Кельцев С.А. Ук.соч. С.53-54.

[27] Немирович-Данченко В. Кама и Урал: (очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. С.560.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

курсивной оформленности оказался актуальнее достаточно размытого топоса Азия.

В поисках Азии

Несформированность представлений об Азии проявляется и в ее замещении обобщенными образами своего и чужого пространства. В частности, для многих путешественников гораздо важнее темы перехода из Европы в Азию оказывается архетипический сюжет прощания с домом. Пожалуй, наиболее выразительно он запечатлелся в путевых записках двадцатилетнего Петра Алексеевича Кропоткина, которые были написаны по пути к месту службы в Амурском казачьем полку: «Тут, на высшей точке главной цепи… я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса…»[28]. Напряженность момента прощания с домом передается в контрастном противопоставлении родного пейзажа, с белыми колокольнями на горизонте, и «невообразимых», читай – невиданных и полных неизвестности, – лесов, раскинувшихся на востоке.

С другой стороны, попытка актуализации образа Азии приводит к смещению границы. Например, К.М.Станюкович, приехавший на Урал в период экономического кризиса горнозаводской промышленности, нарисовал мрачную картину упадка экономики и нравов, передвинув границу Азии к западу от Урала: «Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые когда-то заводы… и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю «географически», потому что близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы»[29].

Несовпадение географической и ментальной границы не дает сформироваться целостному образу – картинка не совпадает со смыслом. Евроазиатские столбы остаются официальной достопримечательностью, не имеющей эмоционального и смыслового наполнения для путешественника. Выразительной в этой связи кажется реакция пассажиров вагона, запечатленная Н.Д.Телешовым во время его путешествия по Уральской железной дороге в 1894 году: «Подвигаясь вперед, мы проезжаем, наконец, на полном ходу географическую границу Азии и Европы. Несмотря на свою условность, это место вызывает некоторое движение среди пассажиров, даже, пожалуй, чуть уловимое волнение. Все выглядывают в окна, выходят на тормоз и так или иначе добиваются случая увидеть пограничные столбы, которыми, в подражание старине, на сибирском тракте отмечен конец Европы и начало Азии»[30]. Судя по этому фрагменту, столбы воспринимались как местная достопримечательность, связанная, прежде всего, с памятью прошлого. В описанной ситуации их значение сводилось к дорожному приключению, когда на «полном ходу» нужно непременно «выйти на тормоз» или иначе «добиться случая», чтобы разглядеть мало эффектное сооружение в виде «двух *небольших* решетчатых башенок, сложенных из рельсов и *окрашенных в белую краску*»[31] (выделено мной – Е.В.). Легкая ирония, с которой описывает Телешов объект всеобщего внимания, подчеркивает «условность» его внутреннего содержания.

Евро-азиатская граница в процессе формирования уральской идентичности

[28] Кропоткин П.А. На пути в Восточную Сибирь: Корреспонденции из Восточной Сибири // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). Пермь, 2011. С.106.

[29] Станюкович К. М. В далекие края. Поли. собр. соч. Изд. 2-е. Т. 5. СПб., 1907. С. 447.

[30] Телешов Н.Д. Ук.соч. С.26

[31] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Еще один вектор десемиотизации евро-азиатской границы, на наш взгляд, был намечен в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка. Упоминания о евро-азиатском перевале встречаются и в прозе, и в публицистике писателя. Однако для Мамина-Сибиряка важнее становится не пограничность Урала, а его самобытность, которая позволяет продуктивно соединять в себе разные культурные традиции. Урал, в представлении писателя, – это целая историческая полоса, сформировавшая особый социум: «Но этот случайный и зависимый характер нового города к концу XVIII столетия изменился,– невидимыми путями создавалась крепкая и сплоченная организация, проникавшая весь строй жизни. Выдвинулась на первый план целая историческая полоса, связывавшая Екатеринбург со всей Россией и Сибирью кровными узами; крепость могли упразднить, заводы и фабрики закрыть, мушкетерский полк увести в другой город. Но Екатеринбург все-таки остался бы и продолжал бы свое дело: эту новую роль придал ему раскол…»[32].

Самобытность Урала для Мамина-Сибиряка связана с особым (отличным от великорусского, с одной стороны, и связанного с сибирским, с другой) укладом жизни, который определяется горным характером экономики, культуры и социума. Более того, Мамин-Сибиряк называет Урал периода николаевского правления «государством в государстве»: «тут были свои законы, свой суд, свое войско» [33] .

В изображении Мамина-Сибиряка Урал становится центром мира, а не окраиной двух миров. Конечно, внешние путешественники в таком качестве Урал не воспринимали, но большинство из них вполне определенно говорили о целостности уральского пространства. Вот и в описаниях евро-азиатской границы устойчивым мотивом становится указание на то, что характер местности и уклад жизни при ее пересечении не меняется. «Что касается природы и людей, то они как на западном, так и на восточном склоне совершенно одинаковы, что и следовало ожидать в виду незначительной высоты Урала и искусственности условной межматериковой границы,» – рассказывал о своих уральский впечатлениях автор популярного журнала «Записки Крымского горного клуба»[34].

Закрепление в уральском травелоге разночтений в географической локализации евро-азиатской границы, а также ее вариативная семиотизация становятся одним из симптомов преодоления транзитного образа Урала. Не смотря на многочисленные упоминания об Урале как преддверия Сибири, постепенно созревает самодостаточный образ уникального российского региона. Разлет в перестановках границы служит прямым подтверждением мысли Мамина-Сибиряка о том, что Урал представляет собой целостную историческую полосу.

Евро-азиатская граница как имиджевый ресурс

И все же, думается, что вместе с сюжетом евро-азиатской границы Уралом был потерян важный имиджевый ресурс. Об этом, в частности, говорят постоянные попытки его актуализации в современном ландшафте Урала. Пермские имиджмейкеры уже не раз представляли проекты, основанные на евро-азиатском сюжете уральской истории. Самыми крупными из них стали программы «Европа начинается в Перми» и «Пермь – культурная столица Европы». Однако они не смогли стать эффективными территориальными брендами. Более жизнеспособными оказались инициативы Екатеринбурга. Так, предприимчивые екатеринбурж-

[32] Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург: исторический очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. Екатеринбург: Свердлгиз, 1948-1951. С. 259.

[33] Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч. С. 259.

[34] Сидоренко М. Д. Николае-Павдинская лесная дача на восточном склоне Урала // Записки Крымского горного клуба. 1902. № 2/3. С. 43.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

цы, осознавая туристическую привлекательность межконтинентального рубежа, установили еще один обелиск Европа-Азия в непосредственной близости от города, так чтобы знаковое место оказалось в зоне досягаемости туристов. Теперь здесь построен целый мемориальный комплекс, который считается одним из самых посещаемых туристических объектов Екатеринбурга. Масштабность проекта можно оценить по размаху запланированной инфраструктуры: «Новая туристическая площадка, состоящая из географического знака, парковки на 50 мест, кафе и сувенирного павильона, где можно получить сертификат «нарушителя границы» – это только первая очередь крупного инвестиционного проекта «Граница частей света» – культурно-развлекательного и историко-ландшафтного комплекса на границе Европы и Азии, многопрофильной инфраструктуры сферы торговли и услуг, индустрии развлечений, гостиничного бизнеса и музейного дела»[35]. Очевидно, что местная власть и предприниматели возлагают большие надежды на туристический эффект предприятия.

Важно и то, что Екатеринбург не боится позиционировать себя азиатским городом. Здесь также срабатывает екатеринбургская деловая хватка: нужно использовать ресурс, а не пренебрегать им. В результате Екатеринбург формирует образ евроазиатского города, который соединяет в себе европейские и азиатские черты. Эхом Мамина-Сибиряка, писавшего об особой связующей миссии Екатеринбурга, воспринимаются слова современного писателя Алексея Иванова, посвятившему городу отдельную книгу: «Город сумел вернуться к себе. «Ёбург» был только промежуточной стадией превращения «закрытого» советского Свердловска в евроазиатский буржуазный Екатеринбург эпохи глобализма и хайтека»[36]. Современным екатеринбуржцам удалось вдохнуть в образ границы актуальное содержание, сделав правильные акценты в ее геокультурной символизации и практическом использовании. Представляется, что главной причиной успеха в реабилитации евро-азиатского рубежа послужил пересмотр отношения к Азии. Конечно, этого не могло случиться в ситуации XIX века, когда отношение к Востоку определялось в категориях ориенталистского дискурса.

Заключение

Сравнивая Петербург и Оренбург как европейскую и азиатскую границы Российской Империи, В.Л.Каганский называет их «имперскими кристаллами». Их роднит переливающаяся имперским блеском смысловая неопределенность: «Но вот какой границы? Границы России - очевидно, но с чем? А что же находится между двумя границами, между границей Азии и Европы, что же это — не-Азия и не-Европа одновременно? Не-Европа и есть не-Азия? Эта негативная двойственность страны восхищает старых и новых евразийцев; двойное отрицание они переводят в двойное утверждение: сверхЕвропа и сверхАзия»[37]. По мнению В.Л.Каганского, основная причина подобной неопределенности лежит в сфере имперских амбиций: «Всякая граница имеет две стороны, симметрична, а ее стороны равноправны; но граница Империи, центрированного и анизотропного пространства с качественными различиями направлений, – одностороння и асимметрична»[38]. Ментальность евроазиатской границы, как и всех остальных имперских границ, носила колониальный характер. Она была односторонней и предполагала изначальную

[35] Путеводитель по Свердловской области. URL: http://gotoural.com/tourist_attractions/275. Дата обращения 10.03.2015.

[36] Иванов А. Ёбург. М.: АСТ; редакция Елены Шубиной, 2014. С.6.

[37] Каганский В.Л. Ук.соч. С.127.

[38] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

неполноценность внешнего по отношению к ней пространства.

Представления о евро-азиатской границе, отразившиеся в уральском травелоге XIX века, проявили возобладавшее в российском обществе ориенталистское отношение к Азии. Стремление власти путем обозначения границы зафиксировать процесс объединения центральной и восточной России сталкивалось с глубоко укоренившимся в культурном сознании недоверием к Востоку. Несимметричность границы порождает ее географическую и семиотическую неустойчивость и разрушение.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Ольга Владимировна ДЕСЯТКОВА / Olga DESYATKOVA

Вятский государственный университет, Киров, Россия.
Кафедра философии и культурологи
Доцент, кандидат культурологии

Vyatka State University, Kirov, Russia
Department of the Philosophy and Cultural Science
Associate Professor, PhD
olgadesatkova@yandex.ru

ГРАНИЦА ЗЕМНОГО И ПОТУСТОРОННЕГО В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ВЯТСКИХ МАРИЙЦЕВ

В статье исследуется семантика марийского этнокультурного ландшафта. С этой целью изучаются марийские священные рощи и водоёмы, расположенные на территории южных районов современной Кировской области (Вятского края). Географические объекты рассматриваются с точки зрения места, занимаемого ими в марийской ментальной географии, в которой они наделяются сакральными смыслами. Развивается мысль о том, что священные рощи и водоёмы имеют статус пограничных ландшафтов, являясь территорией границы между «своим» и «чужим»: мирским и потусторонним, земным и подземным, грешным и праведным пространствами. Семантика пограничных ландшафтов интерпретируется с помощью обращения к традиционной марийской религии и мифологии, а также синкретического мировоззрения вятских марийцев, в котором сочетается язычество и христианство.

В статье рассматриваются естественные ландшафты, сакральные смыслы которых заключены в связанных с ними поверьях, обрядах, а также способы семиотизации ритуального пространства. Делается вывод о двойственности семантики священных рощ и водоёмов. С одной стороны, священные рощи, водоёмы воспринимаются в качестве священного Центра мира, с другой – это места обитания вредоносных сил мира подземного. Если непосвящённые должны избегать посещения этих опасных для человека пространств, то для обладающих сокровенными знаниями, «своих» это «места силы». Обряды, совершаемые здесь, способны активизировать космические энергии. Совершаемые в ментальной границе, они являются символом восстановления, укрепления границы и имеют целью поддержание космического баланса.

Ключевые слова: этнокультурный ландшафт, ментальная граница, марийское язычество, мифология, Вятский край, священные рощи и водоёмы.

THE BOUNDARIES OF EARTHLY AND OTHERWORLDLY IN ETHNO-CULTURAL LANDSCAPE OF VYATKA MARI

The article deals with the semantics of Mari ethnic and cultural landscape. With this purpose, Mari sacred groves and ponds located throughout the southern regions of modern of Kirov (Vyatka region) are studied. Geographic features are discussed from the point of view of the place occupied by them in Mari mental geography in which they are endowed with sacred meanings. The idea that the sacred groves and ponds have the status of border landscapes, as a territory, develops the boundaries between «its» and «alien»: worldly and other-worldly, earthly and subterranean, sinful and righteous spaces. The semantics of border

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

landscapes is interpreted by recourse of traditional Mari religion and mythology, as well as syncretic worldview Vyatka Maris, combining paganism and Christianity.

Key words: ethno-cultural landscape, mental border, Mari paganism, mythology, Vyatka region, sacred groves and ponds.

Культурный ландшафт Кировской области (дореволюционной Вятской губернии) отличается своей поликультурностью. В средневековую эпоху её южные земли последовательно оказывались под властью Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, Московского царства. Такая встреча, а иногда и столкновение культур сделало вятскую землю территорией не только географических, но и ментальных границ. Этнокультурный ландшафт Вятского края складывался в эпоху формирования здесь финно-угорской общности, в V – III веках до н. э. В VIII веке происходил процесс выделения отдельных этносов: удмуртского, марийского, коми-пермяцкого. Девятый век в ходе общемарийского этногенеза стал временем разделения этого народа на две этнические группы: горные марийцы, расселившиеся на правобережья Волги и луговые (береговые) мари Ветлужско-Вятского междуречья. В период расцвета Волжско-Камской Булгарии, Золотой орды, Казанского ханства поселения вятских марийцев входили в состав этих государств. Одновременно с XII века ощущались и славянские влияния в связи с проникновением на среднюю и нижнюю Вятку русских из северо-восточных княжеств Киевской, а затем Московской Руси. В XVI веке южновятские земли были включены в состав Московского царства.

Несмотря на массовую насильственную христианизацию, начавшуюся в XVIII веке, значительная часть мари оставалась верна традиционным языческим верованиям. В народном мировоззрении, с одной стороны, слились различные мифологические системы – уральская, финно-угорская, тюркская, с другой – смешение языческих верований с православными элементами породило двоеверие. Всё это определило особенности этнокультурного ландшафта Вятского края, южные территории которого вошли в общемарийскую сакральную географию. Поверья, легенды, собранные на территории Кировской области и имеющие топонимическую привязанность, передаются вербально и дают ключ к расшифровке этнокультурного пространственного кода, а также материал для интерпретации представлений, связанных с реально существующими географическими объектами.

Сакральное место – это священная территория, наделяемая сверхъестественными качествами, относящаяся к небесному, религиозному, сверхъестественному. В системе архаичной культуры сакральные места ландшафта следует рассматривать, прежде всего, в качестве ритуальных пространств. Ещё в XIX веке предметом внимания исследователей стал культ деревьев и рощ, свойственный практически всем народам арийского происхождения.

Наиболее известной работой на эту тему стала книга Д. Фрезера «Золотая ветвь», в которой автор описал множество подобных культов с целью осмысления мифоритуальных смыслов Арицийского святилища. Английский антрополог заметил, что исключительное значение священных рощ и деревьев подчёркивается множеством запретов. Так, к примеру, у литовцев, которые ухаживали за священными рощами рядом со своими деревнями и домами, считалось грехом сорвать там даже ветку. Нарушение табу влекло жестокие наказания: у германцев осмелившемуся содрать кору стоящего дерева «…вырезали пупок и пригвождали его к той части дерева, которую он ободрал; затем его вертели вокруг дерева до тех пор, пока кишки пол-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ностью не наматывались на ствол…»[1]. Это объясняется не столько стремлением наказать преступника, предотвратить повторение проступка в будущем, сколько магическим мировоззрением архаичного человека – представлением о том, что таким образом можно заменить засохшую кору дерева живой тканью.

Потусторонняя реальность в картине мира архаических обществ, не смотря на её ментальный характер, воплощена в конкретном природном ландшафте, который становится сакральным. Как универсальный феномен культуры почитание священных деревьев и рощ вписывается у Д. Фрезера в анимистическую теорию, являясь следствием культа плодородия, магических представлений о священном круговороте смертей и рождений, постоянно происходящем в природном и человеческом мирах. Ритуал в его теории соответствовал протонаучной стадии в развитии человеческого мышления.

По мнению Э. Дюркгейма, Фрезер не сумел распознать глубоко религиозный характер анализируемых им верований[2], выражающих коллективные представления архаических обществ. В теории французского социолога сущностной чертой всякой религии является представление о природе, свойствах, способностях, истории священных явлений, их отношениях между собой и со светским миром. «Религия, – пишет Э. Дюркгейм, – это единая система верований и действий, относящихся к священным, т. е. к отделенным, запрещенным, вещам»[3]. Вся реальность делится на два радикально противостоящих друг другу начала: мирское и священное. Если мирское (профанное) носит характер рутинной, повседневной жизни, то сакральное неприкосновенно, запретно, тайно, здесь действуют иные, более высокие энергии. Эмоциональные ценности приписываются и качественно не равным географическим пространствам, относящимся либо к профанному, либо к священному. Материальное, видимое пространство разделено, но религия предоставляет возможность верующему перейти границу, совершив при этом метаморфозу.

Каким видим, описывая картину мира архаических обществ, Э. Дюркгейм утверждает присутствие в ней ментального разделения, порождающего пространственные границы. Учёный не ставил своей целью изучение семантики ландшафтов. Архаические представления о географическом пространстве становятся предметом культурантропологического, философского, религиоведческого осмысления в структурализме, а также у исследователей, применявших психоаналитический подход в изучении культурных феноменов.

Интерпретации пространственно-временных архетипов посвящены работы румынского религиоведа М. Элиаде, уделявшего изучению феномена центра и границы в этнокультурном ландшафте особое внимание. Человеческий мир есть мир ментальных границ между порядком и хаосом. Горы, реки, города, святилища имеют «внеземные архетипы», существующие на высоком «космическом уровне». Тогда как «дикие, невозделанные земли, неведомые моря, «куда не осмеливается заплывать ни один мореход… уподобляются Хаосу», и «относятся к ещё не дифференцированному, бесформенному бытию, предшествующему Сотворению»[4]. Поэтому ключевым элементом в овладении территорией становится символическое повторение «акта Сотворения», невозделанную область следует прежде “космизировать”, а потом уже заселить». Существуют ландшафты, наделённые статусом Центра Мира, в «мифической

[1] Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/frezer_dzheyms_dzhordzh/zolotaya_vetv/

[2] Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. М.: Канон+, 1998. С. 200.

[3] Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. М.: Канон+, 1998. С. 230.

[4] Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) // Элиаде, М. Избранные сочинения / перев. с фр. – М.: Ладомир, 2000. С. 29.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

географии» таких центров может быть множество. Они могут материализовываться посредством иерокосмических символов, таких как символ Мирового древа. Сакральные пространства являются границей трёх миров, территорией «разрыва уровней» Неба, Земли и преисподней. При этом любое священное место, где свершается проникновение сакрального начала в мирское пространство, в архаической культуре рассматривалось как Центр»[5].

В отечественной науке методология исследования ментальных границ культурного ландшафта была развита в рамках семиотической школы. М. Лотман писал: «Пересеченность семиотического пространства многочисленными границами создает для каждого движущегося в нём ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации…»[6]. Подобно М. Элиаде, Ю. Лотман противопоставил внутренний мир космоса располагающемуся по ту сторону границы миру хаоса, населённому чудовищными, инфернальными силами. Данный теоретический подход открывает перспективы прикладным исследованиям локального этнокультурного ландшафта, в частности интерпретации сакральных ландшафтов в качестве пограничных территорий.

Священные рощи: граница мирского и сакрального в этнокультурном ландшафте

Финно-угорский языческий культ описывал в своей книге ещё Д. Фрезер: священные рощи «представляли собой простые поляны или расчищенные участки леса с несколькими деревьями, на которых в былые времена развешивались шкуры принесенных в жертву животных. В самом центре рощи… стояло священное дерево, которое затемняло собой все окружающее. Прежде чем верующие соберутся, и жрец вознесет молитвы, у корней дерева приносили жертву, а ветви его нередко служили чем-то вроде кафедры. В роще воспрещалось рубить деревья и срывать ветви; женщины туда, как правило, не допускались»[7].

Марийские священные рощи именуются кереметищами. Слово «кереметь» заимствовано из тюркского языка и связывается с исламским «карамат», обозначающим чудотворения, происходящие с мусульманами или совершаемые ими. У народов Евразии кереметь – высший дух добра и зла, следовательно, марийское кереметище – место, где обитает дух. Роща-кереметище понимается как «божий лес», где запрещалось трогать даже поваленные деревья, опасались топтать траву, поэтому на кереметище приносили и расстилали коврики. Сегодня такие места известны жителям Уржумского, Малмыжского, Кильмезского районов Кировской области. Марийские деревни располагается в Тужинском районе (Полушнур, Пачи-Югунур, Ныр, Пиштенур, Масленская).

Жители с. Русский Турек (Уржумский р-н) утверждают, что «кереметищами» марийские святилища звали лишь русские. Более верными являются марийские названия молельных рощ: юмомоту (юмо-ото) – места, где проходили моления Юмо (общее наименование марийских богов) в дни общемарийских празников, в частности весеннего «праздника плуга» Ага Пайрам, поэтому как рощу, так и отдельное священное дерево именовали «агабарьям». В деревне Тюм-тюм (Уржумский р-н) моления в ага-барьям совершали на Семик[8]. Другое название молельных рощ – кысоту – так, по свидетельству информанта из Русского Турека, называли рощи, где проходили моления для «избавления от

[5] Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) // Элиаде, М. Избранные сочинения / перев. с фр. – М.: Ладомир, 2000. С. 157.

[6] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки рус. культуры, 1999. С.188.

[7] Фрезер Д.Д. Золотая ветвь.

[8] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 471 С. 301.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

чего-то»[9], в Тюм-тюм кюсёта – главное святилище, где также проходили моления на Семик.

В священные рощи, находящиеся вокруг Пиштенур («Шалаенский куст»), приходили молиться из деревень Немдежаны, Югунур, Комары, под влиянием христианизации эта роща была покинута, но местный библиотекарь рассказал, что некоторые грибники видели в лесу молящихся людей в белых одеждах.

Как правило, святилища – это аномальные места ландшафта. О необъяснимых явлениях, происходящих в этих местах, вспоминают старожилы, и марийцы, и русские. Население опасается ходить в священную рощу деревни Пиштенур, приносить что-либо из неё. Объясняя это, рассказывают о случаях беспричинного беспокойства и галлюцинаций у мужчин, которые привезли из леса дрова.

Неподалеку от Пиштенур располагалась марийская деревня Югунур (с марийс. – «березовое поле»), рядом с которой также находилась священная роща. По словам русского населения, «пиджаки» (так русские называли жителей д. Югунур) колдовали в этих местах, и редко какой человек подходил к лесу, марийцы также боялись ходить в лес в одиночку. По рассказам пожилой жительницы Пиштенур (бывшей жительницы д. Югунур), населению деревни периодически были видения: им казалось, что несколько человек в белых одеждах идут в сторону рощи. По словам женщины, она сама стала свидетельницей странного явления: около леса её лошадь неожиданно подскочила и быстро поскакала в сторону кладбища; сделав круг, она снова оказалась около рощи, так повторялось несколько раз. После исчезновения деревни, жители Пиштенур ходят в этот лес за грибами, и рассказывают, что нередко здесь блуждают, видят людей в белых одеждах, и каждый раз ощущают пристальный взгляд. По словам некоторых, в лесу они видели гигантского человека, который заманивал их в самую глушь пряниками и другими сладостями.

Для русского населения марийские священные рощи это не только пространство, где человек соприкасается с потусторонним, но и чужая в этнокультурном отношении территория, заколдованная с помощью марийской магии: «диконький водит, пиджаки заколдовали лес».

Особенно опасны подобные места в ночное время. В архаических культурах время и пространство нераздельны: в темное время суток граница с потусторонним миром приближается к профанному миру[10], и на границе можно столкнуться с вредоносными силами, поэтому священные моления совершаются только днём.

Интересно, что убеждённость в паранормальности пространства марийских сакральных рощ выражается не только в народных поверьях, но и скептически настроенными учёными-археологами. Так, по свидетельству одного из членов археологической экспедиции 1990-1991 годов, исследовавшей Кадочниковский могильник (с. Лазарево Уржумского р-на), неподалеку от которого находится и священная роща, многие деревья здесь имеют сильно деформированные стволы и ветви, что не связано с деятельностью человека, в роще не селятся птицы и млекопитающие[11]. Ландшафт наделён опасной энергетикой, у учёных постоянно возникало ощущение присутствия некой невидимой силы, «время как бы перестало существовать, мы попали в какой-то совершенно иной мир, мир холода и ужаса»[12]. На раскопках стали происходить странные вещи: при безветренной погоде на головы людей летели ветки деревьев, словно

[9] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 471 С. 298.

[10] Легенды Лежнинского озера. URL: http://dinotour.ru/ru/interesting/legendy_lezhninskogo_ozera/ С. 183

[11] Ветлужских В. А. Необычные раскопки. URL: http://kotelnich.info/kotelok/viewtopic.php?p=7005

[12] Ветлужских В. А. Необычные раскопки. URL: http://kotelnich.info/kotelok/viewtopic.php?p=7005

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

на местность внезапно обрушился ураган, дежурные лагеря видели трехметрового человека в черном балахоне.

Близость священной рощи и могильника не случайна – объекты расположены на опасной границе с миром мёртвых, чужих, от вредоносного влияния обитателей которого следует защищаться. Около священной рощи в Лазарево были найдены бронзовые перстни с магическими знаками и изображениями языческих богов, которые использовались марийцами для отпугивания злых духов, похищающих души мёртвых. И, судя по развешанным на деревьях марийским полотенцам, ещё в последнее десятилетие XX века святилище было действующим.

В лазаревской роще были обнаружены деревья возрастом до 70-100 лет. В центральной части святилища – круглая поляна, ограниченная старой берёзой с деформированным стволом и кроной. Особо выделенное дерево – обязательный атрибут марийских сакральных рощ. Располагаясь в самом центре пограничного ландшафта, оно является основным посредником между человеком и сверхъестественными силами иного мира. Возле священного дерева строились алтари из жердей, которые покрывались, например, пихтовыми ветками. В с. Шурма (Уржумский р-н) рассказывают: «У каждой семьи свое дерево. Там все молятся, и варят, и едят. Бывает елка, бывает береза. Иногда бывает сосна. Это священное дерево. Ему свечи ставили, ему полотенца вешали»[13].

В сознании марийцев сохранились представления о дереве как вертикальной космической модели Вселенной. Оно служит алтарем, поскольку дерево – центр мира и опора вселенной. Дерево является символом Жизни, плодородия, отождествляется с источником бессмертия (Древо Жизни) и соответственно – символ воскрешения растительности, весны. В древнейших мифах подчеркиваются мистические узы между деревьями и людьми (деревья рождают людей; дерево как хранилище душ предков человека). В роли мирового дерева выступали береза, дуб, рябина. Марийцы считали, что дерево связывает людей и богов. Корни олицетворяли мир предков, ствол – мир людей, а ветви – мир покровителей, которыми управляет Верховный бог Куго Юмо. Береза – это дерево девушек, мужское дерево – дуб, женское – липа. Эти три дерева часто оказываются главными в священных рощах, или выступают как деревья целители.

Желая пересечь границу, участник ритуала должен помнить об опасностях, подстерегающих его здесь и соблюдать предосторожности, демонстрируя почтение существам потустороннего мира. В 2013 г. студенты Вятского государственного университета беседовали с марийской семьёй из Малой Кильмези. В священной роще этого села течет ручей, который быстро засыхает, поэтому в народе рощу называют «сухим логом». Многие здесь, рассказывают старожилы, теряются или даже погибают, но избежать беды можно с помощью некоторых обрядовых действий. Если заблудившийся в лесу положит на пенек кусок хлеба и объяснит хозяйке леса причину своего прихода, она смилуется и отпустит.

По словам А.К. Байбурина, человек склонен видеть в чужом не только нечто деструктивное, противостоящее своему, но и ту силу, которая послужила толчком к рождению мира, человека и которая снабжает его «ресурсами»[14]. Чтобы это произошло, следует соблюдать все тонкости ритуала, сам человек на время должен стать другим, священным существом, перейти границу не только внешне, вступая в определённое сакральное пространство, но и внутренне. Как подчеркивал М. Элиаде, ряд традиций предполагал, что проникновение в Центр Мира, каковым и являлись свя-

[13] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 198–299.

[14] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб: Наука, 1993. С. 183.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

щенные рощи, связывалось с преодолением трудностей[15]. В Русском Туреке за неделю до моления мыли пол, чистили печи, сараи, мылись в бане[16]. Участники культа в священной роще надевали белую одежду, символизирующую миролюбие, чистоту. Согласно марийским языческим представлениям, боги любят этот цвет, поэтому в одеждах другой окраски в рощи входить не разрешалось. Главным молениям в кереметищах предшествовали домашние обряды.

Как ритуальные пространства святилища олицетворяют космический порядок, созданный богами, и символически воспроизводимый в сакральном ландшафте. Так, лазаревское святилище находится на самой высокой точке местности и представляет собой идеальный круг – общечеловеческий символ священного центра родины, небесной тверди (юмын), где обитают боги. В астрономической символике священное дерево символизирует Полярную звезду, отождествляемую с мировым столбом. Некоторые марийские рощи имели три входа. Восточный, предназначенный для ввода животных, которых приносят в жертву божествам и духам, южный – для подноски ключевой воды и западный – для участников моления. Перед совершением обрядов в священных рощах устанавливались качели. Согласно марийским мифам, небесные существа спускались к людям на шелковых качелях[17], а ритуальное качание на качелях является символом преодоления границы земного и небесного, божественного.

Приближение божественного мира к земному происходит в определенные периоды года, связанные с солнечным циклом. Зимнее, летнее, весеннее, осеннее солнцестояние, а также смена времён года отмечается праздниками земледельческого календаря. В это время совершаются моления и жертвоприношения в юмо-ото. В «Шалаенском кусте» в жертву в основном приносили овец. Жители Малой Кильмези утверждают, что если мариец пообещал принести жертву, то он должен в роще зарезать барана. Старожилы даже рассказывают, что один из марийцев принес в жертву своего нелюбимого сына.

Подробное описание обрядов в юмо-ото Малмыжского уезда оставил С.К. Кузнецов, наблюдавший марийский Сюрем (праздник летнего жертвоприношения) в конце XIX века: в назначенный день с северо-запада к юго-востоку карты (жрецы в марийской традиционной религии) разложили семь огней[18]. В финно-угорском мировоззрении число семь является священным, восходящим к космологическим символам: число семь дают четыре стороны света и три яруса Вселенной, семидневной была и лунная неделя. Кроме того, считалось, что хлебу, пашне и пчеловодству покровительствует по семь богов. Огонь, зажженный на северо-западе, посвящался Юме, а ближайший к нему – Юмын-аве (матери Кугу Юмо, великого бога). При каждом огне, где находится карт, расстилалось сукно, на которое ставились жертвенные напитки и пирожное. Служащий Юме держит жеребца, Юмын-аве – корову, остальные «имеют при себе» мелкий скот или птиц[19].

Комментируя символику жертвоприношения как обряда, совершаемого на границе двух миров, А.К. Байбурин утверждает, что оно является способом установления контакта между представителями своего и чужого, организует обмен «ресурсами», целью которого является поддержание равновесия между сферами земного и потустороннего,

[15] Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) // Элиаде, М. Избранные сочинения / перев. с фр. – М.: Ладомир, 2000. С. 159.

[16] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 298.

[17] Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров. URL: http://bookitut.ru/Mify-finno-ugrov.AContents.html

[18] Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып. 1: Сб. материалов. Йошкар-Ола: МАРНИИЮ 2003. С. 106.

[19] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

являющегося источником благ[20]. Священность ритуала жертвоприношения подчеркивается запретом на использование железных ножей, карт использует деревянный нож, жертва разрывается руками[21], затем мясо варится в общем котле, что символизирует соединение, восстановление космоса.

Согласно марийским мифам, в счастливые времена золотого века небо и земля были едины. Но Юмо, осерчавший на женщину, которая «оскорбив хлеб» совершила святотатство, разъединил небо и землю. Жертвопрношение в священной роще выражает стремление вернуть золотой век. В этом священном пространстве человек может «утолить тоску по утраченному раю и обрести истинное бытие»[22]. Восстановление космического порядка связано и с идеей избавления от греховности человеческой природы, заложенной в процессе творения. Огонь здесь является символом обновления, очищения «своего»[23].

Другой марийский миф гласит: Кугу Юмо велел своему младшему брату Керемету, который плавал в водах первичного океана в облике селезня, нырнуть и достать со дна ил (землю). Керемет сделал это, но часть земли утаил в клюве. Бог своим дуновением сотворил землю с равнинами, пастбищами, лесами. Керемет же выплюнул утаенную часть и создал горы. Кугу Юмо сотворил человека и поднялся на небо за душой для него, оставив сторожем собаку, не имевшую шкуры. Керемет напустил мороз, соблазнил собаку шубой и «оплевал» человека. Возвратившись, бог проклял собаку, а человека вывернул наизнанку, и тот стал подвержен всевозможным болезням и греху из-за «оплеванных» Кереметом внутренностей[24].

Таким образом, ритуал в юмо-ото имитирует события высшего, космического порядка, символизирует «грозящий распад мира», соединение и в то же время разделение земли и неба[25] в сакральном центре Вселенной, у мирового древа. Священная роща символизирует сотворённую из вод первобытного океана землю. Не случайно на территории или около священной рощи расположён водоём с чудодейственной водой, а почитание сакральных водоёмов – не менее важный компонент сакрального ландшафта.

Сакральные водоёмы: граница грешного и праведного, земного и подземного

Марийцы обращались к воде, как к живому существу, отношение к ней раскрывается через марийскую пословицу: «Земля – наша матушка, вода – наш батюшка», поэтому особое внимание проявлялось к сохранению чистоты воды, каждый год источники чистили и облагораживали, строго следили, чтобы в них никто не выливал грязную или мыльную воду. Верили, что духи воды за это могут наказать: лишить удачи на рыбалке, «спрятать» воду.

Известны источники Уржумского р-на – Шумиха на реке Буй, в д. Пумарь, ключ Кипун в с. Лопьял, Кугерский ключ, а также источник в деревне Мари-Ушем (Яранский р-н) расположенный в лесу, на берегу речки Лум.

По словам М. Элиаде, общечеловеческая символика Вод предполагает в равной степени как смерть, так и возрождение, ведь за разложением следует новое рождение, погружение удобряет и

[20] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб: Наука, 1993. С.183.

[21] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 298.

[22] Элиаде, М. Образы и символы (эссе о магико-религиозной символике) // Элиаде, М. Избранные сочинения / перев. с фр. – М.: Ладомир, 2000. С. 159.

[23] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб: Наука, 1993. С. 150

[24] Петрухин, В.Я. Мифы финно-угров. URL: http://bookitut.ru/Mify-finno-ugrov.AContents.html

[25] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб: Наука, 1993. С.188.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

множит жизненный потенциал[26]. Не случайно в чудодейственную силу ключевой воды верили не только марийцы, но и русские. Водой умывались и пили в надежде на исцеление от болезней, для укрепления здоровья и сил. Ключ в Мари-Ушем выбивал из земли в вершине овражка, затем сместился вниз, к устью оврага, где была установлена беседка для ритуальной трапезы и устроено укрытие для обливания водой[27]. Несмотря на все запреты и гонения, сюда приходили и в советские годы. Об этом свидетельствует бывшая жительница деревни Евдокия Пимовна Шамаева: в годы ее молодости этот источник марийцы очень почитали, регулярно ходили молиться.

По словам Евдокии Пимовны, священные источники были не только в Яранском, но еще и в Кикнурском районе: марийцы ходили в деревни Дивеево и Беляево, но потом эти места забросили, и сейчас не посещаются, тогда как мари-ушемский источник не забыт. На протяжении XX века к нему сходились люди со всей России, а ученые обнаружили в его воде серебро. И в настоящее время, ежегодно третьего июня в марийский праздник «Оленин день» сюда стекаются сотни паломников из Кировской, Нижегородской областей, республики Марий Эл. Православная церковь в этот день чтит память равноапостольной царицы Елены, а в народе он имел значение земледельческого культа: «Олёны – длинные льны» (Елена Льносейка). С этого дня сеяли лён, что сопровождалось специальными обрядами, направленными на обеспечение богатого урожая. Следует отметить, что вятские марийцы издавна выращивали лён.

Христианизация марийцев, а также их постоянное соседство с русско-православным населением привели к тому, что старинные языческие святилища наделялись христианской семантикой. В настоящее время мари-ушемский источник почитается как Никольский. Образ св. Николая, «русского бога», как нередко называли его иностранцы из-за особого почитания св. Николая в России, оказался близок и марийцам, которые отождествили христианского святого с верховным богом языческого пантеона Кугу Юмо.

Так, моления на Шумском источнике (Уржумский р-н), проходившие на Николу вешнего, посвящались Никол-юмо – «покровителю народа и животных». В культе обнаруживаются языческие обряды поклонения богам, отвечающим за приплод скота, плодородие, а также почитание деревьев: «Несут яйца, лепёшки с творогом, шерсти клок. Это всё оставляется, чтобы овец спасал. Там старая ива растёт под часовней. Недалеко от неё и оставляют»[28].

Сакральный статус Никольского источника в Мари-Ушем подчеркивается в современном фольклоре: согласно поверьям, всякое «осквернение» святыни грозит исчезновением источника. Так, к примеру, произошло в 2009 г. на праздник Преображения Господня в результате того, что приехавшие к источнику бросили в него собаку[29].

Недалеко от источника деревни Мари-Ушем расположено почитавшееся марийцами карстовое озеро Ахмановское. Краеведы записали легенду, сообщающую о том, что озеро образовалось за один день на месте деревни. На территории Кировской области есть несколько карстовых озёр. Являясь памятниками природы, такие «провальные» озёра рождали много легенд, а потому вправе считаться сакральными ландшафтами области, к культе которых наиболее ярко реализовалось восприятие ландшафта как границы земного и потустороннего.

[26] Элиаде М. Священное и мирское // Элиаде, М. Избранные сочинения. С. 314.

[27] Никольский источник у деревни Мари-Ушем. URL: http://komanda-k.ru/2011/mariiel

[28] История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / под ред. В. А. Ивановой. М. [Киров]: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 38.

[29] Никольский источник у деревни Мари-Ушем. URL: http://komanda-k.ru/2011/mariiel

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Марийским сакральным объектом стала «жемчужина Кировской области» озеро Лежнинское (Пижанский р-н). Правильной овальной формы, оно располагается на 7–8 метров выше, чем все окрестные реки. Сюда собирались марийцы не только из ближайших сел, но и из далеких южных районов. Озерная вода считалась целебной, марийцы использовали её для лечения глаз от трахомы, при болезнях желудка и кишечника. По рассказам местных жителей, озеро образовалось около 400 лет назад на дне гигантской воронки, внезапно возникшей прямо на окраине деревень Лежнино и Мокрецы.

Предания сообщают, что в воронку провалилась часовня и некоторые строения деревни Лежнино[30]. Эти воспоминания стали причиной возникновения легенд, в которых, во-первых, воплотился архетипический образ святого озера, на дне которого сокрыт мир праведников. Как утверждают старожилы, если присмотреться, то сквозь необычайно чистую воду на дне озера можно увидеть дома и часовни и даже услышать колокольный звон. В озере живёт монах – хранитель этого места, который каждую ночь выходит из воды и обходит свои владения, показываясь на глаза лишь безгрешным. Во-вторых, в местных преданиях содержится мотив небесной кары с помощью воды: деревни провалились за грехи.

Согласно православному мировоззрению, которое стало частью религии вятских мари, озеро есть граница между миром грешников и праведников, избежавших божественной кары. Тогда как языческие предания населяют дно озера другими существами. Старожили рассказывают, что на Лежнинском и Ахмановском озёрах видели русалок. Ночью они выходят из воды, садятся на берег и расчесывают свои длинные волосы.

В озере Никулятском, расположенном между городом Яранском и селом Пижанка, якобы живёт чудовище, издающее страшный крик. Марийцы здесь совершали жертвоприношения, семантику которых можно связать с архетипичным мотивом жертвы или схватки со злом. В одной из легенд говорится, что Никулятское является одним из множества соединявшихся друг с другом озёр Кировской области и Мари-Эл. Интересно, что по озеру проходит граница двух районов. Яраничи называют озеро Никулятским, т.к. с их стороны располагалась именно эта деревня, а пижанцы – Лёшкинским, по названию деревни этого района.

Вариант мотива борьбы со злом воплотился также и в преданиях об озере Шайтан, расположенном недалеко от поселка Лебяжье (Уржумский р-н). Природная уникальность этого водоёма в том, что по нему дрейфуют острова, покрытые растительностью, некоторые из них способны выдержать человека. Иногда озеро выбрасывает вверх водные столбы различной высоты.

Согласно легенде, озеро появилось на месте битвы марийских воинов с Шайтаном-кереметем. Воины сражались всю ночь, на рассвете Шайтан обнаружил, что бился с самим собой, а все погибшие оказались его бойцами. Жены увидели погибших мужей, принялись плакать. От их слез образовалось озеро, поэтому вода в нем – темная, как кровь, а зачерпнешь – чистая, как слеза. Шайтан скрылся в озере. Как только он начинает сердиться, вода бурлит и пенится, поэтому ни в коем случае нельзя загрязнять воду, иначе Шайтан разозлится и накажет. Марийцы говорят, что шайтану не нравится жить под водой, сердясь, он рождает новые острова. Но происходит это редко – «стар стал Шайтан»[31].

В священных рощах, расположенных на берегу озера, молились, просили Шайтана о милости,

[30] Легенды Лежнинского озера. URL: http://dinotour.ru/ru/interesting/legendy_lezhninskogo_ozera/

[31] Шутова, Н. И. Озеро в традиционных представлениях народов Камско- Вятского региона // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. №3. С. 54.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

приносили ему жертвы – самые богатые трофеи, добытые на охоте. По одной из легенд, однажды над поселением началась гроза, которая свалила в священной роще огромный дуб. Марийцы, решив, что бурю наслал Шайтан, разозлились и с оружием пошли с ним сражаться. Почти никто из мужчин не вернулся домой. После этого дух шайтана разозлился еще сильнее.

Человек, вырубивший дерево у воды этого озера, должен был посадить в десять раз больше, чтобы дух Шайтана не прогневался и не выгнал его из деревни. Марийцы жили недалеко от Шайтан-озера, но опасались близко к нему подходить, купание в озере считалось страшным наказанием. Верили, что дух Шайтана наводит на людей тоску, несчастья, ненависть, вражду и болезни.

Таким же опасным местом в марийских представлениях считалась река Уртма – левый приток Ярани. Марийцы называют ее «рекой духов» или «рекой призраков». На дне этой реки бьют ключи, и иногда вода выплескивается фонтанами, поэтому страх людей перед рекой, где живут злые духи, сочетался с почитанием. На берегу реки совершались обрядовые действия, считалось, что река Уртма обладает целительными свойствами, марийцы приходили, чтобы вылечить суставы или промыть раны[32].

Таким образом, в ландшафте вятско-марийских поселений устанавливается два вида границ. Первая, видимая граница, отделяет деревню, свой, населённый мир от мира, расположенного за его границей, чужого. Если деревня – мирской мир, то роща – особо отделённый от него, но свой «чужой» мир. Во-вторых, граница – разрыв между профанным и священным, внешним и внутренним. Двойственность семантики священных рощ и водоёмов раскрывается в восприятии их как священного Центра мира и одновременно страшного места.

В этнокультурном ландшафте вятских мари отчётливо просматриваются черты народного православия, элементы двоеверия. Если быстро текущая вода родника, как правило, рассматривается носителем целительных сил, то поверья, связанные с рощами и карстовыми озёрами Вятского края противоречивы. С одной стороны, в них воплотился традиционные христианские мотивы: в результате затопления конкретное место ландшафта становится границей, разделяющей мир праведников и грешников. Священную рощу марийцы рассматривали местом временного обитания богов, это сакральная территория, в пределах которой возможен контакт человека с языческими духами.

С другой стороны, – языческие верования, объясняющие непонятные, особенно удивляющие, пугающие людей явления природы, наделяют их статусом опасных, страшных мест на границе человеческого и нечеловеческого, чужого. Для непосвящённых это опасные места, тогда как обладающие сокровенными знаниями способны активизировать космические энергии в «местах силы». Там, где пересекаются миры, посвящённые, исполняя ритуал пересечения границы, в то же время восстанавливают, укрепляют границу для поддержания космического баланса. В представлениях о священных местах отразилось не только восприятие ландшафта как границы миров, но и пограничного существования самого человека.

[32] Кабанов, В. Мифы, сплетни и правда о священной речке Уртма и ее целительных родниках // Здравствуй, Яранскъ! Историко-публицистический альманах. Яранск, 2012. С. 33–35.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV

Пермский государственный научно-исследовательский университет, Россия
Заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций
Доктор филологических наук, профессор

Perm State University, Russia
Head of Journalism Department, Professor, PhD, Dr. Sci. (Philology)
vv_abashev@mail.ru

Анастасия Владимировна ФИРСОВА / Anastasija FIRSOVA

Пермский государственный научно-исследовательский университет, Россия.
Доцент кафедры туризма, кандидат географических наук

Perm State University, Russia
Associate Professor of Tourism Department, PhD
firssowa@mail.ru

ПРОГУЛКА И ЭКСКУРСИЯ В РЯДУ ТЕЛЕСНО-ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются опыты испытания явных и неявных пространственных и темпоральных границ в телесно-дискурсивных практиках освоения городского пространства. Прежде всего, традиционных (прогулка и экскурсия), но также и экстремальных (дрейф, руфинг, диггерство, паркур). Продуцирование и испытание границ рассматривается как источник порождения текстов о городе: вербальных, акциональных, визуальных. Прогулка и экскурсия анализируются как доминирующие источники самоописаний города. Семантика городских границ рассмотрена также в контексте культурной прагматики. В экскурсионной практике граница эксплуатируется как культурно-символический ресурс территории.

Ключевые слова: город, телесно-дискурсивные практики, культурная прагматика, структура пространства, граница, фланер, экскурсовод, текст.

STROLLING AND GUIDED TOUR IN THE CONTEXT OF OTHER BODILY AND DISCOURSE PRACTICES OF URBAN SPACE EXPLORATION

The article examines the experience of testing implicit and explicit boundaries, and also spatial and temporal ones in the urban practices and in the subcultures - traditional (strolling and guided tour) and extreme ones (drifting, roofing, digging, parkour). Border constructing and border crossings are being studied as a source of texts about the city: verbal and visual texts. Strolling and guided tour are being considered as the main source of self-description of the city. Semantically the boundaries here are being the cultural symbol of the territory.

Key words: City, bodily and discourse practices, cultural pragmatics, structure of Space, border, strolling, guided tour, text.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Владимир Васильевич АБАШЕВ / Vladimir ABASHEV | Анастасия Владимировна ФИРСОВА / Anastasija FIRSOVA

| Прогулка и экскурсия в ряду телесно-дискурсивных практик освоения городского пространства / Strolling and Guided Tour in the Context of other Bodily and Discourse Practices of Urban Space Exploration |

Город слоится границами во времени и пространстве, по горизонтали и вертикали – культурно-историческими, административными и ведомственными, экономическими, политическими, семантическими. Они не всегда имеют пространственное выражение. Но в любом случае границы спроецированы в пространство и читаются в нем по следам, как читается слоение пластов времени в надстройке советского периода над зданием XIX века[1]. На фасаде центрального универмага в Перми, как на экране времени, соседствуют популярные символы местной идентичности – фигуры пермского звериного стиля – с логотипом Макдональдса и шрифтовой композицией названия в стилистике советских 1970-х гг.

В исторической жизни город продуцирует все новые и новые границы. Ограничиваются места власти и богатства, ограничиваются места экономического производства, ограничиваются места производства культуры, незримо ограничиваются опасные и темные места города, как и места вторжения дикой природы – овраги, малые реки, есть места техногенные, – все эти пространства выделены то явной, то неявной, то проницаемой, то непроницаемой или избирательно проницаемой границей.

Каждый горожанин имеет повседневный опыт обращения с границами. Среди них есть непреодолимые для лиц, не имеющих специального доступа. Другие проницаемы при выполнении простых правил: приобрести билет, предъявить пропуск, оставить запись в книге посетителей. Третьи не имеют явных границ, но относительно их есть общая конвенция: дальше начинается нечто иное, что требует от тебя быть иным. Так мы входим в район с репутацией опасного или пересекаем клин дикого природного пространства, еще не освоенного и не переработанного городом.

Во всяком случае, независимо от степени и условий проницаемости переход любой границы требует смены кода поведения в соответствии с внутренними правилами отграниченной сферы. Ее языком. Это общий закон. «Функция любой границы, – как писал Ю.М. Лотман, – сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее». Это «инвариантная функция» границы. Способ ее реализации определяется внутренней природой отграниченных пространств – физических или идеальных. «На уровне семиосферы, – продолжает Лотман, – она означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, равно как и превращение внешних не-сообщений в сообщения, т. е. семиотизацию поступающего извне и превращение его в информацию»[2]. Иными словами, операции с границами неизбежно связаны с практиками дискурсии, текстообразования.

Этот общий закон семиотизации работает и тогда, когда границы взламываются силой и рисунок отношений внешнего и внутреннего по видимости меняется. В «Посторонних» («Bande à part», 1964) Жан-Люка Годара троица молодых людей с грохотом пробегают безмолвными и чинными коридорами Лувра, минуя служителей, пытающихся их остановить. Они пересекают границу музейного пространства, но не подчиняются внутренней семиотике поведения. Они навязывают музею свою – логику спортивного состязания. Герои Годара по сюжету бесшабашно пробуют побить рекорд некоего туриста, обошедшего Лувр за считанные ми-

[1] О слоении города по темпоральной оси см.: Ромашко С. Монумент-сувенир-улика //Логос. 1991-2005. Избранное. М., 2006. Т.2. С.508-520.

[2] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера - история. Москва, 1996. С. 188.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

нуты. Но, с другой стороны, не превращает ли музей группу бегущих вопреки их намерениям в свое собственное произведение – перформанс или хэппенинг? На идее нарушения легитимированной традицией границы строились многие эксперименты искусства XX века: что, например, произойдет с бытовой вещью, если она будет извлечена из границ собственного утилитарного существования и «выставлена» – перемещена в художественную галерею?

Пересечение границы становится событием и требует рефлексии. Оно запускает механизм текстопорождения. Так граница связывается с текстом.

В настоящей статье нас интересуют именно такие телесные практики работы с пространством города и его границами, которые оставляют дискурсивный след – сопровождаются рождением текста. Собственно съемками пробега по Лувру Жан-Люк Годар документирует идею и практику дрейфа как испытания легитимированных границ пространств, объединяемых городом.

Современная урбанистическая культура предполагает экстремальные телесные практики, предлагающие взлом границы и вторжение как свои основные принципы. Руферы и диггеры открывают новые зоны жизни города, «незаконно» пересекая верхнюю и нижнюю границы городского пространства. Подвалы и подземные коммуникации, крыши и незаконченные высотные здания превращаются в пространства игры, приключений или поиска. Адепты паркура видят город как нагромождение барьеров, созданных для преодоления. Осваивают город как пространство препятствий[3].

Все эти практики телесной экспансии наглядно обнаруживают пространство города как слоение границ. Все они имеют дискурсивную составляющую, проекцию. Их участники, пользуясь возможностями социальных сетей, документируют свою деятельность, реализуя новый взгляд на город и новую оптику освоения его пространства.

Но мы остановим здесь внимание не на таких радикальных экспериментах с пространством города, а на традиционных, которые составляют доминирующие культурно легитимированные практики освоения городского пространства: прогулке и экскурсии. Рассмотрим прогулку и экскурсию в их отношении к границам городского пространства, во-первых, и как способы текстопорождения, во-вторых.

Роман и поэзия XIX – начала XX века увидели и представили город глазами гуляющего фланера. Поэзия города – его произведение. Фигуру носителя новой оптики взгляда на городские улицы концептуализировал Вальтер Беньямин. Он обнаружил фланера в «Парижских картинах» Бодлера и определил его взгляд на город как отчужденный и аллегоризирующий. Отчуждение предполагает проведение границы, что и делает фланер, превращая себя по отношению к городу в фигуру заграничья. Виктор Шкловский назвал это «остранением» – «способом видеть вещи выведенными из их контекста»[4]. Иными словами, умением смещать и переустанавливать границы.

Беньямин писал, что фланер смешивается с толпой, меняя оптику видения города. Толпа для фланера оказывается своего рода «вуалью», сквозь которую привычная городская среда предстает

[3] Выделение отдельных субкультур напрямую связано с порождением ими альтернативной системы культурных кодов. При этом субкультуры трактуются не только как социальное, но и пространственное явление. См. Г.Е. Гун Молодежные субкультуры в контексте городской художественной культуры/ URL: http://hses-online.ru/2014/03/28.pdf; В.А. Луков Молодежные субкультуры в современной России/ URL: http://psyfactor.org/lib/subkult.htm

[4] Шкловский В. Искусство как прием //Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С.67

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

преображенной. Она «подмигивает фланеру как фантасмагория»[5]. Вуаль – вариация темы границы: дымка, полупрозрачный экран, благодаря которому город теряет дневную определенность своих повседневных очертаний и видится как магический театр теней.

Отчуждая себя от города, фланер действует, используя понятие Ю.М. Лотмана как «семиотическое “я”»[6]. Он продуцирует границу как условие письма. Фланер – поэт или, по крайней мере, возможность поэта. Вуаль скрывает лицо блоковской Незнакомки, туманы, дымка и мгла окутывают Петербург. Они обеспечивают необходимую дистанцию. Город отделяется и полускрывается вуалью тотальной границы, которую продуцирует фланер. У Блока и символистов это граница здешнего с нездешним. Уличные сценки, прохожие, вывески, витрины, театры и рестораны, – все означивается, становится фигурами представления заграничья, наполняется значением, которое надо угадать. Выход дамы из кареты, подкатившей к подъезду здания, где собирается бал-маскарад, превращается в фантасмагорическое событие с инфернальным оттенком, и сквозь Петербург повседневности просвечивает иной город – «инфра-Петербург», как полагал Даниил Андреев[7]:

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел спрыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый тротуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп[8].

Архаичным в блоковских строчках 1904 года может показаться способ выражения, словесный строй и интонации, но не характер взгляда, не его оптическая структура. Фланер-поэт (или поэт-фланер) остается живой фигурой созерцания в русской традиции фантастического урбанизма от Александра Блока до Андрея Родионова[9]. Фланер не пересекает границ, не испытывает их. Фланер воображает границы – это его действие с городом – и создает новую художественную структурацию и текст города.

Но дело в том, что воображаемый город поэта-фланера становится частью реальности – параллельным городом: Петербургом Достоевского и Блока, Москвой Михаила Булгакова или Парижем Гюго. И вот Василий Петрович Боткин взбирается на башни Нотр Дам, бродит вокруг собора и «проникнутый огненными описаниями» перечитывает Виктора Гюго в стремлении «найти какой-нибудь след затерявшейся драмы». И, конечно, находит. Вблизи громады собора «Квазимодо, Эсмеральда, Фролло – вся эта драма принимала размер огромины»[10]. Текст, порожденный чувством границы, сливается с городом.

Таким образом, прогулка фланера становится достоянием экскурсии. Артистическая, вольная, творчески раскованная практика скольжения

[5] Беньямин В. Париж, столица XIX столетия // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С.154.
[6] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 185.
[7] Андреев Д. Роза мира. М., 1992. С.199.
[8] Блок А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. М.-Л., 1960. Т.2. С. 157.
[9] В русской поэзии современная традиция поэзии города восходит к Н.А. Некрасову: «*Мерещится* мне всюду драма» (Некрасов Н.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. М., 1965. Т.1. С. 109).
[10] Боткин В.П. Русский в Париже //Боткин В.П. Письма об Испании. Л., 1976. С.199.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

вдоль городских границ и продуцирования границы воображения питает самую авторитарную практику освоения города. В каком-то смысле экскурсия паразитирует на прогулке, эксплуатирует созданный ею ресурс – воображаемый город.

Если рассмотренные выше практики освоения городского пространства имеют индивидуальный характер или находятся в ведении специализированных субкультурных сообществ, то экскурсия, во-первых, коллективна и, во-вторых, социально институционализирована. В настоящее время городская экскурсия переживает очевидный ренессанс и на возрастающий спрос отвечает как расширением тематического репертуара, так большим разнообразием тактик[11]. В своей экспансии экскурсия покушается и на территории, находящиеся в ведении руферов и диггеров, что вызывает протест этих сообществ, желающих сохранить чистоту своих практик[12].

Все же несмотря на происходящие изменения, экскурсия существует по большей части в том виде, в каком она сформировалась в 1960-70-е гг. – как авторитарная педагогическая практика. В таком ее понимании есть очевидный парадокс: уж слишком решительно экскурсия отклоняется от этимологически заданного собственного смысла (замысла). *Excursio* первым делом входит в словарь военных действий: «вылазка», «набег», «нападение». Далее, в более широком значении, это «простор» и «свобода», а в риторическом употреблении – «уклонение» и «отступление» в развитии рассказа. Вот в каком окружении живет более частное значение слова – «поездка». То есть по оформленному словом смыслу экскурсия предполагала бы свободное импровизационное движение в пространстве, сопровождаемое столь же прихотливым движением рассказа[13].

Между тем с практикой экскурсии дело обстоит прямо противоположным образом. Экскурсия предполагает принципиальное разделение на группу слушателей и автора-организатора, ведущего и ведомых, посвященного и непосвященных. Экскурсовод регламентирует движение тел в пространстве города. Он пресекает отклонения от заданного им маршрута, задает темп движения. В пределе экскурсовод претендует на полную режиссуру телесного поведения и реакций им ведомых.

Но главная особенность экскурсии состоит в генезисе и роли ее дискурсивной составляющей. Хотя авторы большинства учебных пособий по экскурсоведению настаивают на первичности показа, на практике в условиях визуальной стертости, однообразия многих наших городов в экскурсии

[11] По городским экскурсиям нет статистического учета, да он и невозможен. Однако косвенные показатели – число турфирм внутреннего туризма, например, свидетельствуют о существенном росте спроса: 1858 турфирм в 2010 г., 1889 – в 2013 г ., 2626 – в 2014 г. Возрастание числа туристских сайтов, частных объявлений о проведении городских экскурсий – также свидетельствует о растущем спросе. См.: URL: http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=37253&referrerType=0&referrerId=947153

[12] См. рекламу платной экскурсии от фотографа-руфера в Новосибирске // URL: http://news.ngs.ru/more/737237/. Это явление, видимо, достаточно распространенное. Не случайно сообщество петербургских руферов борется с руферами-экскурсоводами, т.к. это противоречит их этике тайного (несанкционированного) посещения крыш // URL: http://vk.com/spb_roofers.

[13] В той же мере экскурсия далека и от идеала «путешественности», который рисовался прекраснодушным теоретикам экскурсионного дела 1910-1920-х гг. Характерна в этом смысле декларация академика И.М. Гревса: «“Экскурсии” занимают скромнейшее место в необъятной сфере “путешествий”, но они родственны им по природе: в экскурсиях повторяется однородный с путешествием процесс. В них, как и в тех, расширяется личность, так как происходит ее слияние с широким миром, завоевание его умом и волею, но и развитие себя правдою и красотою». См. Гревс И.М. «Природа экскурсионности» и главные типы «экскурсии в культуру» //Экскурсии в культуру. М., 1925. С. 11.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

доминирует рассказ, апеллирующий к воображению. Поэтому экскурсия, прежде всего, дискурсивная, а затем телесная практика.

При этом создание экскурсионного рассказа о городе регламентировано. Оно подчинено алгоритму, предполагающему выбор темы, отбор объектов показа, сюжетизацию объектов показа, продумывание логических переходов и разработку маршрута. Все указанные пункты, включая время в пути, методические приемы подачи информации, организационные указания объединяются в так называемую «технологическую карту маршрута»[14]. Таким образом, экскурсионный рассказ как бы санкционирован некоей властной инстанцией объективного знания о городе и приобретает тем самым статус особой авторитетности, правильности.

Разумеется, многое в движении экскурсионного рассказа зависит от личности экскурсовода, глубины его знаний, меры артистизма, способности к импровизации. И все же определяющим фактором экскурсии является тот, что экскурсовод выступает в статусе посвященного, как носитель правильного рассказа о городе, – так и воспринимают его рассказ экскурсанты. В семиотическом плане это означает, что экскурсовод объединяет себя с городом в единой «семиотической личности»[15] и выступает как его полноправный представитель.

В этом качестве экскурсовод находится в позиции противоположной фланеру: они по разные стороны границы. Фланер отделяет себя от города, смотрит на него со стороны, и эффекты «остранения» становятся импульсом к рассказу о городе. Экскурсовод находится внутри города. Он владеет всеми кодами городского пространства и, опираясь на сумму рассказов о городе, как переводчик растолковывает город экскурсантам. Замкнутые в плотную оболочку авторитетного рассказа о городе экскурсанты движутся, по видимости, в однородном, как бы не рассеченном границами городском пространстве.

Описанная ситуация встречается в экскурсионной практике нередко. Инерционно воспринятая традиция педагогической экскурсии предрасполагает к подобному типу авторитарного повествования. Но, согласимся с В.Л. Каганским, «непроблематизируемые пространства бессмысленны и бесперспективны для путешествия». Поэтому и экскурсия, желающая отвечать идеалу «путешественности», о котором писал И.М. Гревс, в состоянии «проблематизировать то пространство, в котором совершается»[16]. Важнейшим ресурсом такой проблематизации является проявление в городском пространстве и интерпретация границ, как по пространственной горизонтали, так и по историко-культурной вертикали.

Проявляя в рассказе значимые ландшафтные рубежи или семантические границы городского пространства, экскурсовод проблематизирует его и тем самым активизирует восприятие города. Тем более что в реальной среде, в которой живет экскурсант, соседствуют друг с другом среда культурная и природная; культура фундаментальная и повседневная; прошлое и настоящее; профаническое и сакральное; документ и миф [17]. Эти скрытые рубежи нуждаются в проявлении.

В физическом пространстве города экскурсоводу важно выбрать те точки, где проявляется граница, а за нею – возможный сюжет. К примеру, точки панорамного обзора (естественный холм,

[14] ГОСТ Туристско-экскурсионное обслуживание. URL: http://www.standartov.ru/norma_doc/4/4812/index.htm

[15] О субъекте в семиотическом смысле см.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, 1996. С. 185-188.

[16] Каганский В.Л. Путешествия и границы //Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. С-Пб., 2003. С.8.

[17] Лескова Г.А. Средовой менеджмент: инновационный подход к экскурсионной презентации города // Мир экскурсий. 2010. № 4. С.33-38.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

колокольня, башня бизнес-центра) обнаруживают общие очертания города. Такая площадка необходима, чтобы занять рефлексивную позицию, соединить отдельные фрагменты в целое, вообразить город как коллективную личность. Другая граница «природное/культурное» (выход к реке, к склону оврага, лесному массиву) дает сюжет рождения города в связи с его природным и ресурсным окружением. По горизонтали отчетливо выделяются центры повышенной социально-культурной активности города, где, как правило, сосредоточены основные достопримечательности, а человек может проявить себя как турист – получить удовольствие от «потребления», «приватизации» городской среды (купить сувенир, сделать фотографию, посетить кафе). Отрывочно и фрагментарно в поле зрения экскурсанта попадают производственные кварталы (если это не индустриальный туризм) и совсем за скобками экскурсионного текста остаются спальные районы.

Распознавание вертикальных семантических границ требует воображения, интеллектуальной работы, перевода «факта» в «ценность». Мы пересекаем границу «прошлое/настоящее», входя в мемориальный комплекс (Домик Петра I); границу «профаническое/сакральное» при посещении мест паломничества (Троице-Сергиев монастырь); «мир реальный/художественный» – оказавшись в литературном урочище (Дворик Джульетты); граница «серьезное/смешное» заключена в жанровой скульптуре, обыгрывающей символику местной идентичности (Буква Ё, Чижик-пыжик, Пермяк соленые уши).

В этой творческой деятельности проявления границ для экскурсовода-практика большое значение приобретает опыт чтения города поэтом-фланером. По верному замечанию М.П. Абашевой, в случае исчерпанности географической, политической и иной семантики пограничности, культура находит новые аргументы в сфере творчества[18]. Сам город является благодатным полем дискурсивных практик, в его пространстве происходит стыковка различных социальных, национальных, стилевых кодов. Их перекодировка и сочетания превращают его в генератор культурной информации[19]. Задача экскурсовода состоит не в том, чтобы копировать (описывать) видимые объекты, но выявлять их наиболее эффективные и выгодные соотношения, вызывать ценностное отношение к ним.

Как социально легитимированный и массовый способ освоения города экскурсия может стать наглядной практикой городской герменевтики для ее участников, если использует символический ресурс границ для создания своих текстов.

[18] Абашева М.П. Граница Европы Азии: трансформация смыслов // Česlovo Milošo skaitymai 6. „Gimtoji Europa“: erdvė, mintis, žodis. Kaunas: Vytauto idžiojo universiteto leidykla., 2013. С. 67.

[19] Лотман М.Ю. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: ТГУ, 1984. С.35.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Галина Станиславовна РЫЛЬКОВА / Galina RYLKOVA

Университет Флориды, Гэйнсвиль, Флорида, США
Доцент кафедры языков, литературы и культуры
Кандидат филологических наук

University of Florida, Gainesville, USA
Department of Languages, Literatures, and Cultures
Associate Professor of Russian, Ph.D. in Slavic Studies
grylkova@ufl.edu

ПРЕДЕЛЬНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ПОЭТА И ТОЛПЫ НА ПРИМЕРЕ «ПОЭМЫ БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ И «ДОКТОРА ЖИВАГО» БОРИСА ПАСТЕРНАКА

В статье показано, какие формы приобретает известная парадигма «поэт и толпа» в советском культурном пространстве на примерах «Поэмы без героя» Анны Ахматовой и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. Отношения между поэтом и толпой принимают предельную форму, когда толпа сужается до круга почитателей и ценителей поэта. Текст произведения становится своеобразным концлагерем, где в зависимости от писательской установки гибнут и мучаются как читатели вместе с героями, так и их создатели.

Ключевые слова: поэт и толпа, творчество, творец, психология творческой личности, читатели, Серебряный век, текст, концлагерь, граница, предел, Ахматова, Белинков, Пастернак, Ранк, Данте, Агамбен, Хайдеггер.

EXTREMES IN THE RELATIONSHIP OF THE POET AND THE CROWD ILLUSTRATED BY *A POEM WITHOUT A HERO* BY ANNA AKHMATOVA AND *DOCTOR ZHIVAGO* BY BORIS PASTERNAK

The article examines the forms in which the widely recognized “poet-versus-crowd” paradigm manifested itself in Soviet culture, using “A Poem without a Hero” by Anna Akhmatova and “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak as Illustrations. The relationship between the poet and the crowd assumes extreme forms when the crowd narrows down to the poet’s inner circle of admirers and sophisticated interpreters. A work’s text becomes a species of a concentration camp, in which, depending on the writer’s disposition, both readers and characters, as well as the work’s creator, are suffering and perish.

Key words: poet and crowd, readership, art, artist, creativity, psychology of creative personality, Silver Age, text, concentration camp, boundary, outline, Akhmatova, Pasternak, Belinkov, Dante, Rank, Agamben, Heidegger.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Галина Станиславовна РЫЛЬКОВА / Galina RYLKOVA

| Предельность отношений поэта и толпы на примере «Поэмы без героя» Анны Ахматовой и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака / Extremes in the Relationship of the Poet and the Crowd Illustrated by *A Poem without a Hero* by Anna Akhmatova and *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak |

Предел в греческом смысле не запирает на засов, но впервые дает светиться пребывающему.
Мартин Хайдеггер

Поэтическая сущность такова, что искусство раскидывает посреди сущего открытое место, и в этой открытости все является совсем иным, необычным.
Мартин Хайдеггер

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет.
Анна Ахматова

«Поэма без героя» Анны Ахматовой и «Доктор Живаго»Бориса Пастернака – вершины советской литературы. Десять лет написания «Доктора Живаго» (1945-1955) вплелись в двадцать два года написания «Поэмы» (1940-1962). «Не календарный двадцатый век» Ахматовой создавался параллельно рубежам века Пастернака (первое название «Доктора Живаго» «На рубеже»). Эти две формулировки отражают не только отношение писателей к истории и культурному наследию, но и установку на отношения между поэтом и его читателями, которые, несмотря на множество схожих моментов, имели существенные отличия. Оба поэта небывало и надолго открыли свои тексты и творческие лаборатории читателям. Те неизменно приглашались на слушанье и обсуждение отрывков, попеременно выражали недоумение, восторг, негодование, постоянно что-то советовали и даже требовали, в результате делая жизнь поэта еще более зависимой от толпы, чем было предписано канонами соцреализма. Конечно, под читателями подразумевались люди, сочувствовавшие творчеству опальных поэтов, по большей части, друзья и знакомые. Как будет показано далее, в результате таких интенсивных контактов Ахматова принимает решение убить своих читателей, дабы оградить поэта от толпы, в то время как Пастернак убивает своего поэта, сохраняя жизнь его читателям, а значит, и толпе. В статье опускаются все другие моменты, связанные с написанием, рецепциейи интерпретацией Поэмы и ДЖ, так как всё это можно легко почерпнуть из других источников. Также предполагается базовое знакомство с парадигмой «поэт и толпа», в русской традиции восходящей к пушкинскому стихотворению «Поэт и толпа» (1828). Делается попытка высветить, то, что пока осталось за пределами многочисленных исследований.

Поэт и толпа: Ахматова и Белинков

А. В. Белинков (1921-1970) был прозаиком и литературоведом, вернувшимся в Москву в 1956 году после 12 лет заключения в Карагандинском исправительно-трудовом лагере. Антисоветская деятельность Белинкова заключалась в его литературных произведениях, которые он не переставал писать даже в лагере, за что в 1951 году получил дополнительные 25 лет лишения свободы. Как вспоминает вдова писателя Наталья Белинкова:«По возвращении из лагеря Белинков задумал трилогию о разных типах художников: один - лояльный по отношению к господствующей власти, как Тынянов, второй - протестующий против давления сверху, как Ахматова или Солженицын, третий - сдавшийся, как В. Шкловский»[1].Основным предметом исследований Белинкова становится конфликт писателя с обществом, который он сформулировал в

[1]URL:http://magazines.russ.ru/znamia/2000/2/belink.html

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

книге «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша»:

> Конфликт художника и общества трагичен, естествен и неминуем. Почти всегда он кончается гибелью художника. Но попытка этот конфликт, этот закон отменить, сделать вид, что его нет, не должно быть, кончается уже не только гибелью художника, но и гибелью искусства[2].

В 1959 году у Белинкова появляется возможность встретиться с героиней своей будущей трилогии, так как журнал «Вопросы литературы» заказывает ему реабилитационную статью об Ахматовой в надежде на скорую отмену постановления ЦК о журналах «Звезда» и град»[3].Белинков начинает писать статью «Причины распри Ахматовой с веком». Начинает ходить к ней, беседовать. «С самого начала Аркадию показалось, что он нашел единомышленника, что оба даже мыслили в одном ключе и говорили одинаковыми словами: не «кризис» и «генезис» литературных направлений, как это было принято у литературоведов; а «смерть» символизма и «рождение» акмеизма, говорили они...»[4]. В своей статье, которая должна была перерасти в книгу, Белинков задумал показать, что может сделать романтический герой-одиночка в неромантических условиях. В первую очередь Белинкову нужно было оправдать ахматовскую лирику (по большей части любовную), за которую она и получила нарекания, оформившиеся взнаменитое постановление ЦК 46 года. Белинков приходит к выводу, что любовная лирика Ахматовой – это ничто иное, как отражение конфликта между поэтом и обществом, в данном случае, непонимающий или безответный любовник представляет враждебное поэту общество, согласно тому, как в пушкинской трагедии такую роль всего общества выполнял вероломный Дантес.

> Распря Ахматовой с веком сначала вспыхнула из-за того, что век (каким она его видела) не удовлетворял ее представлениям об идеале, и человек, которого она ждала, оказался хуже и разочаровал ее. […]
>
> Когда мы услышали слова о том, что Пушкин хотел расчесться в лице Дантеса с целым обществом, то мы понимаем, что Дантес не был целым обществом, он был его наиболее характерным выражением, эмблемой, персонификацией. […] Неразделенная любовь в ахматовской лирике – это лишь образ конфликта с обществом. […] Неразделенная любовь Ахматовой – это метафора ее отношений с обществом, со временем, с эпохой. […]Художник переводит общественный конфликт… в категории личных переживаний и личных конфликтов в эпохи, когда происходит максимальное сужение сферы общественной деятельности человека (не вообще, конечно, а для той группы людей, которую этот художник выражает). […] Поэзия Анны Ахматовой существует как любовь, как пренебрежение требованиями, предъявляемыми окружающей действительностью. Эта поэзия – Джульета – живет лишь собой ине интересуется враждой Монтекки и Капулетти. Окружающая действительность может лишь убить ее[5].

Белинков представляет «однотемность» Ахматовой как ее главное достоинство и эффективный способ борьбы (причем победной!) в сложившихся исторических условиях. Это не Ахматова выбрала для себя любовную лирику, этот выбор

[2]Белинков А. Сдача и гибель Советского интеллигента. Юрий Олеша // Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком (в два голоса). М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 205.

[3] Белинков Н. Ёлка погасла! // Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 219.

[4] Там же. С. 220.

[5]Белинков А. Судьба Анны Ахматовой, или победа Анны Ахматовой // Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 248, 245, 246, 244.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

был продиктован временем. Это ее объединяет с Пушкиным, который в стихах превратил свою борьбу с обществом в борьбу творца за творческую свободу. Ахматова сильна не прямым вызовом обществу, а силой уклонения, отклонения и даже ухода.

> Каждая эпоха знает свои формулы и свою географию ухода. География ахматовского ухода иная, нежели география ухода Алеко или Рене, или байроновского героя. Ахматова живет в прозаический, а не в романтический век. […] Враждебна или не враждебна поэзия Ахматовой нашей действительности? […] Ахматова, конечно, не враждебна. Ахматова – лояльна. Но для нас… лояльность стала синонимом враждебности[6].

Белинков откровенно делился своими наблюдениями сАхматовой. Иногда его сопровождала молоденькая жена, которая оставила воспоминания об этих встречах. «На пороге типичной московской квартиры нас встретила не гибкая гитана, а полная пожилая женщина. Ласково поздоровавшись, она повела нас по узкому коридору. Ее поступь была величавой, но шаги были тяжелыми, как у людей с давним сердечным заболеванием. Не классическая шаль спускалась с ее плеч, а широкое выцветшее платье лилового цвета, на котором аккуратными квадратиками красовались две заплаты». Тон воспоминаний, хотя и уважительный, но строится на антитезе тому, что когда-то представляла Ахматова в глазах современников и что, по мнению Белинковой, было бы смешно стараться воспроизвести в современных условиях. В узкой комнатке гости сидят, касаясь друг друга коленями, что дает Белинковой возможность как следует разглядеть все физические недостатки Ахматовой, а также и висящий над ней «известный портрет поэтессы, сделанный рукой Модильяни. Он как бы напоминал, с кем мы сейчас разговариваем»[7]. Другая встреча чуть не заканчивается ссорой, так как Ахматова не соглашается с критикой Хрущева, мотивируя это тем, что мать Белинкова была бы ему очень благодарна за освобождение сына. Белинкова сразу становится на сторону мужа: «Нужен ли ей, царскосельской воспитаннице, разъедающий скептицизм молодых людей шестидесятых годов?» Ахматова, по мнению Белинковой, пишет совсем не то, что нужно её поколению и поколению Белинкова:

> А что сыновьям, измученным и вышедшим из вшивых лагерей, тени тринадцатого года и пламя, утонувшее в хрустале? Ей нужна была «Поэма без героя». Нам нужен был «Реквием»[8].

Ахматова и сама понимает натянутость ситуации и предлагает почитать что-нибудь из своих произведений. Неожиданно ее выбор совпадает с желаниями гостей: без просьб и подсказок она читает им «Реквием», все 10 главок, вступление и эпилог.

> «Хотите я вам почитаю…» - не спросила, предложила она. Интонация – жест. Жест – царский дар. Кто бы отказался? Мы замерли. Заботы суетного света отступили. Ни размолвки, ни стареющего тела, ни гранатовой броши. Побледневшую женщину влекли к жертвоприношению. Проходя через муки ада, Анна Андреевна превращалась в Анну Ахматову, в нечто, называемое чистой поэзией и (это уже для русского читателя) совестью. Она читала нам «Реквием». Сама! Казалось, она не читала его – творила заново:
>
> Магдалина билась и рыдала,
> Ученик любимый каменел,
> Но туда, где молча мать стояла,

[6] Там же. С. 246-247.

[7] Белинков Н. Ёлка погасла! // Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 220-221.

[8] Там же. С. 222-223.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Галина Станиславовна РЫЛЬКОВА / Galina RYLKOVA

| Предельность отношений поэта и толпы на примере «Поэмы без героя» Анны Ахматовой и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака / Extremes in the Relationship of the Poet and the Crowd Illustrated by *A Poem without a Hero* by Anna Akhmatova and *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak |

> Так никто взглянуть и не посмел.
> Голос у Анны Андреевны был низкий, грудной, с сиплым перехватом, когда ей не хватало воздуха. К концу чтения мы плакали все трое. У памятника самой себе воздвигнутого ею, таял в бронзовых глазницах снег, страна еще надеялась на обновление, по Неве плыли корабли, как облака плывут, облака…
> Свидание с Анной Андреевной кончилось цитатой. Она действительно проводила нас до передней, в которой стояла золотая пыль[9].

Несмотря на достижение такого полного единения с поэтом, встречи Ахматовой с Белинковым вскоре прекратились. Ни статья, ни книга так никогда и не были написаны. Все, что от них осталось, это несколько набросков и планов.«Ёлка погасла!» сообщила Ахматова Чуковской, которая не сразу ее поняла и начала отыскивать глазами ёлку в июне 1962 года[10]. По словам Ахматовой Белинков сравнил ее Поэму с поэзией Игоря Северянина. Такого промаха и отсутствия понимания и поэтического чутья Ахматова, конечно, не могла простить, сразу соглашается с ней Чуковская. Но мог ли Белинков сделать такое крамольное сравнение? Вся ситуация напоминает Моцарта и Сальери, только на этот раз не Сальери, а Моцарт предусмотрительно подсыпает яду в бокал своего противника (нечто похожее с Белинковым проделали его ровесники, поэты Давид Самойлов и Борис Слуцкий, приписав Белинкову незнание французской поэзии, претенциозность и faux pas, после которых они перестали, якобы, принимать его всерьез)[11]. Белинков, хоть и провел в лагере 12 лет, вернувшись, становится членом Союза писателей, подает заявки на книги, в 61 году выходит первое издание книги о Тынянове, затем второе. После смерти Юрия Олеши он становится членом комиссии по его литературному наследию, получает доступ ко всем, даже черновым записям покойного писателя, что и наталкивает его на мысль написать книгу о бесславной гибели и сдаче Олеши. Думается, что Ахматову не могло не испугать желание Белинкова всех расставить по своим местам и воздать по заслугам (как будет показано далее, такую роль Ахматова признавала исключительно за собой). Белинков одновременно представлял и литературный оттепелевский официоз, которого Ахматова боялась, и «сурового Данта». В трилогии Белинкова Ахматова не могла не увидеть дантовского замысла, да и сам Белинков, прошедший ад сталинских лагерей, мог смело отправлять туда своих современников, даже учителей (В. Шкловский был его научным руководителем в середине 40-х годов). И если сначала Ахматовой отводилось место в раю, то очень скоро она могла оказаться, как в чистилище, так и в аду. Не случайно в рассказе Белинковой ясно упоминается слово ад, в который они, не смущаясь, ввергли Ахматову.

Если Ахматова настаивала на том, что «Поэту вообще не пристали грехи», Белинков готов был с этим поспорить и требовал «не читки, а полной гибели всерьез», что Ахматовой пришлось испытать на себе в ситуации, когда она была вынуждена читать и персонифицировать свой «Реквием» по молчаливому требованию Белинковых. Несмотря на то, что Белинков был необыкновенно мягок по отношению к Ахматовой и нашел оправдание всем тем «слабостям», в которых бесконечно упрекали Ахматову, Л. К. Чуковская считала, что Белинков, будучи человеком «умным и талантливым», пытался из всего «извлечь политический корень», что в случае с Ахматовой означало «иска-

[9] Там же. С. 223.
[10] Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой; В 3 т. Т. 2. М.: Согласие, 1997. С. 506-507.
[11] Самойлов Д. Памятные записки. URL: http://www.litmir.me/br/?b=225843&p=44

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

жение» и «сужение» ее творчества[12]. Думается, что Ахматова боялась не столько сужения и искажения, сколько неимоверных требований, которые Белинков, не задумываясь, предъявлял своим талантливым современникам. В своих воспоминаниях Даниил Данин дает представление о масштабах этих требований. Как-то Белинков лежал на раскладушке под березами на даче Данина в Переделкино. Ему было физически плохо(врожденные проблемы с сердцем), но больше всего его раздражала критика Данина, которому Белинков дал почитать несколько своих глав об Олеше:

> Он кричал: «Я листовочник!» Это была у него формула – характеристика собственного стиля: «Я листовочник!» То есть стиль должен быть таким отточенным, то есть таким железным, чтобы он разил. Он говорил: «Я листовочник. Я уничтожу Олешу, я уничтожу еще Каверина и Виктора Шкловского!» Я говорю: «Аркадий, побойся Бога! Побойся Бога! Олеша – трагическая фигура. Ты рассуждаешь, как Нарцисс, который горд своей непорочностью. Олеша – трагическая фигура и это надо понимать». – «Я это отлично понимаю, но ты – конформист – кричал он мне, - и я буду продолжать и этот спор, и эту борьбу!» - «Я буду уничтожать нашу интеллигенцию-потаскуху», - говорил он. Я говорю: «И себя тоже?» - «И себя тоже!» Я говорю: «Хорошо. Значит, кого еще?» - «Всех в этом саду»[13].

Таким образом, библейский сад (Рай) одномоментно превращается в Ад.

Белинков писал о выдуманном им парадоксе Ахматовой: все, что было о ней негативного становится позитивным под пером Белинкова. Но почему не поговорить о парадоксе отношений поэта и толпы? Парадокс заключается в том, что в случае Ахматовой не толпа уничтожает поэта, а поэт уничтожает толпу, которая непомерно разрослась со времен Пушкина (повальная грамотность советского времени не сопоставима с несколькими процентами грамотных в пушкинскую эпоху). Величие поэта проявляется не в том, что его великого непременно убьет толпа (что и будет знаком его величия, по мнению Белинкова), а в том, как он способен с этой толпой рас/справиться. «Ёлка погасла» - такими словами Ахматова обозначила свой разрыв с Белинковым. Скорее всего, Ахматова сама выдернула штепсель из розетки, так как к тому моменту уже и Белинков стал одним из представителей ненавистного поэту общества. В 60-е годы «враждебное общество» состояло во многом из людей, которые что-то искажали в жизни Ахматовой, не так о ней писали, чего-то не понимали в ее творчестве. Если в концепциях Белинкова общество жаждет смерти поэта, то концепцию Ахматовой (1940-66) можно представить как осознание того, что у поэта нет другого выхода, кроме как убить не оставляющее поэта в покое общество (как вариант – выдернуть шнур из розетки). Белинков говорит, что Ахматова не пушкинский Алеко. Как раз наоборот: Ахматова очень похожа на Алеко, который, пожертвовав всем ради искусства, обнаруживает, что приютившие его цыгане ничем не лучше общества/света, от которого он бежал, так как всё также навязывают Алеко свои условия и законы. Сцена, когда Ахматова вынуждена читать Белинковым «Реквием» и плакать вместе с ними, не такая безобидная, как может показаться на первый взгляд.

Пушкинский Поэт знаменит тем, что отказывается служить толпе (кем бы она ни была представлена), просто, отказывается и всё. Без всяких оговорок:

> Подите прочь – какое дело
> Поэту мирному до вас!

[12] Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой; В 3 т. Т. 2. С. 506.

[13] Вместо эпилога. Российские единомышленники об Аркадии Белинкове // Белинков А., Белинкова Н. Распря с веком. С. 595.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас![14]

Толпа при этом упрашивает Поэта «давать [ей] смелые уроки» и признает свою низость и коварство («мы малодушны, мы коварны, // Бесстыдны, злы, неблагодарны»[15]). Казалось бы – какой простор для деятельности настоящего поэта, как могло показаться Белинкову. Но не тут-то было:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв[16].

В стихотворении Поэт остается непреклонен и не идет ни на какие компромиссы. Кто прав – Пушкин или Белинков? По мнению Отто Ранка, ни тот, ни другой. В своей основополагающей работе о психологии творчества Отто Ранк пишет о том, что общество всегда ждет от творца, чтобы он каким-то образом увековечил его, оставил след о нем в памяти потомков (как пример – всё религиозное искусство)[17]. И в задачи творца (который хочет создать бессмертное произведение) как раз и входит сохранить баланс между своими собственными потребностями и задачами и требованиями общества. Общество Ранком видится не как какая-то темная неразумная сила, а как необходимая составляющая творческого процесса, с которой нельзя не считаться. Именно такими попытками найти неуловимый баланс и можно объяснить желание Ахматовой и Пастернака делиться промежуточными замыслами и вариантами Поэмы и ДЖ с читателями, которые вполне естественно желали того, чтобы память о них была увековеченаих великими современниками.

Думается, что главным источником волнений и страданий для творца является не его противостояние царю или Сталину, или любому другому олицетворению власти, а его противостояние своему самому ближайшему окружению, которое, как правило, знакомо с деталями жизни творца, часто испытывает к нему бесконечную симпатию, нои в то же время ждет от него выполнения своих требований. Иными словами, как показывает её общение с Белинковыми, с Лидией Чуковской и др., отдай себя Ахматова на волю своих почитателей, то ей бы пришлось до конца дней создавать один реквием за другим. Для того, чтобы выстоять, Ахматовой пришлось превратить текст Поэмы в особую зону, или, точнее, концлагерь.

«Некалендарный двадцатый век»[18]

Историк и медиевист Уильям Боусма определяет культуру как совокупность средств, позволяющую людям бороться со вселенскими страхами и отчаянием, делая их более понятными и объяснимыми[19]. Если применить это наблюдение к русской культуре, то можно сказать, что само понятие о Серебряном веке русского искусства (1890-1921) окончательно оформилось к концу 40-х годов как реакция на многочисленные катаклизмы первой половины XX века. Благодаря этому культурному концепту, многие не поддающиеся уразумению и осмыслению события (войны, революции, массо-

[14] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 86.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Rank O. Art and Artist. Creative Urge and Personality Development [1932] / Otto Rank / W.W, Norton & Company: New York-London, 1989.

[18] «А по набережной легендарной // Приближался не календарный - // Настоящий Двадцатый Век.» Ахматова А. Поэма без героя. Триптих [1940-1965] / А. Ахматова // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 186.
[19] Bouwsma William J. “Anxiety and the Formation of Early Modern Culture” / William J.// A Usable Past: Essays in European Cultural History. – Berkeley-Los Angeles.: University of California Press, 1990. С. 170.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

вый исход интеллигенции, репрессии и чистки) виделись как предсказуемые, объяснимые и соотносимые с основными вехами русской культурной эволюции[20]. При таком подходе, смерти писателей и других деятелей искусства подтверждали наличие тех или иных социальных сдвигов, как видно из того, как сторонники и противники Октябрьской революции бесконечно переосмысливали смерть А.А. Блока в 1921 году, делая ее то знаковым концом, то началом революционных свершений[21]. После того как Лев Троцкий показал в 1923 году на примерах литературных катаклизмов (отмирание одних течений и появление других и физическая смерть многих литераторов), что Октябрьская революция произошла не в одних только умах и сердцах большевиков, в русском сознании исторические и социальные сдвиги стали нуждаться в подкреплении такими же значимыми событиями из области культуры и наоборот. Если такую взаимосвязь не удавалось обнаружить, то ее приходилось выдумывать, что и произошло с самим Серебряным веком, который до начала 2000-х годов служил объяснением многих необъяснимых исторических событий[22].Все это отчасти проливает свет на колоссальные трудности, с которыми должен был столкнуться творец, поставивший задачу воссоздать не только культуру Серебряного века, но и показать ее роль в дальнейших политических событиях, которые приоткрывались Ахматовой по мере писания Поэмы с 1940-го по 1962 год.«Поэма оказалась вместительнее, чем я думала вначале. Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев», писала Ахматова в начале 60-х годов[23].

Поэма, которая ознаменовалась чудесным приходом Музы-Коломбины из 1913 года, требовала продолжения и постепенно приняла очертания трехчастного произведения, включившего в себя и Великую Отечественную войну, и сталинские репрессии. Вместо камерной музыки получилась полномасштабная симфония. Границы текста Поэмы бесконечно раздвигались, как самой Ахматовой, так и ее читателями, требовавшими от Ахматовой поэтического осмысления того или иного момента российской/советской истории. В 1962 году Ахматова так описывает историю написания Поэмы: «Наступает 1941 год, и кончается вся Петербургская Гофманиана поэмы… Белая ночь беспощадно обнажила город… А дальше Урал, Сибирь и Образ России. […] Кажется, сегодня кончила «Поэму без героя» (Триптих)». […] «Нет»[24]. Поэма менялась в зависимости еще и от того, что Ахматова считала нужно было писать в тот или иной момент, и от того, как восприятие того или иного момента менялось в глазах современников – то есть, писать о маскараде 1913 года в 41 году считалось неуместным и т.д. О том, как далеко могла зайти Ахматова в желании откликнуться на все признаки времени, говорят строки «и смущенье свое не прячу//Под укромный противогаз», когда-то входившие в текст Поэмы[25].

Ахматовский «не календарный двадцатый век» (то есть, не поддающийся обычному исчислению), тем не менее, требовал определенных рамок и ориентиров. Ахматова, как показывает ее реакция на безмерные ожидания со стороны читателей,

[20]Rylkova G. The Archaeology of Anxiety: The Russian Silver Age and Its Legacy. / Galina Rylkova / Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
[21]Rylkova, Op. cit., PP. 23-44.
[22]Rylkova, Op. cit.

[23] Ахматова А. Проза о Поэме. Pro Domo Mea / А. Ахматова // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. С. 215-216.
[24] Комментарии / А. Ахматова // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. С. 617.
[25] Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой; В 3 т. Т. 2. С. 144.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

нуждалась в таких ориентирах более других. В середине 20-х годов она замолкает более, чем на 13 лет, скорее, в результате огромности ноши, которая неожиданно легла на ее плечи. «У вас теперь трудная должность: вы и Горький, и Толстой, и Леонид Андреев, и Игорь Северянин – все в одном лице – даже страшно», говорит ей радостно К. И. Чуковский в феврале 1922 года[26].В ответ на такие ожидания Ахматова выдумывает постановление партии 1924 года, которое, якобы, запрещало ее поэтическую деятельность[27]. Это постановление до сих пор не найдено и найдено не будет. В 65 году, вернувшись из заграничного путешествия, Ахматова с удовольствием вспоминала время, когда ее никуда не приглашали и не печатали: «Как я была тогда уверена, что ни одна моя строка не будет никогда напечатана, как эта уверенность удобно и вольно жила в моем сознании, не причиняя мне ни малейшего огорчения. […] Значит, скоро 10 лет, как я снова печатаюсь. Ну и путы же это…»[28]. Пушкин, перед которым Ахматова благоговела, также нуждался в определенных рамках (они же и защитный механизм) и, раз попав в ссылку и испытав при этом прилив творческих сил, все время пытался воспроизвести ее условия в других местах (как лучший пример – болдинская осень 1 и болдинская осень 2; трагический пример – последняя дуэль, которая при счастливом исходе должна была закончиться ссылкой).

В своей личной жизни Ахматова удачно адаптировалась в рамках коммунальной квартиры, позволившей ей проецировать психологию и социологию коммунальной квартиры на всю русскую литературу и делать это так, что даже такие тонкие ценители литературы, как Лидия Чуковская, должны были с ней согласиться[29].Именно коммунальная квартира становится местом действия первого наброска к Поэме. Как только весть о том, что Ахматова пишет поэму о жизни целого поколения, достигла посвященных читателей, сразу последовали критические замечания, которые сама Ахматова суммировала в одном из вступлений к Поэме:

Вы не можете себе представить, сколько диких, нелепых и смешных толков породила эта «Петербургская повесть». Строже всего, как это ни странно, ее судили мои современники и их обвинения сформулировал в Ташкенте Х., когда сказал, что я свожу какие-то старые счеты с эпохой (10-ые годы) и с людьми, которых или уже нет, или которые не могут мне ответить. Тем же, кто не знает этих счетов, поэма будет непонятна и неинтересна.

Другие (в особенности женщины) считали, что «Поэма без героя» - измена какому-то прежнему «идеалу» и, что еще хуже, разоблачение моих давних стихов («Четки»), которые они так «любят». […] Затем, как известно каждому грамотному человеку … я совсем перестала писать стихи, и все же в течение пятнадцати лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь настигала меня […].И я не могла от нее оторваться, дополняя и исправляя, по-видимому, оконченную вещь[30].

В окончательный вариант Поэмы Ахматова не включила это вступление, в котором написание Поэмы неожиданно проецируется на годы молчания, предшествовавшие первым замыслам Поэмы, но примечательно то, что здесь виновными в молчании поэта названы не представители Советской власти, а искушенные читатели. Поэма, по мнению посвященных, должна была стать своеобразным

[26]Чуковский К. Дневник. 1901—1969: В 2т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. – Т. 1: Дневник. 1901—1929. С. 218.
[27] Ахматова А. Записные книжки Анны Ахматовой. 1958 – 1966. М. – Торино: Giulio Tinaudi editore, 1996. С. 28.
[28] Там же. С. 643.
[29]Rylkova, Op. cit., PP. 66-107.
[30] Ахматова А. Проза о Поэме. Pro Domo Mea. С. 213-214 [более ранний вариант С. 160-161].

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Галина Станиславовна РЫЛЬКОВА / Galina RYLKOVA

| Предельность отношений поэта и толпы на примере «Поэмы без героя» Анны Ахматовой и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака / Extremes in the Relationship of the Poet and the Crowd Illustrated by *A Poem without a Hero* by Anna Akhmatova and *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak |

Ноевым ковчегом русской дореволюционной культуры, пропуск в который выписывался бы поэтом по согласовании с читателями. Никто не догадывался, что Ахматова превратила свою Поэму в Ад и сделала это со знанием дела.

Текст как концлагерь: Ахматова и Данте

Ахматова начала читать Данте в 24 году по подсказке Ольги Глебовой-Судейкиной и не переставала читать до конца жизни, а её Муза, по ее собственному утверждению, однажды «диктовала страницы Ада».Рамки данной статьи не позволяют углубиться в бесконечную тему «Ахматова и Данте», скажем только, что начало писания Поэмы (ноябрь 1940-го – январь 1941-го) совпал с интенсивным чтением Божественной комедии и обсуждением текста с его переводчиком и близким другом Михаилом Лозинским.

Данте писал «Комедию» с 1307 года по 1321 год, начиная писать ее тогда, когда от него никто ничего не ожидал, будучи изгоем во всех отношениях. Написание «Комедии» должно было расставить по местам всех его гонителей, а также показать и объяснить судьбоносность событий в жизни Данте. Комедия должна была стать тем произведением, которое бы оправдало политические ошибки молодости и заставило бы содрогнуться оставшихся в живых врагов и оправдать союзников и друзей. Современники должны были устыдиться своей близорукости и недальновидности. События прошлого должны были объясняться вехами продвижения Данте по Аду, Чистилищу и Раю и соизмеряться с той славой, которая Комедия должна была еще принести Данте после ее завершения.

Как и перед Данте, перед Ахматовой стояла задача судьи и историка. Ахматова начинает писать поэму в декабре 40 года после завершения пика репрессий, не зная, что скоро война опять внесет свои коррективы. Следующей вехой будет смерть Сталина, затем разоблачение Сталина, возвращение узников из сталинских лагерей и вся хрущевская Оттепель. Необходимость охвата таких событий не снилась даже Данте. Он писал «Комедию», когда интерес к личному/частному еще не был возведен в Абсолют. Герои Данте интересны ему как узники того или иного круга, куда они попали в результате того или иного греха. Место в дантовском аду говорило не только о той жизни, которую прожил тот или иной мученик, но было итогом соединения жизни и посмертной участи. Такая предельная ясность не могла не понравиться Ахматовой, в свое время учившейся на юридических курсах.

Как Данте, Ахматова расставляет своих героев по созданным ею кругам ада (например, история ахматовской героини и ее возлюбленных очень похожа на историю дантовских Паоло и Франчески), сочувствует им и плачет вместе с ними. Ничего, что в данном случае ад был представлен коммунальной квартирой с выходом в соседний Шереметьевский дворец. Как узники ада/лагеря, герои Ахматовой обязаны носить маски. Масочный принцип при всей своей заданности и прикрепленности к определенному кругу страданий, открыл бездну возможностей. Так становится ясно, что в 60-е годы на роль знаменитого «гостя из будущего» было уже 2 человека – Исайя Берлин и Анатолий Найман, как и на роль Коломбины теперь была не только Ольга Глебова-Судейкина, но и балерина Татьяна Вечеслова. Многозначность прототипов обеспечивала многозначность прочтений, что Ахматова считала атрибутом великого произведения, а также обеспечивала некоторую конъюнктурность в выстраивании отношений с современниками и даже читателями отдаленного будущего.

Если в древние и средневековые времена судьбы людей определялись и вершились путем вмешательства потусторонних сил, то в 30-50 годы такую роль божества выполняли Сталин и его ок-

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ружение. Иногда «автору» Поэмы тоже приходится позиционировать себя как всеведущее божество. «Гороскоп твой давно готов», говорит она своей героине. Автор ставит себя сначала чуть выше своих героев («из года сорокового, как с башни, на все гляжу»), потом тень автора зависает над Ленинградом, потом взгляд, как прожектор, выхватывает пространство из «брюха летучей рыбы», потом уже оттуда, откуда открывается вся ширь и видно перемещение армий и народов. Каждый новый эпиграф как ступенька, на которую можно взобраться и по иному взглянуть как на героев, так и на читателей. Читатели вместе с Ахматовой то поднимаются, то опускаются, то прозревают, то ничего не понимают.

Остановимся на одном из эпиграфов. В 1932 году Николай Клюев посвятил Ахматовой строки, которые ей самой очень нравилось:

Ахматова – жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым.
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел и воздух густ
И нимфа лен прядет хрустальный? –
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облачко сквозит
Вечерней проседью ракит![31]

««Лучшее, что сказано о моих стихах» – так отозвалась Ахматова об этих клюевских строчках. Не случайно она частично использовала их в качестве эпиграфа ко второй части "Поэмы без героя" ("Решка")". В 40-х гг., когда создавалась поэма, имя Клюева, репрессированного в 1934 г. и погибшего в сибирской ссылке, было фактически под запретом, вероятно, поэтому в рукописи, а затем во всех современных печатных изданиях "Поэмы без героя" под эпиграфом стоят лишь инициалы поэта – "Н.К."», пишет Константин Азадовский[32]. Но это далеко не все, что позволяет себе Ахматова сделать с текстом Клюева. В получившемся сгустке из двух строк Ахматова не только выстраивает упрощенно-динамические отношения между собой и Данте, но и заменяет «густ» на «пуст».

…Жасминный куст,
Где Данте шел, и воздух пуст.[33]

Строки Клюева уплотняются и благодаря этому создаются новые значения: в прямом смысле расширяются и переосмысляются пространственно-временные отношения. Данте шел в прошлом, в настоящем – жасминный куст (Ахматова) и воздух. Можно прочитать и так, что куст заменил собою Данте, или стоит памятником его пути. Или - Данте преобразился в жасминный куст, то есть в Ахматову. «Пуст», «пустота» –ключевые слова для А.А. Блока («Ищи отцветшими глазами// Опоры в воздухе… пустом!»; «Холодно и пусто в пышной спальне,// Слуги спят и ночь глуха.// Из страны блаженной, незнакомой, дальней// Слышно пенье петуха»[34]). Блок, как известно, был ценителем Данте, а также предметом бесконечной любви, зависти и ненависти Ахматовой. И глухая ночь, и петушье пенье неуловимо перекочуют в Поэму. Поэме вообще присуще сгущение (максимальная концентрация) чужого, когда чужое перестает быть чужим и становится своим. Хрустят слова, вытягиваются сухожилия слогов, происходит ломка чужого синтаксиса. В результате все упомянуты, но некоторые не досчитались своих голов, рук, ног, позвоночника.

У Данте есть мученик, который несет в руках свою голову и приближает ее к уху Данте, чтобы тот смог разобрать слова и донести их до потомков. Нужно ли говорить о том, что и сам Ад, и

[31] Клюев Н., «Клеветникам искусства» (1932).
[32] URL: http://www.akhmatova.org/articles/azadovsk.htm

[33] Ахматова А. Поэма без героя [третья редакция]. / А. Ахматова // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. С. 148.
[34] Строки из стихотворения А. Блока «Авиатор» и «Шаги командора».

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

форма мучения этой конкретной души, были делом рук самого Данте? В Тринадцатой песне «Ада», посвященной насильникам над собой, души умерших превращаются в кусты. Не случайно, Марина Цветаева тоже видится Ахматовой в виде куста, дерева («Темная, свежая ветвь бузины…// Это письмо от Марины»). Куст терновника, от которого Данте отламывает ветку, восклицает: «Не ломай, мне больно!»[35] Сопровождающий Данте Вергилий так объясняет потерпевшему необходимость его страданий: «О бедный дух, он не простер бы руку. // Но чтоб он мог чудесное познать, // Тебя со скорбью я обрек на муку»[36]. Чтобы читатели могли познать чудесное, Ахматова создает особую зону, похожую по своим правилам или по отсутствию соблюдения норм человеческого поведения на то, как Агамбен описывает принципы функционирования концентрационных лагерей[37]. Попавший в нее, не жди пощады или снисхождения, или как гласила надпись при входе в дантовский Ад: «ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНЬЯ»[38]. Не для того создаются такие зоны и собственно все великие произведения искусства, чтобы в них потом соблюдались какие-то правила.

По мнению Хэрольда Блума, величайшим изобретением Данте была его Беатриче[39]. Беатриче, которую Данте любил с детства, умирает еще совсем молодой женщиной, и в память о ней Данте пишет комментарии к своим стихотворениям, сочиненным, якобы, еще при жизни любимой женщины. Вместе они составляют «Новую жизнь», первое крупное произведение Данте. В Комедии Беатриче выступает в роли доброго ангела и наставницы, которая собственно и посылает Вергилия в помощь отчаявшемуся Данте и благословляет его на путешествие по Аду, обещая желанную встречу в конце пути. И Беатриче, и Вергилий давно мертвы, так же как мертвы все те, кого встречает Данте на своем пути. И души, и любимая женщина, и великий римский поэт – все говорят только то, что Данте хочет, чтобы они говорили; Беатриче и Вергилий делают всё, чтобы Данте прошел свой путь без страха, минуя искушения. Думается, что Ахматова пришла к похожему выводу – лучшие советники, читатели и интерпретаторы это те, которых уже нет в живых или те, кто, как Исайя Берлин, жили в прекрасной недосягаемости (неверно думать, что Ахматову не устраивала география этих отношений). Лучшее письмо от Николая Пунина она получила после того, как они не только развелись, но и расстались во время войны. Это письмо Ахматова бережно хранила и часто перечитывала. В нем Пунин вспоминает чувство воскрешения и возрождения, которое он испытал, умирая от голода в Ленинграде. Описывая свое духовное прозрение и то, как по-новому ему представилась «цельность», «органичность» и «совершенство» жизни Ахматовой, Пунин сравнивает свое состояние с состоянием Данте в «Раю»:

В Вашей жизни есть крепость, как будто она высечена в камне и одним приемом очень опытной руки. Все это – я помню – наполнило меня тогда радостью и каким-то совсем не обычным, не сентиментальным умилением, а созерцательным, словно, я стоял перед входом в Рай (вообще тогда было много от «Божественной комедии»). И радовался я не столько за Вас, сколько за мироздание, потому

[35] Данте Алигьери. Божественная комедия. Новая жизнь: Пер. С ит. /Данте Алигьери. –М. НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 74.
[36] Там же. С. 75.
[37] Agamben Giorgio. Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita. Torino: Giulio Einaudi editore, 1995.
[38] Данте Алигьери. Божественная комедия. С. 28.
[39] Bloom H. The Strangeness of Dante: Ulysses and Beatrice. / H. Bloom // The Western Canon. New York: Riverhead Books, 1994. С. 73-75.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

что от всего этого я почувствовал, что нет личного бессмертия, а есть бессмертное[40].

Хотя Ахматова бесконечно переписывала те или иные прозаические фрагменты, вошедшие и не вошедшие в окончательный вариант Поэмы, одно вступление так и осталось в нем без изменений:

> Я посвящаю поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.
>
> Их голоса я слышу и вспоминаю их отзывы теперь, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи[41].

Надо ли говорить о том, что многие из первых слушателей были живы, как в момент написания этих строк, так и к моменту завершения работы над Поэмой? Но творец на то и творец, чтобы как Пушкин заключить читательскую толпу в рамки своего текста.

На рубеже: Пастернак и Хайдеггер

Дэвид Лин помещает свою знаменитую экранизацию Доктора Живаго в рамки концлагеря (фильм буквально начинается в трудовом лагере, там же и заканчивается), а рассказчиком в фильме делает сводного брата Юрия Евграфа, который, якобы, знает всё, то есть, Лин идет по дантовско-ахматовскому пути освоения человеческого и исторического материала. В романе Евграф, в основном, знаком с Юрием по его произведениям. Более того, в романе Евграф настолько обеспокоен тем, что Юрий перестает писать стихи в конце 20-х годов, что он предоставляет ему отдельную квартиру и даже обеспечивает ему работу в больнице. Юрий умирает на пути на работу от разрыва сердца. Было бы наивно предполагать, что Живаго умирает только для того, чтобы проиллюстрировать собой участь свободного искусства в СССР в конце 20-х годов. Пастернак сам убивает своего героя, косвенно давая понять причины такого решения в письме переводчику М. Г. Ватагину, написанному вскоре после окончания романа:

> Даже в случае совершенно бессмертных, божественных текстов, как напр. Пушкинские, всего важнее отбор, окончательно утвердивший эту данную строчку или страницу из сотни иных, возможных. Этот отбор производит не вкус, не гений автора, а тайная побочная, никогда вначале не известная, всегда с опозданием распознаваемая сила, видимостью безусловности сковывающая произвол автора, без чего он запутался бы в безмерной свободе своих возможностей.
>
> В одном случае это трагический задаток, присутствие меланхолической силы, впоследствии сказывающейся в виде преждевременного самоубийства, в другом – черта предвидения, раскрывающаяся потом посмертной победой, иногда только через сто лет, как это было со Стендалем[42].

Иными словами, Пастернак не хотел для своего героя безграничной свободы творчества, на которой пыталась настаивать Ахматова. Отдав Живаго лучшие из своих стихов, Пастернак остановил «бег времени» (название последнего сборника Ахматовой). Если многочисленные исправления и добавления остались рубцами на теле Поэмы, то поэтический цикл Живаго вынесен в последнюю 17 главу, состоящую только из 25 стихотворений, без всяких сносок и комментариев. Этому предшест-

[40] Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / сост., предисл., примеч. и коммент. Л. А. Зыкова. М. : Артист. Режиссёр. Театр, 2000. С. 355.

[41] Ахматова А. Поэма без героя. Триптих [1940-1965] / А. Ахматова // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. С. 165.

[42] Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. Письма. М.: Художественная литература, 1992. С. 543-544.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

вуют главы, рассказывающие о доживании Юрия на этом свете, и эпилог, в котором действие романа доведено до дня его окончания, то есть, до середины 50-х годов. Эпилог отделяет несовершенную жизнь поэта (за которую и за описание которой Пастернак получил много нареканий) от его совершенных произведений, сохраняя за ними статус когда-то сообщавшихся сосудов.

Наибольший интерес в данном контексте представляет то, как Пастернак оформил отношения между литературным наследием своего героя и его читателями. Эпилог кончается тем, что друзья Юрия Гордон и Дудоров, уже постаревшие, читают его стихи и находят в них новый смысл. В конце невозможно отличить, где проходят границы между произведением искусства, его восприятием, творящейся за окном исторической действительностью и её проекцией в романе.

> Прошло пять или десять лет, и однажды тихим летним вечером сидели они опять, Гордон и Дудоров, где-то высоко у раскрытого окна над необозримою вечернею Москвою. Они перелистывали составленную Евграфом тетрадь Юрьевых писаний, не раз ими читанную, половину которой они знали наизусть. Читавшие перекидывались замечаниями и предавались размышлениям. К середине чтения стемнело, им стало трудно разбирать печать, пришлось зажечь лампу.
>
> И Москва внизу и вдали, родной город автора и половины того, что с ним случилось, Москва казалась им сейчас не местом этим происшествий, но главной героиней длинной повести, к концу которой они подошли, с тетрадью в руках, в этот вечер. […] Счастливое, умиленное спокойствие за этот святой город и за всю землю, за доживших до этого участников этой истории и их детей проникало их и охватывало неслышною музыкой счастья, разлившейся далеко кругом. И книжка в их руках как бы знала всё это и давала их чувствам поддержку и подтверждение[43].

В романе есть несколько известных рассуждений об истоках творчества, представленных как мысли Юрия. В конце 30 годов М. Хайдеггер ставил перед собой сходные задачи по определению истока и истинности произведения искусства в работе «Исток искусства» (1939).

> Истина как просветление и затворение сущего совершается, будучи слагаема поэтически. *Все искусство* — дающее пребывать истине сущего как такового — *в своем существе* есть *поэзия.* Сущность искусства, внутри которой покоится художественное творение и покоится художник, есть творящаяся истина, полагающаяся вовнутрь творения. Поэтическая сущность такова, что искусство раскидывает посреди сущего открытое место, и в этой открытости все является совсем иным, необычным[44].

По Хайдеггеру большую роль в процессе самоосуществления и бытия творения как творения, играют не столько «созидающие», сколько«охраняющие» его, концепция, которая могла быть близка Пастернаку (его первая книга воспоминаний назывались «Охранная грамота»).

> Такое ведение не изымает творение из его самостояния в себе самом, не стягивает его в округу простого переживания и не низводит творение до роли простого возбудителя переживаний. Охранение творения не разъединяет людей, ограничивая каждого кругом его переживаний, но оно вводит людей вовнутрь их общей принадлежности истине, совершающейся в творении, и так полагает основу для их совместного бытия

[43] Пастернак Б. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. Доктор Живаго. М.: Художественная литература, 1990. С. 510.

[44] Хайдеггер М. Исток искусства. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_index.php

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

друг с другом и друг для друга; такое бытие есть исторически совершающееся обнаруживание здесь бытия и выставление себя наружу изнутри сопряженности с несокрытостью[45].

Думается, что Гордон и Дудоров (и отчасти Евграф), способные забыться (забыть себя) в стихах Живаго, представляют собой идеальных хайдеггеровских «охранителей», для которых Пастернак создает идеальные условия, убирая за скобки самого поэта.

Выводы

Пастернак создает творческую биографию большого поэта, который платит ценой собственной жизни за бессмертие своих произведений (такую же судьбу выбрал себе сам Пастернак). Ахматова, взяв на себя функции большого поэта, была вынуждена вечно дописывать Поэму, которая должна была дать ей право считаться великой. Она сама становится узником своего концлагеря, так как Поэма не позволяла ей отделиться от текста, а читателям читать Поэму как текст, не привязанный к жизни Ахматовой. Пастернак, известный своим«гудением» и невнятицей в общении, предпочитал выставлять перед собой и читателями определенные рубежи, по достижению которых постепенно отпадало все то человеческое, что соединяло их друг с другом. По достижению 17 главы уже нечего было обсуждать, можно было только жадно ловить воздух запредельно прекрасных стихов. Ахматова, обладавшая врожденным даром беседы и ценившая в доверительном общении как сплетни, так и слухи, вместе с читателями продолжала расширять границы допустимого как в исторической картине XX, так и в его поэтическом воплощении. Это обрекало ее на бесконечные обсуждения не только каждого исторического момента, но и каждой строки и знака препинания, давая жизнь всему тому, что Хайдеггер называл «суетой и предприимчивостью жизни»:

Как только тот самый прорыв в небывалую огромность улавливается и гасится привычным восприятием и разборчивым вкусом, вокруг творения уже скапливаются суета и предприимчивость художественной жизни. И тогда даже самая тщательная забота о сохранности творений и научные попытки заново освоить их и овладеть ими уже не достигают самого бытия творения творением, но достигают лишь воспоминания о нем. Но даже и таковое может еще предоставить творению место, где оно наряду со всем прочим складывает облик совершающейся истории. Однако самая подлинная действительность творения выявляется лишь тогда, когда творение сохраняется в истине, совершаемой им же самим[46].

В желании сохранить свое творение в истине, Ахматова продолжала дописывать Поэму, добавляя отдельные строки, вычеркивая и добавляя примечания и эпиграфы. «Оттепель» положила конец этим усилиям, когда первая часть Поэмы под названием «Девятьсот тринадцатый год»вышла в 1965 году в Советском Союзе в сборнике «Бег времени» тиражом в 50.000 экземпляров. Контролировать растущее племя читателей и интерпретаторов Поэмы Ахматова более была не в силах. Лежа в больнице незадолго до смерти, она с увлечением читала о христианских катакомбах и мечтала заняться переводами, то есть, тем, что позволяло скрыться или уйти от прямой ответственности за написанное. Для тогда еще совсем молодого Михаила Ардова она записала в своей записной книжке: «для Миши: … мы, современники Ахматовой, видим ее гораздо проще»[47].

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Ахматова А. Записные книжки Анны Ахматовой. С. 706-707.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Александр Павлович ЛЮСЫЙ / Alexander LYUSIY

Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Москва, Россия
Старший научный сотрудник, кандидат культурологии
Российский новый университет (РосНОУ), профессор

Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev
Researcher, PhD
allyus1@gmail.com

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОГРАНИЧНИК: КАК ЛЕВИАФАНА НИ КОРМИ, ОН В ЛЕС СМОТРИТ*

Субъект пограничной деятельности, или «символический пограничник», представлен как одновременно хранитель и нарушитель границ. В океаническом пространстве это Левиафан, в континентальном – преимущественно медведь, образ которого во многом замешан на оборотничестве. Из таких оснований ведется анализ онтологических и гносеологических принципов познания и коммуникации. Цель такого анализа - выявление прагматических, синтаксических и семантических правил соответствующего вида символической деятельности индивида, связывающей его с незнаковой реальностью.

Ключевые слова: символический пограничник, субъект, государство, свобода, воля, семиозис, маркировка, иное.

SYMBOLICAL FRONTIER GUARD

The subject of boundary activity, or «the symbolical frontier guard", is presented as the keeper and the violator of borders at the same time. It is the Leviathan in oceanic space, a bear - in continental. Its image is based on an werewolf. The analysis of the ontologic and gnoseological principles of knowledge and communication are kept here. The purpose of such analysis is a detection of pragmatical, syntactic and semantic rules of the corresponding type of the symbolical activity.

Key words: symbolical frontier guard, subject, state, freedom, will, semiotic, marking, other.

Статья написана при поддержке грантов РГНФ: № 15-03-00581 "Освоение репрезентаций пространства в культурных практиках: история и современность" и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Александр Павлович ЛЮСЫЙ / Alexander LYUSIY

| Символический пограничник: как Левиафана ни корми, он в лес смотрит / Symbolical Frontier Guard |

Работа над языком имеет задачею своею: железную антиномию его закалить в сталь, т.е. сделать двойственность языка ещё бесспорней, еще прочней… И, прежде всего, что есть термин этимологически и семасиологически? - Terminus, или termen, inis или termo происходят от корня ter, - означающего «перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону».

П. Флоренский. Термин

Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации. У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница эта – не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую – меньше пьют и говорят на нерусском...

А там?

Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и говорят не по-русски!

В. Ерофеев. Москва - Петушки

Сотворение мира, согласно Библии, происходило рука об руку с созданием границ, равно как и с определением их местоблюстителя, субъекта пограничной деятельности. Буквально в первых словах Книги Бытия говорится, что Бог «сотворил небо и землю» (Быт 1, 1) и это деление всего сотворенного надвое, как отметил П.Флоренский, всегда признавалось основным. «Но эти два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются. Однако их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о границе их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их соединяет»[1].

Разделение происходит явно для удобства последующей связи («Прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться…»). «Он связывает воды в плотных облаках, и облако не разрывается под ними» (Иова 26:8). Речь тут идет о «водах» во множественном числе, которые находятся над нашими головами, как Иов говорит в главе 26:5-13. В сущности, стихи 5-13 книги Иова описывают строение всей Вселенной, так что это можно называть библейской космологией, что представляет собой, по мнению Перри Димопулоса, научное (научное в библейском смысле слова) исследование строения Вселенной; её форму и местоположение всего внутри её и за её пределами, с её полюсами границ и безграничности. Воды связаны в облака так, чтобы они не хлынули вниз. «Он окружил воды пределами, пока не окончатся день и ночь» (Иова 26:10). Все воды имеют свои «пределы», а одна из границ этих вод простирается к тому месту, где начинается вечность: «пока не окончатся день и ночь». Это то место, с которого начинается ВЕЧНОСТЬ. В нём нет различия между ночью и днём, как в нашей солнечной системе. В последующих стихах возникает и интересующий нас персонаж: «Столпы неба дрожат и поражаются обличению его. Силой своей разделяет море и разумом своим сражает гордых. Духом своим украсил небеса, рука его образовала кривого змея» (Иова 26:11). Змей, Бегемот, Левиафан представляют собой одно и то же сверхъестественное существо на границе стихий и сущностей.

Пс. 104:26 /103 (Син.) «…Там ходят корабли, там этот левиафан, которого ты создал играть в нем». Левиафан – и субъект, и объект этой пограничной игры, а в некоторых случаях и жертва: «Ты разделил силой твоей море, ты сокрушил головы драконов в водах. Ты разбил головы левиафана вдребезги и отдал его в пищу народу, населяющему пустыню» (Пс. 74:13, 14).

Как трактует П. Димопулос бегемотово разнообразие Библии, «Есть множество змиев (Чис. 21:6) на этой земле, которых, конечно же, не стоит путать с единственным древним змием Бытия 3-й главы, который обольстил Еву. Есть левиафаны в водах на этой земле, у которого лишь одна голова, но есть и сверхъестественный ЛЕВИА-

[1] Флоренский П. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 419.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ФАН, у которого семь голов. Он являет собой красного дракона. Это и есть Сатана!». Т.е., есть посюсторонний Левиафан-пограничник, данный во устрашение и во искушение (в прямом и переносном смыслах) людей, а есть потусторонний адский Левиафан как воплощение абсолютного зла. Последнее упоминание о Левиафане в Библии: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея пронизающего, именно левиафана, того змея кривого; и убьет дракона, который в море». (Иса. 27:1).

Новое всплытие Левиафана осуществил Т. Гоббс посредством известного одноименного трактата. «Левиафан» Гоббса знаменует, что время разделений, в частности, духовной и светской власти, прошло. «Поскольку, - трактует переосмысление Левиафана Гоббсом А. Тесля, - естественные законы сами по себе бессильны перед действием страстей, так как люди «от природы любят свободу и господство над другими», то для защиты «от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу» возможен только один путь, а именно сосредоточение «всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю». Для установления общей власти необходимо, «чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения»[2]. Гоббс пишет: «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способными направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов» [3].

В этом месте меняется самый стиль Гоббса, говорящего о возникновении государства. Вместо обычной логической чеканности опять всплывает библейский стиль шести дней творения – и разграничения. При этом подчеркивается, что именно разграничивающая сила и власть Левиафана, возникающего из состояния естественной вражды (первоначального хаоса), есть единственное, что способно упорядочить человеческий мир – то, что утвердившись, несет мир и покой – «субботний отдых», даруемый здесь как награда за повиновение, как готовность пожертвовать свободой, в естественном состоянии являющейся единственно свободой страстей. И как война рождается из свободы, так мир порождается пограничным страхом, непременным спутником «силы и власти», страх единственный способен породить сотрудничество, единственный может обеспечить осуществление естественных законов «взаимной уступчивости» и «легкого прощения обид».

Уподобление Левиафана естественному организму имеет свои границы – и границы эти явственнее всего в состоянии кризиса и распада государства. В «естественном теле» все члены находятся «во взаимной зависимости». Так же верно и то, что в государстве все члены «взаимно связаны между собой, но зависят они только от суверена, который является душой государства. И стоит только этой душе исчезнуть, как государство так распада-

[2]Тесля А. Абсолютизм государства. Политическая философия Томаса Гоббса // http://krotov.info/libr_min/19_t/es/lya.htm

[3] Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. С. 133.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

ется в огне гражданской войны, что прекращается всякая взаимная связь между людьми в силу отсутствия общей зависимости от известного суверена, точно так же как члены естественного тела распадаются в земле вследствие отсутствия связывающей их души» [4].

Обязанности подданных по отношению к суверену предполагаются существующими лишь в течение того времени, пока суверен в состоянии защищать их. Всего таких случаев Гоббс рассматривает четыре. Во-первых, подданный освобождается от обязанности повиновения в случае пленения «или если его личность или средства существования находятся под охраной врага и ему дарует-ся жизнь и физическая свобода при том условии, что он станет подданным победителя». В таком случае «подданный волен принять это условие, а приняв его, он становится подданным того, кто взял его в плен, ибо у него нет другого средства сохранить свою жизнь». Во-вторых, в том случае, когда «монарх отрекается от верховной власти за себя и за своих наследников» – «его подданные возвращаются к состоянию абсолютной естественной свободы». В-третьих, когда монарх подвергает своего подданного изгнанию. Гоббс поясняет: «Хотя тот, кто послан за границу с каким-нибудь поручением или получил разрешение путешествовать, остается подданным, но не в силу своего соглашения о подданстве, а в силу договора между суверенами. Ибо всякий вступающий на территорию другого владения обязан подчиняться всем его законам, за исключением того случая, когда он пользуется особой привилегией благодаря дружбе между его сувереном и сувереном той страны, где он временно пребывает, или когда он имеет специальное разрешение сохранить старое подданство»[5]. В приведенном авторском пояснении к третьему случаю выхода подданного из-под власти своего суверена ярко проявляется ключевая доктрина абсолютного и в то же время территориально ограниченного характера государственной власти. Левиафан тотален, но не империалистичен, поскольку любая империя в идеале своем безгранична.

В зависимости от того, как сообщается Слово Божье, различаются и два вида Царства Божьего – естественное и пророческое. При пророческой форме царства Господь, «избрав своими подданными определенный народ (евреев), управляет им, и только им, не только при помощи естественного разума, но также посредством положительных законов, данных этому народу устами его святых пророков»[6].

Два обозначенных Гоббсом вида царств на современном языке актуализируют проблему качественных границ или способностей, через которые субъект может осуществить самоописание, в процедурах которого фундаментальной становится проблема онтологических границ семиозиса и их «символического пограничника», учреждающего игровое пограничное пространство. По словам А.Ю. Нестерова, каждый конкретный вариант решения этой проблемы определяет онтологическую модель, задающую соотношение коммуницируемого и познаваемого, то есть соотношение языка, мышления и действительности. «Плюрализм (например, в виде гипотезы о трёх мирах К.Поппера) подразумевает несводимость реальности каждого из трёх миров к реальности любого другого мира, так что возникает проблема описания взаимодействий между мирами и условий возможности такого описания. Это проблема «единого во многом» или (в холизме) проблема необходимого тождества бытия, мышления и языка как условия возможности описания действительности; или (в редукционистских моделях) проблема общей логической формы или общей формы отражения, обеспечивающей корреспонденцию языка и мира; или (в конструктивистских моделях) проблема всеобщей символической функции. Определение онтологических

[4] Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 443.
[5] Там же.
[6] Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 277.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

границ семиозиса - это проблема описания миров и их взаимодействий внутри плюралистической системы, то есть проблема выражения в единой непротиворечивой терминологической системе семиотики функций, задающих действительность языка, действительность сознания и действительность восприятия»[7]. Данное определение есть анализ онтологических и гносеологических оснований познания и коммуникации, направленный на выявление прагматических, синтаксических и семантических правил соответствующего вида символической деятельности индивида, связывающей его с незнаковой реальностью. Оно соотносится с попыткой соединения герменевтики и семиотики у А. Августина, порождающее схоластическую философию. Таковой стала и просвещенческая традиция «общей герменевтики» XVII-XVIII веков, вводящая проблему и познания, и коммуникации через категорию знака; таково стремление современной семиотики к единому языку описания процессов познания и коммуникации, опирающемуся на модель Ч. У.Морриса.

Проблема границ семиозиса в современной коммуникации требует в онтологическом плане выявления оснований коммуникации, проясняемых на уровне семантики через анализ соотношения знакового и незнакового, то есть знака и обозначаемого, на уровне прагматики - через анализ роли процедур выражения и понимания как функций отправителя и получателя сообщения, на уровне синтаксиса - через анализ возможностей системы задавать семантические и прагматические ограничения. В гносеологическом плане определение границ семиозиса подразумевает анализ типов семиозиса и выявление специфики собственно коммуникативного семиозиса, обнаруживаемой как через анализ проблемы значения, то есть интерналистских и экстерналистских версий теории значения и соответствующих им семантических и прагматических презумпций, так и через анализ границы выразимого и невыразимого, задаваемой синтаксисом.

Проблема определения границ семиозиса раскрывается в первую очередь на фоне регулярно повторяющейся в истории философии утопии универсального языка или кода, владение которым позволяло бы человеку верно интерпретировать явления физического, психического или сверхчувственного мира. Каким образом возможен субъект пограничной деятельности, способный претерпевать одни события и выступать автором других, делить переживаемое на свое и чужое, быть активным и деятельным в отношении противопоставленного ему мира? Этот вопрос обострился в эпоху Просвещения, когда представления о субъекте и объекте коренным образом изменились: вместо того, чтобы исходить из жесткого противопоставления Я и не-Я для построения учения о мире и человеке, философия обратилась к исследованию того, как само это противопоставление становится возможным. И, наконец, XX век ознаменовался «смертью субъекта» в структурализме и постструктурализме, вынесением конститутивов субъективности за ее границы (например, в ситуацию интерсубъективности), «лингвистическим поворотом» и определением субъективности как эпифеномена языка (Р. Барт, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Э. Бенвенист и др.).

Топологически пограничная субъективность может быть представлена как континуум состояний между двумя принципиально недостижимыми полюсами, один из которых И. В. Журавлев и А. Ш. Тхостов называют полюсом субъекта, а другой - полюсом объекта. «Членение диады субъект-объект проходит по линии напряженного взаимодействия, граница между элементами которого рождает необходимость субъективного образа объективной реальности. Как субъект, так и объект могут появиться лишь в этом разрыве, в точке полупрозрачности, порождающей одновременно и

[7] Нестеров А.Ю. Онтологические границы семиозиса в процедурах коммуникации, познания и понимания: автореферат дис. ... доктора философских наук. Самара, 2010.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

субъекта, и *иное* по отношению к нему. Однако локализация границы между субъектом и объектом, т.е. самого *места субъективности,* не является однозначной. Во-первых, мое Я, состоящее из души и тела (психофизический субъект), может быть противопоставлено существующему вне моего тела миру; во-вторых, мое сознание со всем его содержанием - миру вне сознания, в том числе и моему телу; в-третьих, мое сознание может быть противопоставлено всему его содержанию: все мои мысли, чувства и желания могут стать для меня объектом»[8].

Указывая на неоднозначность местоположения границы между субъектом и объектом, ученые обращаются к классическому психологическому феномену зонда: ощущения испытуемого при использовании для изучения объекта зонда (называемого «посохом Бора»), локализуются не на границе руки и зонда, а на границе зонда и объекта. Эта граница принципиально смещаема, а сам субъект, обнаруживающий себя лишь в столкновении с иным, оказывается своеобразной «черной дырой». При последовательном разложении субъекта в процессе пограничной деятельности возникает гносеологический субъект, в котором не заключается более ничего, что может стать объектом, однако его понятие И. В. Журавлев и А. Ш. Тхостов истолковывают *как пограничное понятие*. Продвижение в сторону полюса субъекта не что иное, как бесконечный тупик XXI-го века: я мыслю себя как субъект, но доступен себе исключительно как объект. Однако и полюс объекта (полюс абсолютной непрозрачности, неподконтрольности) при перемещении границы тоже никогда не может быть достигнут, поскольку у субъекта всегда остается возможность проявления активности по отношению к неизбежно возникающему-для-него *иному* (исчезновение *иного* означало бы исчезновение самого субъекта).

Помимо факта подвижности границ субъекта, феномен зонда позволяет продемонстрировать универсальный принцип объективации: свое феноменологическое существование явление получает постольку, поскольку обнаруживает свою непрозрачность и упругость. Для того, чтобы стать для меня реальным, воспринимаемый мною предмет должен обладать характеристиками необходимости и общезначимости: именно тогда отношение представления к предмету становится *объективным*. Реальный предмет должен быть в буквальном смысле не-обходимым и непрозрачным, проявлять качества «исключительности, агрессивности». Очень много примеров, подтверждающих это, содержится в естественном языке: нечто бросается в глаза или режет слух, и именно броское, а не мутное и полупрозрачное, в первую очередь привлекает наше внимание как реальное явление; малореальное всегда неотчетливо и может быть развеяно как сон.

Ирония, этот трансграничный язык порога, не допускает утопических компромиссов, которые во имя терпимости и гуманизма, благоприятной для человека сбалансированной гармонии, целостности «живой жизни» искал реализм XIX в. Именно это благородное, но утопическое сознание привело его к крушению. Дух рефлексии в искусстве XX в., критической или, в конце века, игровой по поводу форм культуры и искусства, форм мышления современного человека, многообразно проявляет себя в литературе XX века и постмодерна. Здесь происходит перевод и переработка культурного опыта порога в плоскость языка порога, что позволяет культуре находить новые формы вненаходимости по отношению к себе самой, осознавать себя и таким образом подниматься над своими ограниченностями.

[8] Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Субъективность как граница: топологические и генетические модели // Психологический журнал. 2003. В. 24, № 3. С. 8.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Александр Павлович ЛЮСЫЙ / Alexander LYUSIY

| Символический пограничник: как Левиафана ни корми, он в лес смотрит / Symbolical Frontier Guard |

Левиафана можно назвать *символическим пограничником*[9] океанического (атлантического) сознания. Наиболее проявленным символическим пограничником континентального сознания стал медведь, своего рода «русский Левиафан», по сути своей вряд ли менее воображаемая сущность.

Впрочем, первыми носителями воплощенной в образе медведя антиевропейской сущности оказались – персы. В античной иконографии они зачастую изображаются с уложенными в прическу волосами, что побудило древнееврейских комментаторов искать у них сходство с медведем по части волосяного покрова. Талмуд подтверждает наиболее древнее и распространенное истолкование образа медведя из книги Даниила (7:5) как символа Мидо-Персии, а точнее, персов, «которые ели и пили, как медведи, были покрыты мясом (толсты), как медведи, волосы у них были длинные, как у медведей, и они не знают отдыха, как медведи». Данное выражение не только означает поглощение различного рода пищи в огромных количествах, но и является намеком на алчность персов. Тело, «покрытое мясом», не только означает тучность, но и указывает на прямо-таки экстремальную телесность персов, переходящую в развратность. Кроме того, этот образ может намекать не столько на тучную, сколько на мускулистую, массивную фигуру — как зверя, принадлежащего к числу наиболее крупных сухопутных животных, так и персидских воинов.

Древнееврейское слово dob — «медведь» — обозначает как самца, так и самку этого животного. Подобным образом дело обстоит с греческим существительным he arktos, которое, кроме того, может использоваться для обозначения севера, созвездий (mikra arktos — Малая Медведица; megale arktos — Большая Медведица), а также — что может показаться неожиданным — и Южного полюса[10]. Такое отсутствие четкого разграничения полов при упоминании медведя в оригинальных библейских текстах можно рассматривать как симптоматичное и свидетельствующее об объединении порой диаметрально противоположных черт в одной фигуре. Так образ медведя начал амбивалентно (двуполярно) интерпретироваться как символ двух противоборствующих сил: божественной и демонической.

Книга Осия (13:8), передавая слова разгневанного Бога, который будет нападать на свой неверный народ, «как лишенная детей медведица, и раздирать вместилище сердца их и поедать их там, как львица; полевые звери будут терзать их». Медведица здесь символ самого Яхве, а не только его гнева, истинный земной Левиафан. В книге Даниила (7:3) «И четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого» якобы свидетельствует, что в видении пророка они появляются одновременно. Это открыло новые возможности толкования: отпала необходимость отыскивать в истории четыре великих государства, следующие одно за другим, и стало возможным применять актуализацию, основанную на одновременном существовании четырех империй. Все это означает отказ от традиционного исторического толкования (льва как Вавилона, медведя — как Персии и барса — как Греции, а четвертого зверя — как Рима), которое не отвечало новому требованию нелинейной одновременности.

Образ медведя в России, как и во всех мифоритуальных системах жителей лесной и лесостепной природно-географических зон, издавна играл весьма важную роль, так что вполне закономерным стало появление медведей и в земельной геральдике России. В то же время, в отличие от гербов Берлина или Берна, «русские» медведи не

[9] Термин Джона Армстронга. См. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1982. 411 p.

[10] Войцеховска К. Лютый зверь и образец заботливости: образ медведя в Библии и апокрифах // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 11.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

объясняли название города, т.е. не выполняли чисто этимологическую функцию «гласных» эмблем. В каждом из этих гербов медведи занимают разное положение, имеют различные атрибуты и, соответственно, отражают разную семантику эмблем, вписывающуюся в более широкий историко-культурный контекст. Двуглавый орел парил в облаках, а медведи (иногда в паре с другими лесными хищниками) держали внизу щит, т.е. им отводилась защитная функция. Охота на медведя (точнее, единоборство с ним) выступало в качестве некоего важного, до некоторой степени даже непременного атрибута княжеской власти.

В то же время нередко образ медведя приобретали бесы, являвшиеся для искушения святым. Печерского инока Исакия они пугали «то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то ползли к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами»[11]. Святой побеждает медведя, но не оружием, как князья, убивая его, а добротой — приручая. Эпизод с медведем входит в контекст духовных подвигов Сергия Раждонежского, претерпевавшего искусы и боровшегося с бесами. Характерно, что святой не только кормил зверя, но ради него даже отказывал себе в пище (если ее было недостаточно). Схожее «чудо о медведе» связывается и с житием Серафима Саровского. Тем самым чудо борьбы (победа над медведем в княжеской охоте) уступает место чуду добра и духа (умиротворение медведя святым подвижником); при этом и сам медведь выглядит достаточно мирным.

Однако разнообразно увековеченная в геральдике княжья, позже царская охота на медведя параллельно продолжала иметь инициационный для государственной зрелости правителя характер, после некоторого угасания получив неожиданный импульс в начале царствования Александра II-го. Как отмечает Р. Уортман, ни Александр I, ни Николай I не любили охоту — она была для них лишь суррогатом боевой славы и плац-парадной дисциплины. Но Александр II расширил штат егермейстерского ведомства, основал новое охотничье угодье — Беловежскую пущу в Гродненской губернии, где водились последние на территории Российской империи зубры, и повелел собрать оркестр для исполнения подходящей охотничьей музыки. Были построены или перестроены роскошные охотничьи домики, в которых Александр вместе с великими князьями и своими гостями возвел охоту в ранг церемонии Российской монархии.

Забегая вперед, стоит отметить, что такое возрождение стоит трактовать не как возвращение к истокам, а скорее как прогрессивный знак характерной для эпохи этого царя европеизации. К середине XIX в. британская аристократия, дав всей Европе пример благородных спортивных развлечений, сделала охоту досугом истинных аристократов. Кроме того, охота служила знаком доблести и смелости вождей народа-колонизатора. Охотник проявлял личное мужество и хладнокровие, покоряя другие царства — животное царство так же, как человеческие. Охотник - идеальный и окончательный тип строителя империи. Особые нарративы повествуют о бесстрашных охотниках, выходящих на крупного зверя, и живописуют эпические сцены гибели огромных сильных животных. Иллюстрации изображают охотников, стоящих в гордом одиночестве и палящих в упор в прыгающего на них зверя.

Статья «Выстрел Его Величества в медведя», опубликованная в первом февральском выпуске «Русского художественного листка» за 1857 г., помещает царя в центр такого охотничьего нарратива[12]. Медведь, как рассказывает автор статьи, был обнаружен внезапно, всего в пяти или шести шагах от охотников, и царь выстрелил. На сопутствующей литографии Тимма медведь изображен в непосредственной близости от императора, кото-

[11] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 222.

[12] Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Р.С. Уортман; Пер. с англ И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. С. 84-85.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

рый, прицелившись, стреляет. Но это не просто человек, сражающийся со зверем; художник отнюдь не хотел создать впечатление, что жизнь императора подвергается опасности. Рядом с ним урядник с пикой и егерь с ружьем.

Охота также давала Александру возможность появляться в окружении своих приближенных и иностранных принцев, причисленных к его свите. На другой картине император выставляет свою добычу на всеобщее обозрение в виде чучела для демонстрации охотничьей доблести. Поистине эта поездка Александра II-го в Беловежскую пущу может рассматриваться как аналог империостроительного путешествия Екатерины II в Крым в 1787 году, с тем отличием, что именно на западной границе был ритуально убит разделяющий Россию и Европу местный «левиафан» - после того, как он был на Западе же изобретен сначала в торгово-экономическом, а затем в сатирическом ключе.

То есть, возвращаясь к прерванной нити нашего исторического повествования, отметим, что разнообразно *геральдизируемый* медведь никогда не был в самой России позитивным или негативным символом всей страны. Первое известное нам изображение медведей в контексте России как таковой содержится на гербе английской «Московской компании» (1596). Сама компания была основана еще в 1555 г., т. е. уже на следующий год после первых англо-русских контактов на государственном уровне и установления дипломатических отношений. Медведи выступают здесь, как и на царской печати, геральдическими щитодержателями. Тут не было еще ни сатирической издевки, ни какой-либо идеологической нагрузки: медведи лишь экзотический атрибут страны загадочных московитов.

В XVIII веке мощь России нарастет, составляя конкуренцию планам английской гегемонии. С 1730-х годов в Лондоне появляются первые гравированные листы с медвежьими метафорами России. Крещеными медведями» назвал в это время русских Г. Лейбниц[13]. Честь пребывать в виде коронованных Медведиц поначалу выпала русским императрицам. В последующие два века число карикатур, представляющих Россию то свирепым и злобным, то дружественным и управляемым Медведем, возрастало в геометрической прогрессии, с учетом передовых в этой сфере технологий с их возможностями своеобразного *карикатур-нета*. Свободы печати и внедрение дешевой техники офорта привело к тому, что рынок оказался перенасыщен сатирическими листами с оперативными, остроумный, а порой грубыми и даже непристойными откликами на все текущие события, включая внешнеполитическую сцену. Так вслед за русскими императрицами XVIII столетия в медведей были превращены и все последующие русские императоры — от Павла I до Николая II. Советские генсеки и постсоветские президенты не избежали участи российских самодержцев.

«Русский медведь» изображается в двух различных ипостасях; «государственной» и «народной», либо служа аллегорией России как государства, либо символизирует народ, противопоставленный правителям. В первой своей ипостаси в английской сатирической карикатуре он – один из обитателей европейского бестиария как такового, в пронумерованных клетках которого сидят: 1. Австрийский Леопард. 2. Прусский Орел. 3. Галльский Петух, 4. Русский Медведь в короне, с характеристикой *a very prudent animal* (очень расчетливый зверь). 5. Сардинский Еж. 6 и 7. Мыши — Конде и Брауншвейг. 8. Неаполитанская Летучая Мышь. 9. Голландская Жаба. 10. Шведская Свинья[14].

[13] См.: Кантор К. Кентавр перед Сфинксом // Кентавр перед Сфинксом: (Германо-российские диалоги). М., 1995. С. 36.

[14] Россомахин А., Хрусталев Д. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI-XVIII века) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

На другой карикатуре английский премьер Уильям Питт как Святой Георгий поражает копьем Дракона, сидя верхом на Английском Быке (Джоне Булле). Древко копья имеет надпись United strength of the people (Объединенные силы народа). Бык растоптал копытами пятерых Французских Петухов — членов Директории. Так представлены успехи кабинета Уильяма Питта на внешней и внутренней политической арене (головы дракона - символы парламентской оппозиции). В августе адмирал Нельсон уничтожил французскую эскадру у берегов Египта, а Россия помогла закрепить этот временный успех: в октябре адмирал Ушаков изгнал французов с Ионических островов. Четыре союзника по Второй антифранцузской коалиции — Англия, Турция, Австрия и Россия-медведь расправляются с французской армией в Сирии и обезьяной-Наполеоном лично.

Вторая антифранцузская коалиция, ознаменованная походом Суворова в Италию и Швейцарию: Медведь помогает австрийскому императору стаскивать *сапог-Италию* с ноги республиканского генерала Наполеона. Из сапога сыпятся монеты (на карте-сапоге обозначены Рим, Неаполь, Флоренция). Наполеон с окровавленными кинжалами в руках балансирует на голландском сыре, тогда как английский моряк (Джон Булль) сзади схватил Наполеона за руки.

У самих подключившихся через несколько десятилетий к образу французов с началом русско-французского сближения образ медведя становится двойственным — не только демоническим, но и романтическим, а также гиперсексуальным. Если в британских шаржах это его качество сигнализирует «жительницам» европейского леса об угрозе стать жертвой медвежьего флирта, то во французской сатирической графике медведь представлялся подходящим партнером для Марианны, верным и надежным ее защитником от хищного германского орла. Вот скорее дружеский шарж в связи с началом Антанты - Марианна (из одежды на ней только фригийский колпак) в постели обнимает белого пушистого медведя. Перины напоминают снежные сугробы, балдахин с ликторским пучком и двуглавым орлом — кочевую кибитку. В преддверии холодов темноволосая француженка (есть мнение, что Марианна на этом рисунке похожа на журналистку Жюльет Адан, активно пропагандировавшую союз с Россией) спрашивает русского медведя: «Скажи-ка, дорогуша: я отдам тебе сердце, но получу ли я твою шубку зимой?»[15].

Многозначна карикатура «Революция в России» в испанской газете «Хедеон»: белый медведь в клетке оседлал укротителя-царя, а на подставке с надписью «Порт-Артур» сидит японская обезьяна и смеется над ними. Подпись гласит: «Медведь в ярости. Так как у него не получайся справиться с обезьяной, он пытали навредить дрессировщику»[16].

Новый медвежий визуальный взрыв произошел по разные линии фронтов в годы I-й Мировой войны. В любом случае, и в более позитивном, и в однозначно негативном смысле медведь обозначает символическую границу, разделяющую Запад и Восток, эссенциализируя культурные и цивилизационные различия.

Советский период истории был ознаменован попыткой воспитания не только нового человека, но и нового медведя. Первое появление медведя-оборотня на российском киноэкране произошло в 1925 году в фильме «Медвежья свадьба» Константина Эггерта и Владимира Гардина по одноименной пьесе Анатолия Луначарского, созданной, в свою очередь, по мотивам новеллы П. Мериме «Локис» и нарративной схемы сюжета «Красавица и чудовище» в целом. Имея большой успех, фильм сформировал традицию, которая развилась в экранизациях пьесы Евгения Шварца «Обыкновенное

[15] Цыкалов Д. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX — начала XX века // «Русский медведь»… С. 120.

[16] Гарсия Сала И. Отголоски медвежьего рычания: Российская империя как белый медведь в испанской прессе // «Русский медведь»… С. 144.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

чудо»: герой из страха превратиться в зверя бежит от любви. В экранизации М. Захарова (1978) медвежья ипостась с человеческим лицом не оценивается как однозначно жуткая и безнравственная, привнося тему свободы и природной чистоты, присущая не только медведю, но и другим животным, а также детям.

Наиболее же известным «ответом Чемберлену» стал талисман олимпийского Мишки В. Чижикова для московской Олимпиады 1980 года. Этот сильный, но миролюбивый, милый и застенчивый Мишка символизировал не только Олимпиаду, но и идеальный образ страны. В постсоветском кинематографическом пространстве образ медведя лишился обязательной ценностной нагруженности, став символом, маркирующим ситуацию перехода, выбора или двоемирия, — новым «пограничником». Он появляется как индикатор разделенности мира, но своим существованием уже никак не оценивает эту онтологическую раздвоенность. В фильмах Т. Бекмамбетова «Ночной дозор» (2004) и «Дневной дозор» (2005) по прозе С. Лукьяненко медведь уже не маркирует собой границу между человеческим как цивилизованным и нечеловеческим как дико-природным, но и не нагружается всей полнотой противопоставления морального и неморального выбора. Скорее он служит здесь как легко опознаваемый зрителем маркер переходности между миром привычным и запредельным. Можно сказать, что образ медведя в кинематографии Бекмамбетова кодифицировался, превратился в клише, привычное для хорошо погруженного в российскую кинокультуру зрителя, и поэтому его семиотическая нагрузка ослабла (Медведь — единственный Иной, который не превращается в животное на экране). Для маркировки границ между человеческой культурой и трансцендентным ей миром природы, а также между «Я» и «Другим» теперь требуются уже некие иные символы[17].

Территориальные границы — кожа Левиафана — в современном мире не в силах сдержать информационные потоки, но символические пограничники обладают полномочиями их перенаправления. Левиафан, что зримо проиллюстрировано в одноименном фильме А. Звягинцева, вывернут наизнанку — его внутренности и ткани обнажены воздействию внешнего мира. Так и географические границы держатся остаточным общим законом. И если уже не только граница составляет государство, то национальное государство начинает сопротивляться новой силе, закрывая заслонки, манипулируя роутерами, возводя брандмауэры, пытаясь противопоставить внешним (или даже внутренним) информационным потокам порождаемый самим Левиафаном контент, как если бы можно было одолеть наводнение, подливая воды. Однако информация, как влага, все равно находит себе щели, расширяя их[18].

В постсоветской России образ русского медведя весьма распространен; его активно эксплуатируют политтехнологи, журналисты, маркетологи. В России медведь по-прежнему больше, чем медведь — но все-таки меньше, чем устойчивый и древний национальный символ, который мог бы объединить русских/россиян и мобилизовать их на коллективные действия, с которым они смогли бы отождествить себя и свою страну. Коллективная идентичность существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за доминирование[19]. Прежде всего – дискурсов русское/российское, хотя на поле каждого из них возникают свои поля конкуренции. На зимней Олимпиаде 2014 года белый мишка потеснился, предоставив равноправные места на

[17] Кузнецова Л.В. Медведь-оборотень в российском кинематографе: трансформация образа // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 115.

[18] Харитонов В. Подъем Левиафанов. Границы в сети // Частный корреспондент. 2011. [Электронный ресурс] www.chaskor.ru/article/podem_leviafanov_89

[19] Рябов О., Лазари А., де. Предисловие // «Русский медведь». С. 5.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

эмблематическом пьедестале леопарду и зайке. На Западе же последующие события запустили механизм символического озверения медведя. В России медвежий символ становится фактором проведения внутренних границ, выстраивания и закрепления социальных иерархий. В этих условиях неизбежно новое обострение дискурсивной борьбы вокруг медведя как символического пограничника.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Александр Юрьевич КРАМЕР / Alexander KRAMER

Русская Христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия.
Аспирант

Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia
Postgraduate Student
aykramer@gmail.com

ГРАНИЦЫ КОНЦЕРТНОГО ЗАЛА: ТРИ РАКУРСА

Статья посвящена некоторым аспектам проблематики пограничного, взятым в социокультурном контексте взаимосвязей музыки, архитектуры, музыканта, слушателя в архитектуре концертного зала, который рассматривается как место и пространство, овеществленные в культурный объект. Рассматриваются наиболее существенные проявления границ в контексте различных аспектов концерта и концертного зала, такие как граница в удвоении реальности (as is/ as if), удвоение собственно архитектурных границ (оболочки внешние и внутренние), путь от входа в здание к концертному залу, граница между исполнительским и слушательским пространствами, граница места исполнителя. Также рассматриваются спорные и нуждающиеся в исследованиях границы: ментальных и психологических состояний в ходе концерта и собственно граница «музыки» и «не-музыки».

Ключевые слова: граница, концертный зал, концерт, удвоение границ, оболочки, путь как граница, исполнительское и слушательское пространство, граница ментальных состояний.

BORDERLINES OF A CONCERT HALL: THREE VIEWPOINTS

The article considers some aspects of the problem of borderlines given via sociocultural context of interconnections of music, architecture, musician, listener in concert hall architecture. A concert hall is regarded as a both place and a space, a ‘cultural object’. The article considers the most important features of concert and concert hall, such as: architectural borders doubling (in covers), borders in reality doubling (as is v. as if), ways from the doors to the hall, borders between listerers’ and performers’ spaces. Also the article briefly considers some the questions of mental - psychological borderlines during a concert and differences (borders) between ‘music’ and ‘not-music’.

Key words: landscape, border, space, hierarchy, invariant, spatial turn, spatialization, cultural diffusion, Siberia.

Архитектура человекоразмерна.

Одна из (в культурном смысле, как представляется, едва ли не важнейшая) функция архитектуры – овеществление способа трансформации человеческого поведения. В том числе путем включения поведения в предзаданные функциональные или символические (как это делает «говорящая архитектура») контексты.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Александр Юрьевич КРАМЕР / Alexander KRAMER

| Границы концертного зала: три ракурса / Borderlines of a Concert Hall: Three Viewpoints|

Архитектура – вся о границах. Физически архитектура всегда о человеческом отношении к месту изменения физических качеств среды. Коммуникативно архитектура – о границах контекста, о соотнесенности, нормативности понимания или место непонимания. Социально архитектурные границы разобщают или объединяют. Интеллектуально: степени свободы мышления о ситуации, контексте, поведении.

Плюс художественная иллюзия поверх всего этого.

1. Ракурс первый: как бы очень издалека

1.1. Почему мы взяли как пример для разговора о границах именно концертный зал? Потому что концертный зал (впрочем, в этот же список попадают и картинные галереи, и театры, например) – внутри этого архитектурного объекта происходит весьма примечательное удвоение реальности.

В момент события исполнения музыки (а музыка существует только в момент исполнения, только в звуке), – «обыденная» реальность – реальность as is – уходит на второй план, уступая место реальности «воображаемого» (as if). Этот процесс, на самом деле, сложнее, и чуть ниже мы коснемся его динамики; сейчас же подчеркнем, что описанный сдвиг (as is – as if) – частный случай весьма интересного феномена, о необходимости изучения которого еще в 1985 году говорилось авторами исследования «Архитектура и эмоциональный мир человека»:

> «Нужно сказать, что ответ на вопрос, что именно в архитектурных сооружениях или более сложных объектах (районах, городах) вызывает эмоции, крайне важен архитекторам. Но и экспериментальное решение этого вопроса вызывает множество исследовательских трудностей. Даже когда архитектура сама по себе является объектом человеческого внимания, на психику тех, кто находится среди архитектурных произведений, влияет множество различных факторов, и выделить из них собственно архитектурные затруднительно. Но самое важное – определить характер эмоционального воздействия архитектуры как раз тогда, когда внимание направлено не на архитектуру, когда восприятие играет роль фона…»[1].

1.2. Отметим важный момент: концертный зал – не просто место удвоения (или сдвига) реальности – это еще и место соприсутствия при этом сдвиге. Мало того, это соприсутствие акцентированное, манифестированное – оно публично в этом «напоказ». Слушатель присутствует при «рождении» музыки буквально «из ничего», – при том он одновременно со-присутствует другим слушателям в их соприсутствии. Артист соприсутствует при живом отклике аудитории на исполняемую музыку; если на сцене несколько или много музыкантов, каждый из них соприсутствует другим в этом соприсутствии; это не говоря о том, что музыкант соприсутствуем музыканту в «рождении» музыки. В каком-то смысле концертная ситуация сродни феномену ожиданию чуда и событию свидетельствования этого чуда. Парадоксальным образом это «состояние при рождении чуда» сформулировано композитором К.Штокхаузеном в партитуре «Из семи дней» (представляющей собой исключительно словесный текст!):

> «…моя функция – сродни преобразователю; я – радиоприемник. Когда я сочиняю в правильном строе сознания, моего авторского Я более не существует»[2].

1.3. Необходимо внести одну существенную оговорку об использовании терминов «место» и «пространство» в контексте данной работы.

Мы используем термины «место» и «пространство» в смыслах, выработанных в контексте научных направлений cultural geography («куль-

[1] Забельшанский Г.Б., Минервин П.Б., Раппапорт А.Г., Сомов Г.Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека. М.:Стройиздат, 1985. С. 56.

[2] Stockhausen K. Aus Den Sieben Tagen, op.26. 15 Text Compositions for intuitive Music in variable Instrumentation by Karlheinz Stockhausen. Universal Edition, 2007.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

турная география» или «география культуры») и отчасти в социологии пространства. Представление о «месте» с позиций событий культуры возникло в 1930-е годы в работах К.Зауэра о «культурном ландшафте», которые легли в основу так называемой «культурной географии», сложившейся в последней трети XX века интердисциплинарной области на стыке культурологии, истории, социологии, антропологии, архитектуры и градостроительства[3]. В культурной географии «место» представляет собой концепт, или ментальную карту, жестко эмпирически привязанную к вещественному миру[4]. С этой точки зрения, концепт места, по Ф.Лукерману, включает в себя: (а) точку расположения объекта (абсолютно – в виде координат, размеров и относительно – по отношению к другим объектам), (б) уникальную констелляцию природных факторов, (в) уникальную социокультурную ситуацию, (г) качество локальности, (д) собственную конкретную историю, а также (е) то, что люди вообще знают или могут знать об этом месте[5]. Т.Джирин, обобщая, свел представление о «месте» к трем важнейшим пунктам. Во-первых, место обладает географическими координатами и физической размерностью; место можно измерить и найти на карте. Во-вторых, место обладает уникальным именем и собственной историей. В-третьих, место – это всегда точка осуществления некоторого опыта проживания этого места[6].

В отличие от эмпиричности и «вещественности» места, применительно к архитектурным объектам, пространство в данной работе понимается в духе идей К.Норберг-Шульца, как совокупность прагматических, перцептивных, экзистенциальных, когнитивных и логических факторов , связывающих культуру, человека и конкретное здание (или помещение) в данном месте:

> «Прагматическое пространство объединяет человека с его природным, 'органическим' окружением, перцептивное пространство является важнейшим в его самоопределении как личности, экзистенциальное – определяет его принадлежность социальной и культурной тотальности, когнитивное пространство подразумевает, что человек в состоянии мыслить о пространстве, логическое пространство...дает ему инструмент для описания всех прочих»[7].

Пространство, иными словами, есть поле обобщения мест, данное как совокупность обобщенного описания: практик (как порождающих схем опыта), институциональных моделей (моделей социального конституирования порождающих практики схем)[8] и когнитивных моделей, позволяющих мыслить пространство и устанавливать способы его описания.

Концертное пространство как совокупность порождающих практики схем имеет довольно сложную структуру, поскольку собственно событие концерта (концертного исполнения и слушания), как правило, является центральной частью структуры практик, но не единственной. Как правило, в эту структуру входят практики, предшествующие концерту, и практики, следующие за концертом, образующие сложную структуру, называемую «концертным ритуалом». Ритуал в данном случае понимается как жестко закрепленная после-

[3] См.: Jackson P. Maps of meaning: An introduction to cultural geography. L.:Routledge, 1989.

[4] Ср. у М.Хайдеггера: «Вещи сами суть места, а не просто принадлежат определенному месту» – Хайдеггер М. Искусство и пространство (1969) / М.Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С.315.

[5] Lukermann F.E. The concept of location in classical geography // Annals of the Association of American Geographers, 1961 - №51. P.194–210.

[6] Gieryn T.F. A space for place in sociology // Annual Rev. of Sociol. 2000. №26. P. 464-466

[7] Norberg-Schulz C., Existence, Space, and Architecture, цит.по: Relph E. Place and placeness. L., 1976. P.32

[8] Ср.: А.Кримс указывает, что ценность места зависит от уникальности конкретной (в его случае, городской) среды; социальное пространство места общественными отношениями; музыкальная жизнь города часто рассматривается именно в категориях пространства, как форма *«пространственного становления (spatialization) социальных отношений»* (Krims A. Music and urban geography. Abington:Routledge,2007. P.29,31).

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

довательность социально значимых действий (своего рода социальный автоматизм)[9].

Концертный ритуал как последовательность жестко закрепленных действий, каждое из которых имеет социальную силу, возникает в силу когнитивно-институциональных обстоятельств, определяющих единство поля (термин П.Бурдье) в котором совершаются эти действия.

Концертные практики складываются в привязке к конкретным местам; совокупность мест, объединенных сходными практиками образует концертное пространство; при этом концертные пространства обладают порождающей силой для новых мест концерта. В сущности, возникающая совокупность материальных объектов (мест), институционально одобренных и связанных с определенной структурой порождения практик, дает право называть концертное пространство (в том числе и как способ организации архитектурного пространства) – культурным объектом:

> «Культурный объект (как функционирующий социальный институт) одновременно является и социально оформленным материальным объектом и особым классом хабитуса, которому он адресован» [10].

2. Ракурс второй: архитектурный

Концертный зал – это помещение внутри здания. Это значит, что есть определенное единство двух одновременно действующих «регулировочных механизмов» (инженерного и художественного), управляющих простой и очевидной цепочкой поведенческих событий: войти в здание, дойти до концертного зала, войти в зал, дойти до своего места, – и обратной последовательностью после концерта.

2.1. Классический случай: стена как граница, дверь в качестве точки проникновения сквозь стену.

Запертая дверь – часть стены, обозначенная как возможность входа или выхода, причем само оформление проема в целом как границы, как правило, указывает на вероятность и способ ограничения публичности. Первая граница (с улицы внутрь здания) – это первичный отсев – тех, кто уж вовсе не соответствует заявленным овеществлениям нормативной социальности. Вторая граница (изнутри здания внутрь концертного зала) – пропускает тех, кто имеет право входа, – ограниченное наполняемостью зала и границами физического комфорта. Впрочем, терпеть физические неудобства в переполненном зале доводилось многим (это называется аншлаг и «переаншлаг») – вопрос лишь в том, перевешивает ли приобретаемая ценность изначально существующую ценностную меру комфорта.

Это вполне очевидные общие соображения о границе имеют довольно любопытное продолжение, связанное с архитектурным феноменом оболочек, не совпадающих с поверхностью стены – по сути, сознательного и целенаправленного расслоения границы. И здесь мы имеем дело с двумя основными случаями.

(а) Оболочка внешнего слоя – оболочка поверх внешней плоскости стены здания. Вторая – скрывающая и создающая художественную иллюзию – граница. Здесь нужно держать в уме, что оболочки – достояние архитектуры XX века, способ сокрытия конструктивных элементов; в известной степени эту же функцию ранее выполнял скульптурный декор, впрочем, в том случае мы имеем дело со своеобразным «мерцанием» приема, одновременно и скрывающего, и акцентирующего форму внешней границы. В современной нам архитектуре оболочка работает и как средство скрыть реальную архитектурную границу, и как средство создания второй, во многом иллюзорной, «художественной» по своему смыслу границы. В этом смысле принцип внешних оболочек – это развитие

[9] См. вторую главу в Chwe M.Suk-Young. Rational ritual: culture, coordination, and common knowledge. Princeton University Press 2001.

[10] Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология, т.6, №3, 2005. С. 63, прим.

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

принципов «говорящей архитектуры» (более чем двухсотлетней давности) на новом витке развития. Мы видим элементы иррационального в оболочке, и именно сам факт наличия таких элементов говорит о присутствии здесь элементов иррационального как принципиально не утилитарного предназначения здания.

(б) Оболочки внутренних стен концертного зала – помимо создания сугубо визуальных эффектов, порождаемых очертаниями, плоскостями, фактурой, цветом, освещением – работают еще как минимум в двух аспектах. Первый, вполне очевидный и имеющий театральной происхождение – частичные оболочки (по функции), регулирующие степень публичности. Это границы галерей, балконов, лож, задающие границы социальных ролевых as if на время концерта, со своей избирательной нормативностью. Второй – наиболее интересный – внутренние оболочки концертного зала – практически никогда полностью не совпадающие с плоскостью стен) прямо обеспечивают акустическое единство всего пространства концертного зала. Любопытное соображение по этому поводу предложили Д.Ховард и Дж.Ангус в исследовании «Акустика и психоакустика» (2009). Подтвердив парадоксальный вывод Р.Уайлдинга-Уайта[11], сделанный десятью годами ранее (концертный зал только и тогда будет существовать как концертный, когда само помещение зала будет работать как музыкальный инструмент), авторы исследования показали, что в ходе концерта происходит следующее. Звук порождается музыкальным инструментом («всякий акустический музыкальный инструмент имеет два главных компонента: источник звука и преобразователи (modifiers) звука»), порожденный звук преобразуется музыкальным инструментом, преобразованный звук попадает в помещение зала, звук в помещении зала второй раз преобразуется архитектурными элементами зала, а также декором, мебелью и естественными звукопоглотителями – слушателями: «Когда исполнитель на сцене играет на музыкальном инструменте, концертный зал работает вторым музыкальным инструментом»[12].

Концертный зал возник изначально в ситуации, когда не существовало никаких способов управлять акустикой помещения. И в этом смысле принцип «инструмент внутри другого музыкального инструмента» был фактически способом овеществления идеи «мастеровой скрипки». Однако, начиная с середины XX века, с развитием микроэлектроники и появлением электронной музыки произошло фактически развеществление самого музыкального инструмента. Следствие – предельная универсализация концертного пространства, заранее рассчитанного на то, что в нем с помощью электронных приборов можно будет создать любую акустическую картину. Такое потенциально абсолютное as if.

И еще один момент. В концертном зале нет такой острой концентрации внимания аудитории на одном специальном участке стены, как в кинозале, – чтобы это сокрытие было вообще нужно (благо существуют системы управления акустикой, предназначенные специально для кинозалов). Несмотря на то, что после «визуального прорыва» первой половины XIX века концертный зал оказался весьма близок к театру (программная драматургия и дирижер как некий телесно-пластический центр внимания и фокусировки самой драматургии). Но фигура дирижера (или солиста-исполнителя) находится достаточно далеко, чтобы фокус визуального внимания был столь же абсолютен, как в кинотеатре.

2.2. Особый тип границы – путь к залу. Это не такая граница, как стена или демаркационная линия; она дана как определенный, предзаданный путь (не путать с траекторией или маршрутом:

[11] Wilding-White R. Poème électronique: A building as an instrument // Experimental Musical instruments, 1998, Vol. 13 №3 P.10-15.

[12] Howard D.M., Angus J. Acoustics and Psychoacoustics. 4rd ed. Oxford, Focal Press, 2009. P. 169

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

один путь задает веер траекторий или маршрутов; иначе говоря, маршрут – это схема, путь – опыт).

Сама идея пути от входа к залу возникла достаточно давно (в XVIII веке) в связи с эмблематикой Дворца; весьма отчетливо эта идея, впоследствии многократно овеществленная, сформулирована в «Курсе архитектуры» Ж.-Ф.Блонделя: «...Величие и Достоинство должны представляться идущему поступательно: от наружных частей главного корпуса, через главные дворы, из вестибюля и далее через галереи... – необходимо создать впечатление, что мы неощутимо приближаемся к трону»[13].

Применительно к концертному залу путь – от входа к сцене-возвышению – это часть более общей метафоры «власти Музыки» – она сложилась во времена «романтических виртуозов» начала XIX века: музыкант как абсолютный властитель, – парадоксальным образом эта абсолютистская идея сохраняет свою силу и по сей день.

2.3. Интересна полупроницаемая граница между двумя функционально и идеологически разными пространствами: исполнительским и слушательским. Граница между ними проходит где-то между первым рядом и сценой и продолжается далее; «закулисная» часть здания в принципе отделена стенами и дверьми от публичной и непроницаема для публики (хотя, разумеется, бывают исключения).

2.4. Чрезвычайно важные границы места исполнителя – они образованы так называемой «красной линией» эстрады (вне зависимости от того, возвышенная это эстрада или нет). Здесь есть несколько существенных аспектов. Во-первых, эта граница полностью закрыта для слушателей в момент концерта. Во-вторых, эта граница может быть произвольно изменена «в интересах Музыки» – иная, чем в границах эстрады, конфигурация рассадки исполнителей, может быть, к примеру, прямо задана композитором[14].

3 Ракурс третий: границы состояний

Все непосредственные участники события концерта оказываются в ситуации проживания опыта, назовем его так – «сдвига когнитивной границы». Это весьма интересная ситуация, когда человек одновременно находится и в «обыденной» реальности (as is), и в реальности «художественной» (as if), с преобладанием последней. А это, в свою очередь, предполагает одновременно не менее острый сдвиг способа мышления в сторону «образного», сдвиг восприятия в сторону полимодальности (с преобладанием акустического компонента). Следует заметить, что в описанной картине существует определенная динамика. Событие концерта начинается еще до того, как зазвучит музыка, – по крайней мере, с момента входа слушателя в здание концертного зала. Уже начиная с этого момента начинается перестройка восприятия на «менее логическое, более образное», – и это переключение продолжается вплоть до момента начала собственно концерта как звучащей музыки. После завершения происходит обратный сдвиг. Казалось бы, предложенная динамическая схема самоочевидна, однако на деле в этой очевидности присутствует множество «белых пятен». Например, человек идет на концерт, имея, как минимум общее представление о той музыке, которую ему предстоит слушать; подходя к зданию концертного зала и входя в него, он, пересекая физическую границу, одновременно сталкивает свое внутреннее «предчувствие музыки» с прямым впечатлением от восприятия здания концертного зала. Они, безусловно, могут совпасть и оказаться в чем-то «равнородственными» (термин А.Н. Быстровой). Но могут и войти в определенное психологическое «противостояние», которое, в дальнейшем, при движении

[13] Blondel J.F. Cours d'Architecture, ou traite de la Decoration, distribution & construction des battments , T.2nd, Paris, 1771. P.234

[14] Как пример – «Геометрия звука» Р.Щедрина, где прямо в партитуре указано, что часть исполнителей располагается на балконах (или в кулисах, если балконов нет).

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

внутри здания и уж тем более при входе в зал, может породить внутренний конфликт вплоть до психофизиологического (когда «неуместность» еще не прозвучавшей музыки именно в этом зале ощущается буквально на уровне телесных ощущений).

Однако что на самом деле происходит (когда и если такое происходит) и какие психофизиологические и когнитивные процессы лежат в основе – до сих пор неизвестно, и более того – совершенно непонятно, каков может быть метод получения сколько-нибудь достоверных данных. Аналогичная исследовательская картина – с другим пограничным моментом – столкновением «предчувствия» музыки с музыкой реально звучащей, и здесь также веер вероятности весьма широк, от полной неощутимости границы до ее полной психологической «непроницаемости».

3.2. Концертный ритуал предусматривает момент тишины, прежде чем зазвучит музыка. И это тоже – одна из самых существенных границ, между состоянием «музыка» и состоянием «немузыка». Тонкость в том, что момент начала звучания и момент начала «музыки» могут находиться на разных точках временной шкалы. Причина, во многом, в том, что до сих пор актуальным остается представление о «музыкальном произведении»: музыка – это звуковой поток, как результат развеществления некоторого законченного музыкального произведения (в идеале обязательно записанного). А следовательно, пока не будет осознана первая, а лучше вторая внутренняя граница музыкальной формы, – а мы напомним, что форма в данном случае – процесс! – будет странная размытая граница между тишиной и музыкой, наполненная … чем? А зал в это время работает, проводит звук от исполнителя к слушателю. С неизбежными, пусть и не особо заметными, искажениями. И в какой момент будет пройдена граница между звуком и музыкой, во многом зависит от концертного зала. Но как зависит? Поле для изысканий открыто.

P.S.

И вот еще что. Человек после концерта пересекает границу здания и выходит в город. Влияет ли тот эмоциональный шлейф, который он несет в себе после концерта, на восприятие города?

© Издательство «Эйдос», 2015. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2015. For Private Use Only.

Международный журнал исследований культуры # 4(21) 2015
International Journal of Cultural Research # 4(21) 2015
Электронное издание
Web-Journal
www.culturalresearch.ru

ТЕМА НОМЕРА

Границы и пограничность в культуре

Приглашенный редактор: Владимир Леопольдович Каганский
Ответственный за выпуск: Алина Владимировна Венкова

The MAIN TOPIC of the ISSUE

In-Culture Borders and In-Borders Life

Guest Editor: Vladimir Kaganskiy
Managing Editor: Alina Venkova

Дизайн и оригинал макет
Design & layout
Издательство «ЭЙДОС»
Publishing House EIDOS
www.eidos-books.ru